

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ

Хопер — самый крупный после Северского Донца приток Дона. Его протяженность от истока до устья 1008 км. Большая часть реки находится в лесостепной зоне (I.C.120). Эпоха мезолита до последнего времени оставалась наименее изученным периодом в истории Прихоперья. Наиболее известным памятником каменного века считалась дюнная стоянка у с.Расказань (2.C.238). Здесь на поверхности дна были обнаружены гальки, кварцитовые нуклеусы, кремневые и кварцитовые наконечники стрел, листовидной и треугольной формы с двусторонней обработкой, оббитые с двух сторон кремневые долота, долота с пришлифованным рабочим краем, кварцитовые и кремневые отщепы и фрагменты глиняной посуды (3). В целом инвентарь этого памятника вполне соответствует инвентарю поздненеолитических памятников европейской части СССР. Интересная коллекция керамики неолитического облика с прочерченным, зубчатым и ямочным орнаментом была получена П.С.Риковым в 1930 г. во время обследования дна у с.Вертуновка (4).

За последние годы открыты и частично исследованы памятники, позволяющие считать лесостепное Прихоперье пограничной областью различных неолитических культур, в том числе с традициями накольчатой и ямочно-гребенчатой орнаментации (5.C.197-198). В настоящее время удалось установить, что наиболее ранними в регионе являются стоянки, содержащие накольчатую керамику и каменную индустрию, направленную на получение и использование пластики (6.C.27-28). Кроме того, положено начало выделению и изучению памятников предшествующего периода. Подобная работа была проведена А.Т.Смирновым для Верхнего и Среднего Подонья (7). Обоснованием для выделения керамики с накольчатой орнаментацией в самостоятельный, хронологически ранний комплекс послужили данные горизонтальной и вертикальной стратиграфии. Представления о традиционной археолого-зоологической стратиграфии мало применимы к памятникам бассейна р.Хопер. Вмещающие слои обычно представлены однородными песчаными и супесчаными отложениями, где

обнаружить стерильные прослойки нередко весьма незначительные и рас- прос ранние на ограниченной площади, бывает сложно.

Определенное стратиграфическое и планиграфическое положение на- кольчатой керамики и оружного инвентаря с традициями мезолитичес- кой индустрии нами зафиксировано в нижней части культурного слоя, на стоянке, обнаруженной в 0,5 км на СЗ от с.Игнаево Романовского рай- она Саратовской области. Памятник расположен в широкой пойме право- го берега Хопра, на дне, которая дугобразно изогнута и ориентиро- вана по линии ЮВ - СЗ. Размеры дуги 400 x 60 м. Высота склонов до- стигает 5-6 м над уровнем поймы. В ходе работ исследовано около 500 кв.м. Культурный слой по площади раскопа состоит из слабого дерново- го слоя (местами его вообще нет) 3-4 см, поздних аллювиальных отложе- ний (серая супесь) 10-40 см и темной супеси 70-80 см, постепенно при- обретающей к основанию более светлую окраску. Вся свита покоится на желтоватом материковом песке. Насыщенность культурного слоя доволь- но слабая, но имеет широкий хронологический диапазон. Основная ма- са находок концентрирована в слое темной супеси. В предметерни- вом слое, более светлой супеси, отмечены единичные фрагменты керам- ки с накольчатой орнаментацией и даже отдельные экземпляры микроли- тов. Срезу следует оговориться, что накольчатая керамика встречается и в верхних пластах, совместно с гребенчатой, гребенчато-ямочной, прочерченной и черточничковой керамикой позднемезолитического и энео- литического облика.

Ранний комплекс керамики (рис.1, I-3) - около 20 фрагментов-харак- теризуется относительной тонкостью и плотным тестом с незначи- тельной примесью какого-то органического вещества. Лепка сосудов про- изводилась ленточным способом. Внешняя поверхность тщательно загла- жена, внутри встречается следы расчесов. Облик костровый, но до- статочно равномерный. Цвет черепков светло-коричневый, варьирующий оттенками. Фрагменты раннеэолитической керамики, вероятно, проихо- дят от прямостенных сосудов, имеющих относительно плавный переход ко дну. Венчики прямые, слегка утонченные. Форма дна пока не уста- новлена. Орнамент наносился при помощи сливающихся треугольных нако- лов, выполненных в отступающей технике и располагающихся горизонталь- ными лентами, иногда разделенных поясами разреженных наколов (рис. I, I-2). Помимо треугольного накола, в орнаментации ранней керамики применялся способ угловой отступающей лопаточки. На одном крупном фрагменте (рис. I.3) сливающиеся отпечатки отступающей лопаточки со- ставляют горизонтальные и диагональные ряды, скопированные в зоны, и дополненные двумя поясами разреженных треугольных наколов. Подоб-

ный способ орнаментации довольно широко практиковался в раннем неолите Десны (8.С.II), но не характерен для бассейна Дона, где ведущую роль играли треугольные, скобковидные и спаренные наклады (7.С.6I).

Каменный инвентарь стоянки представлен 463 предметами, из которых 77,3% изготовлено из разноцветного валунного кремня. Основным поделочным материалом для нижней части культурного слоя являлся темно-серый, серый и молочный кремь. Наряду с кремнем для производства орудий использовался светло-серый мелкозернистый кварцит - 2I,4% и лишь незначительное количество орудий сделано из более мягких пород (сланец, гранит) камня - I,3%. Самую многочисленную группу находок составляют мелкие отщепы, сколы, чешуйки кремня и кварцита - 45,3%. Ведущим признаком каменного инвентаря является преобладание орудий на пластинах - 79,75%. Орудия на отщепах составляют - 20,25%. В комплексе орудий, наряду с изделиями типичного облика, мы включили пластины и их сечения как со специальной подработкой, так и без нее, поскольку все они функционировали как вкладыши. На это указывают следы сработанности на их острых краях (рис. I.19, 2I, 23). Некоторые сечения получили геометрические формы, приближенные к трапециям (рис. I.18, 2I-25), но без подработки боков. Многочисленную серию находок (84 экз.) составили мелкие ножевидные пластины (рис. I. 4-17) длиной 0,5-3 см. В основном, они хорошо огранены, а отдельные экземпляры подправлены односторонней ретушью (рис. I.8, II). Средние и крупные пластины (3I экз.), а также орудия на них довольно малочисленны, но выразительны (рис. I. 28-33). Особенно интересна пластина "с выделенной ретушью головкой", которая находится у конца с ударным бугорком (рис. I.26). Подобные изделия встречаются на позднемезолитических и неолитических стоянках юга европейской части СССР, Белоруссии, Кавказа (9.С.138), Предуралья (10.С.59) и Нижнего Поволжья (II.С.87). Резцов всего четыре экземпляра, они не выразительны, по типу относятся к угловым на пластине (рис. I.29). Остроконечные орудия представлены проколками, сверлами и остриями (рис. I.3I-33, 38). Значительную группу находок составляют скребки (24 экз.). По характеру заготовки, форме и технике обработки среди них выделяются несколько типов. Первый - скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. I.30, 34-36, 39) с полукруглым или скошенным рабочим краем. Второй тип - скребки на отщепах аморфной формы (рис. I.37). Некоторые из них сохраняют первичную корку. Рабочий край скребков имеет различные очертания и

обработана в основном мешкой и крутой ретушью. Третий тип представлен миниатюрными округлыми и ногтевидной формы скребочками, изготовленными на отщепках и оформленные простраившей ретушью, высоко заходящей на спинку (рис. I.45). В коллекции имеется семь скребелей. Все они изготовлены на отщепках, пластинчатых отщепках и микроотщепках (рис. I.42-44). Количественно небольшие серии образуют наконечники стрел (листовидные, черешковые, треугольные с выемкой в основании), рубящие и долотовидные орудия из кремня со шлифовкой по краю, как и некоторые из пластин и сечений. Из мягких пород камня найдены два утюжка, три тесла и шлифовальные плиты.

О технике расщепления можно судить по обнаруженным нуклеусам (16 экз.) и сколам с верхних площадок нуклеусов. В основном они принадлежат к числу микролитических для производства пластин. Среди них выделяются конические одноплощадочные, призматические одно- и двухплощадочные (рис. I.40-41) и торцевые уплощенные. Причем, торцевые уплощенные нуклеусы изготовлены только из кварцита. Ударные площадки ровные, пластины выработывались по периметру или одному из участков нуклеуса. Аморфные, многоплощадочные нуклеусы для производства отщепов исчисляются единицами и, судя по их нахождению в верхней части культурного слоя, относятся к более позднему периоду.

К сожалению, из-за некоторой смещенности напластований определить весь камень по времени мы не можем, поэтому основное внимание уделяли находкам из нижней части и основания культурного слоя, где концентрировались микролитические изделия (пластина "с выделенной головкой", микроскребок, сечения с ретушью, ..) и отдельные фрагменты керамики с накольчатым орнаментом. Вероятно, и этот комплекс не однороден. Одна его часть по всем признакам сопоставляется с материалами позднемезолитического облика, другая, включающая керамику и орудия с пришлифовкой, - с равным этапом местного неолита.

Наиболее близкие аналогии каменная индустрия нижнего слоя Иньсево имеет с позднемезолитическими материалами Верхнего и Среднего Дона (7.С.68.Рис.7), Саратовского Заволжья (12.С.100), Среднего Поволжья (13.С.94-99) и Прикамья (14.С.3-19). Правда, в позднем мезолите Среднего Поволжья и Прикамья ведущей группой орудий продолжают оставаться резцы, что не характерно для Прихоперья, да и всего бассейна Дона.

Накольчатая керамика имеет определенное сходство с материалами стоянок типа Монастырской на Дону (7.С.59.Рис.4) и Жеренская Протока на Десне (8.С.11.Рис.4. 1-9).

Коллекция каменных изделий и наколочатая керамика получены во время раскопок длинной стоянки, расположенной на левом, пойменном берегу р.Вороны (правый приток Копра) в 700м на с-в от с.Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (I5.C.98-99). Она включает в себя песчаные всхолмления-дны, останцы и дефляционные котловины. Общая протяженность стоянки с с-в на ю-в около 900м при наибольшей ширине 600м. В центральной части дны 5 был заложен раскоп общей площадью около 100 кв.м. Под слабым (3-5 см) слоем дна залегал культурный слой мощностью до 60см. Он состоял из светло-серой (25-30см) и более темной супеси, варьирующей от 15 до 25 см, и подстилался желтым речным песком. Характер находок позволил выделить два горизонта: неолитический и эпохи бронзы. В данной работе рассматривается только ранний добродюмовый материал. Следует также отметить, что в поглубинном размещении неолитический комплекс представляет собой единый однокультурный пласт.

Неолитическая керамика (всего 15 фрагментов) характеризуется плотным тестом с примесью песка. Толщина стенок 0,5-0,7см. Внешняя поверхность тщательно заглажена, на внутренней имеются горизонтальные расчесы. Цвет черепков коричневато-сероватый. Форма сосудов полностью не реконструируется. Имеющийся венчик (рис.2.1) и стенки (рис.2.2-3) позволяют предположить, что это были прямостоящие сосуды без выделанной шейки. Основным элементом орнамента являются подтреугольные наголы, выполненные в отступающей технике. Композиционные построения отражают геометризацию стиля орнамента. Вероятно, это были наклонно-строчечные ряды, разделенные поясками ямок. Рядки ямок наносились в верхней части сосудов под венчиком.

Каменный инвентарь стоянки состоит из 207 предметов, включая изделия, отщепы и сколы. Для изготовления орудий использовался светло-серый, мелкозернистый кварцит и разноцветный (желтый, коричневый, серый, красный) валунный кремнь. Самую многочисленную категорию находок, и это является особенностью стоянки, составляют изделия из кварцита - 57%. Причем, как кварцитовые, так и кремневые орудия типологически идентичны. Исключением являются рубящие орудия (рис.2. 7-8,17), изготовленные из кремня и более мягких пород камня. Наряду с кварцитом для производства орудий широко использовался кремнь - 41,5%. Из других пород камня (сланец, доломит) изготовлено 1,5% орудий. Осколки от производства составляют 43,07% от общего количества находок. Соотношение изделий на пластинах и отщепах соответственно равно 61:39%. Отличительным признаком каменного инвентаря является преобладание орудий на средних и крупных пластинах (38 экз.). Микропластины (рис.3.14-17)

насчитывают только 12 экземпляров. Размеры пластин варьируют от 2 до 6 см, при ширине 0,5-2 см. Среди сечений (8 экз.) два выделяются своей трапецевидной формой (рис.2.12;3.23). Некоторые из пластин по одному-двум краям обработаны приостряющей или затупливающей ретушью (рис.3.2,18), а чаще всего затерты (рис.3.1,3-5) от длительного употребления. Типологически такие изделия обычно относят к разряду ножей и вкладышей. Определенный интерес вызывает небольшая серия пластин (5 экз.) со скошенным ретушированным (рис.2.11; 3.8) или притупленным (рис.3.15,18) концом. Резцов всего три экземпляра (рис.3.10,12-13). Один из них двойной (рис.3.12), рабочая часть другого (рис.3.13) сформирована поперечным сколом (рис.3.13). Остроконечные орудия (5 экз.) представлены остриями, проколками и сверлами (рис.3.19-20).

Выемчатых изделий, скобелей найдено 13 экземпляров. Преобладают орудия на отщепах и пластинчатых отщепах (рис.2.18), грани которых зачастую несут на себе несколько неглубоких ретушированных выемок. Помимо того, имеются комбинированные орудия: скребла-скобели, ножи-скобели, скребки-скобели (рис.2.19).

Довольно интересны орудия, которые относятся к типу ножей на крупных пластинчатых отщепах (7 экз.). Ретушь на подобных изделиях нанесена по краю отщепа со стороны спинки (рис.2.16) или брешка.

Близко к этой категории находок примыкает скребла, изготовленные на отщепах (8 экз.). Скребки (6 экз.) по типу рабочего края относятся к подокруглым (рис.2.5-6,19) и концевым (рис.2.4) на отщепах. Левые скребков в основном сформировано крутой односторонней ретушью, охватывающей почти всю окружность заготовки. Один скребок (рис.2.4) имеет скошенный рабочий край и аналогичен уже описанным пластинчатым изделиям (рис.2.11;3.8). Из общего количества находок к типу рубящих орудий можно отнести два кремневых теса (рис.2.7-8). Они имеют удлиненно-трапецевидную форму и выгнутое лезвие. К ним функционально близки еще три шлифованных теса, изготовленные из более мягких пород камня (рис.2.17). Обнаруженные нуклеусы (18 экз.) представлены призматическими (рис.2.9-10,15), коническими (рис.3.26,28) и торцевыми уплощенными (рис.3.27) формами. Как правило, они имеют одну ортогональную ударную площадку и приостренный противоположный конец. Изредка встречаются нуклеусы, у которых в качестве площадок использовались боковые стороны их граней. Некоторые нуклеусы после их полного использования употреблялись для изготовления скребков (рис.3.27), долот

(рис. 2, 10) и других орудий. В целом, керамика и каменная индустрия памятника имеют ранне-неолитический облик и, по справедливому замечанию А.Т.Синюка, совершенно аналогичны материалам стоянки Монастырская I (7.С.63,67). Исключением являются так называемые "рогатые трапеции", которых нет среди орудий Шапкино I (дюна 5)

Интересная коллекция кремневых и кварцитовых изделий собрана в северо-западной части стоянки Шапкино I вдоль небольшого остопа (дюна 9) и на месте дефляционной котловины. Находки были распространены на площади 150-180 кв.м.

Всего обнаружено 687 предметов. Из них - 78,02% изделий из разноцветного (черного, пестрого, серого, красного, молочною) кремня и 24,88% из мелкозернистого светлого кварцита. Отходы от производства (сколы, отщепы, чешуйки) составляют 77,9% от общего количества находок. Главная особенность каменного инвентаря проявляется в его ярко выраженной микролитическом характере. Соотношение изделий на пластинах и отщепах составляет соответственно 87,05:12,95%. Ведущее место среди изделий занимают средние пластины (18 экз.), микропластины (53 экз.), сечения (40 экз.) и орудия на них. Часть орудий шлифована (рис. 4.1-4, 13-14, 16, 24, 26) или обработана краевой ретушью по одному, реже двум краям, как со стороны спинки, так и со стороны брюшка. Большинство микропластины (рис. 4.15, 19-21) и сечений (рис. 4.22) имеют следы использования в виде зазубрин и смятости. Среди сечений два экземпляра выделяются трапециевидной формой (рис. 4.27-28). Определенный интерес вызывают три микропластины с чуть скошенными и притупленными крутой ретушью концами (рис. 4.11-12). Некоторые пластины, с выделенными ретушью черешком (рис. 4. 6-8) типологически близки к наконечникам стрел постовидерского облика. Резцов в комплексе 8 экземпляров. Среди них выделяются угловые и срединные на пластинах (рис. 4.9, 17-18) и отщепах (рис. 4.29).

Остроконечные орудия (7 экз.) представлены проколами (рис. 4.5, 30-31, 33) и сверлом (рис. 4.32). Под этим названием объединены изделия с одним или двумя затупленными краями и точечным концом-острием. Скребок - 3 экземпляра (рис. 4.34), все они относятся к типу концевых со скошенным лезвием. При обработке лезвий использована крутая односторонняя ретушь. Скобелей найдено 9 экземпляров. Заготовки они на отщепах (рис. 4.35). Выемки оформлены средней или мелкой крутой ретушью со стороны спинки заготовки. Кроме того, на стоянке встречены отщепы и нуклеидные обломки со следами ретуши на краях. Часть изделия (4 экз.) составляют нуклеусы и сколы с них. Целых ядриц нет, но оставшиеся обломки дают представление о форме

последних. Вероятно, это были костяные или призматические нуклеусы для производства пластин (рис. 4.36-37). Один из нуклеусов впоследствии использовался как концевой скребок (рис. 4.37).

Таким образом, общий и кролитический облик инвентаря, пластичный характер индустрии, специализированный на изготовлении вкладышей, наличие довольно архайчных форм орудий (пластины со скошенным и притупленным концом, наконечники стрел, близкие к постсвидерским, симметричные острия, срединные резцы, концевые скребки со скошенным лезвием и т.п.) и отсутствие керамики позволяют предположить позднемезолитический возраст стоянки. В то же время, наличие накольчиков стрел постсвидерского облика указывает, что определенное воздействие на лесостепное Прихоперье оказали позднемезолитические культуры Волго-Окского бассейна, в частности, позднебутовская. Вероятно, памятники последней выходят в район верхнего к среднего течения. Цны (Воскресенски* Бугор, Дедов Бугор). Т.Б. Попова, изучавшая позднемезолитические стоянки Тамбовщины считает, что они по своей кремневой индустрии (костяные нуклеусы, тонкие кожевадные пластины без признаков подрастки, наконечники стрел свидероидного типа, небольшие округлые скребки, пластинки со скошенным концом) тяготеют к мезолитическим памятникам (Борки, Елики Бор) бассейна Оки (Г.С. 198-201). Все эти признаки поразительно напоминают микролитический инвентарь и Прихоперских стоянок.

Выразительная неолитическая керамика, в том числе и с накольчатой орнаментацией, получена во время раскопок многослойной стоянки Шапкино 2.

Памятник расположен на широкой террасе левого берега р. Ворони. Высота террасы около 6 м. Своей северной и северо-восточной стороной стоянка обращена к донам (стоянка Шапкино I). Заросшие кустарником ступенчатые склоны постепенно опускаются к заболоченному берегу ручья, который впадает в р. Ворону. Площадь памятника ровная, но большей частью занята взрослыми сосновыми посадками. В ходе работ исследовано около 400 кв. м. Общая мощность напластований составила 100-115 см. Керамика неолитического времени (накольчатая, гребенчато-накольчатая, ямочно-гребенчатая) концентрировалась в нижних пластах культурного слоя. Стратиграфические наблюдения показали, что накольчатая и гребенчато-накольчатая керамики, в своей основной массе, предшествовали ямочно-гребенчатой. Необходимо отметить, что культурный слой памятника сильно нарушен дерепками более позднего (постзврубинецкого) времени, поэтому наиболее ранний керамический комплекс мы рассматриваем суммарно.

Для сосудов этого комплекса (36 фрагментов) характерно преобладание накольчатого узора, который наносился по всей поверхности в отступающей технике. Элементом орнамента выступает разлитого вида накол: треугольный (рис.5.1-3), спаренный, скобкой, в скорописно-строчечной манере (рис.5.5-6). На отдельных фрагментах накол сочетается с оптическими гребенки (рис.5.4) и явными вдавлинками (рис.5.6). Композиционные построения носят горизонтальный и прямолинейно-треугольный характер. Судя по обнаруженным венчикам и стенкам, господствует форма цилиндрических сосудов. Днища не обнаружены. Верх сосудов округлен, гофрирован или плоско срезан. Толщина стенок 0,4-0,6 см. Обжиг хороший, тесто плотное с примесью песка. Поверхности чуть подлохнены, изнутри имеется штриховая зачистка. Цвет черепков серовато-коричневатый. Видимо, не вся накольчатая керамика однородна. Так, скорописно-строчечный накол (рис.5.5-6) более всего характерен для восточных областей обитания племеч с накольчатой керамикой. Спорадически подобный способ орнаментации встречается и в бассейне Дюны (Холм) (17.Табл.51.4, 7). Основной комплекс керамики типичен для раннего и развитого неолита Среднего Дона.

Каменный инвентарь стоянки отличается большим разнообразием, в связи с чем трудно судить о его типологических отличиях по глубине залегания. Можно лишь предварительно сказать, что для нижней части слоя более характерны орудия на пластинах, а для верхней — на отщепах. Причем, пластинчатая индустрия характерна для кварцитовых изделий. Орудия нижнего горизонта представлены пластинами и их сечениями (рис.5.7,9,13,21), микропластинками (рис.5.23-25, 28), пластинами со скошенным и ретушированным концом (рис.5.8, 20), резцами на углу пластины (рис.5.10,12,22), проколками и сверлами на пластинах (рис.5.15,19), выемчатыми орудиями (рис.5.11, 17,18,27), треугольным вкладышем (рис.5.26), коническими и чонцевыми нуклеусами для производства пластин (рис.5.4,16). Однако присутствуют и изделия на отщепах, включая и двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков. Но эти изделия, скорее всего, связаны с комплексами ямочно-гребенчатой керамики.

Таким образом, материалы с микролитическим инвентарем и накольчатой керамикой представляют значительный интерес для характеристики позднего мезолита и раннего неолита лесостепного Прихоперья, а также междуречья Волги и Дона. Уже сейчас, несмотря на малочисленность материалов, следует отметить, что ведущую роль в становлении раннего неолита этой территории сыграло воздействие восточ-

ных (Повстжках) позднемезолитических культур, при известном влиянии традиций Волго-Окского бассейна. Раннеолитические памятники в каменной индустрии продолжают мезолитические традиции, но, вместе с тем, характеризуются появлением ранней накольчатой керамики. Время ее возникновения по аналогиям с соседними территориями Подонья (I.C.76) и Нижнего Поволжья (II.C.89) укладывается в рамках X тыс. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мильков Ф.В. Природные зоны СССР, М., 1977.
2. Матюши Г.Н. О нижневолжских микролитах // С.м., 1968. № 2. С.237-241.
3. СМК. Инв. № 2I-42.
4. СМК. Инв. № I377.
5. Хреков А.А. Исследования в лесостепном Прихоперье // АО за 1986. М., 1988. С.197-198.
6. Его же. Археологические памятники лесостепного Прихоперья с микролитическими инвентарем и накольчатой керамикой // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990. С.27-28.
7. Сидюк А.Т. население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
8. Смирнов А.С. Памятники раннего неолита Месны // С.м., 1989. № 3. С.5-26.
9. Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. М., 1962. № 107.
10. Матюши Г.Н. О близких связях мезолита Урала // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3.
11. Кольцов П.М. Поселение Дзангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С.79-91.
12. Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. 1977. Вып. I49. С.100-108. СМК. Инв. № 36954, 2482, 2673, 2965.
13. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. Вып. I49. С.94-100.
14. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна р.Бятки. Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1983. С.3-20.
15. Хреков А.А. Работы Балашовского краеведческого музея // АО за 1981. М., 1983. С.98-99.
16. Попова Т.Б. Неолитические стоянки верхнего и среднего течения р.Цны // МИА М., 1973, № 172. С. 198-201.

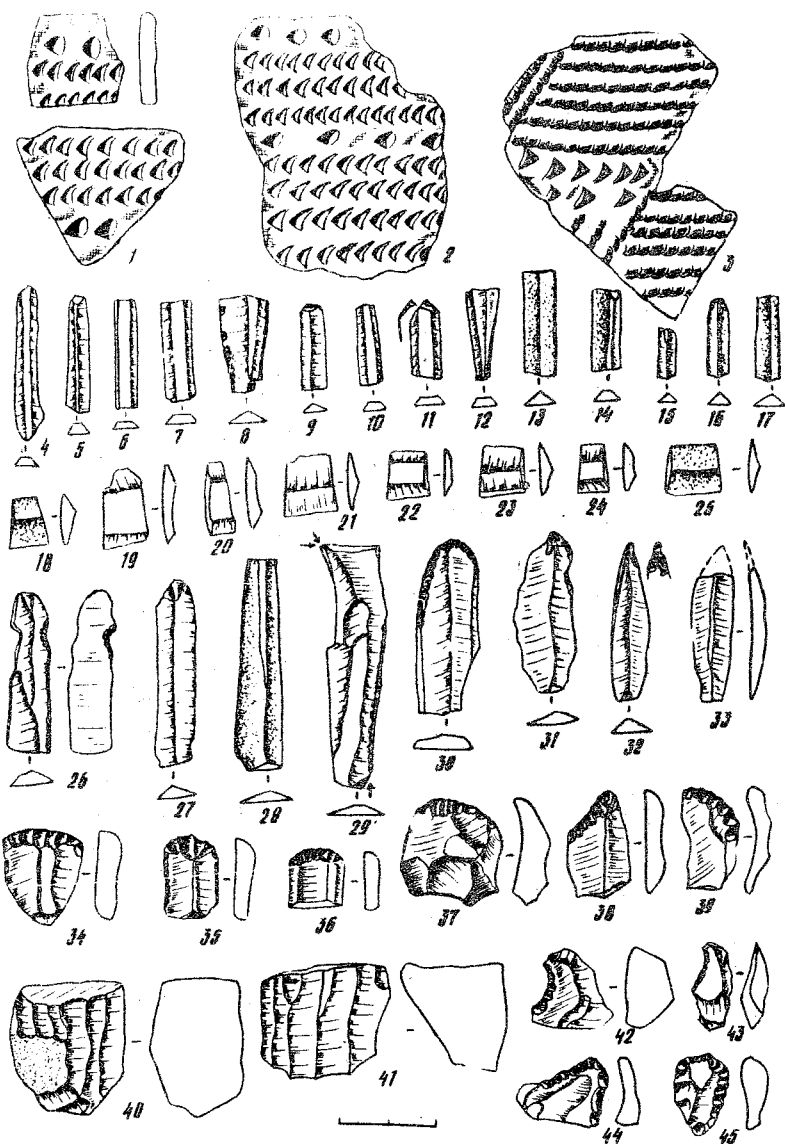

Рис. I. Стоянка Инясеро:
 1-3 - керамика; 4-12, 15, 19-24, 26-27, 29-45 - кремнь;
 остальное - кварцит.

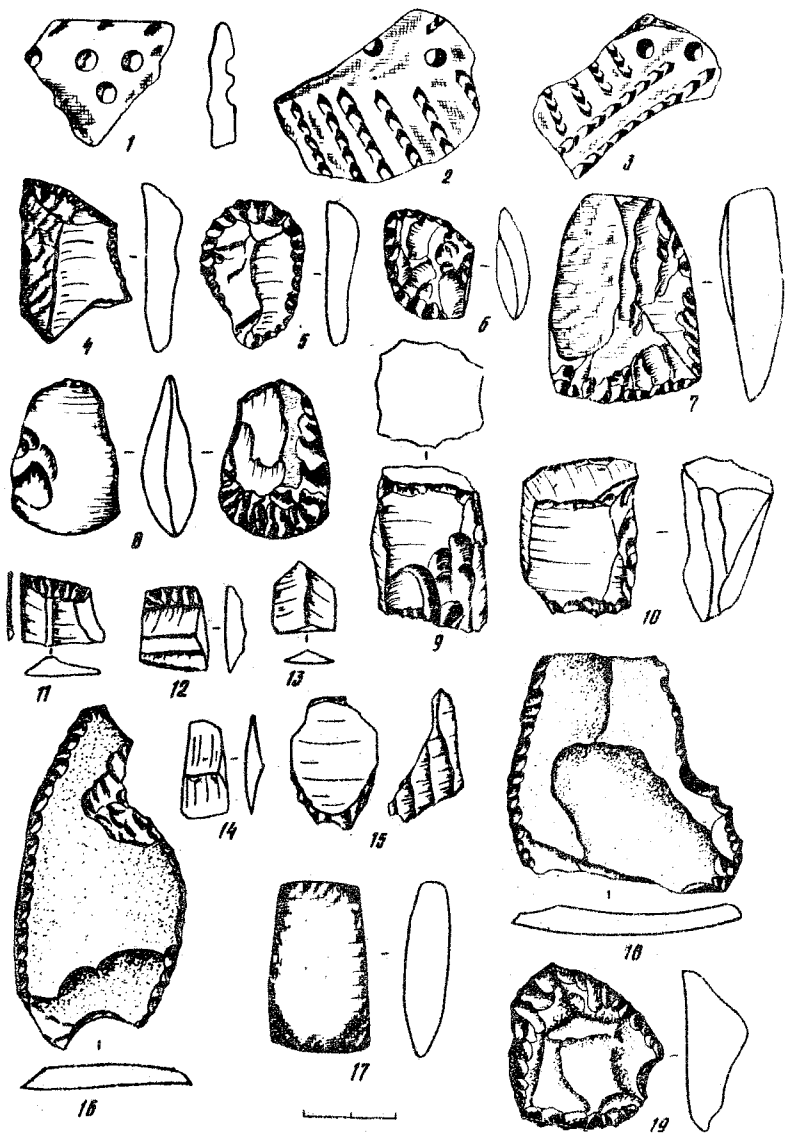

Рис. 2. Стоянка Шапкино I (длина 5);
 1-3 - керамика; 4-15 - кремнь; 16, 18-19 - кварцит; 17 -
 сланец.

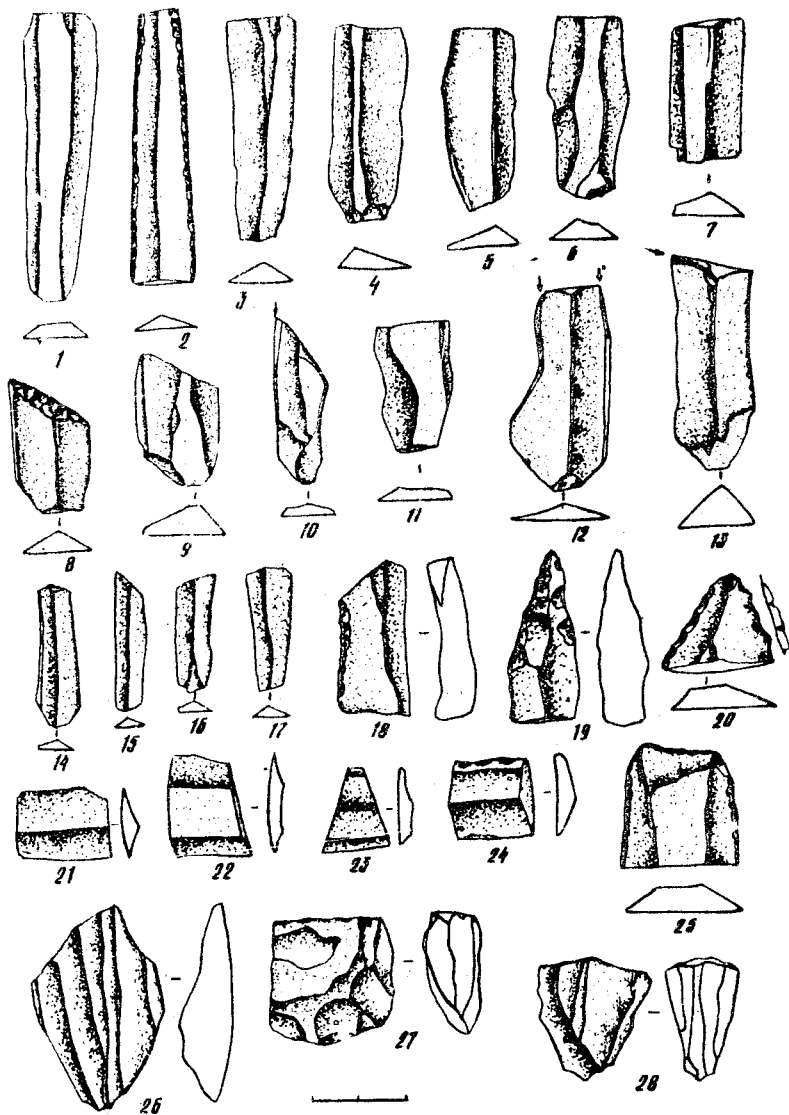

Рис. 3. Стоянка Шапкино I (дана 5).
I-28 кварцит.

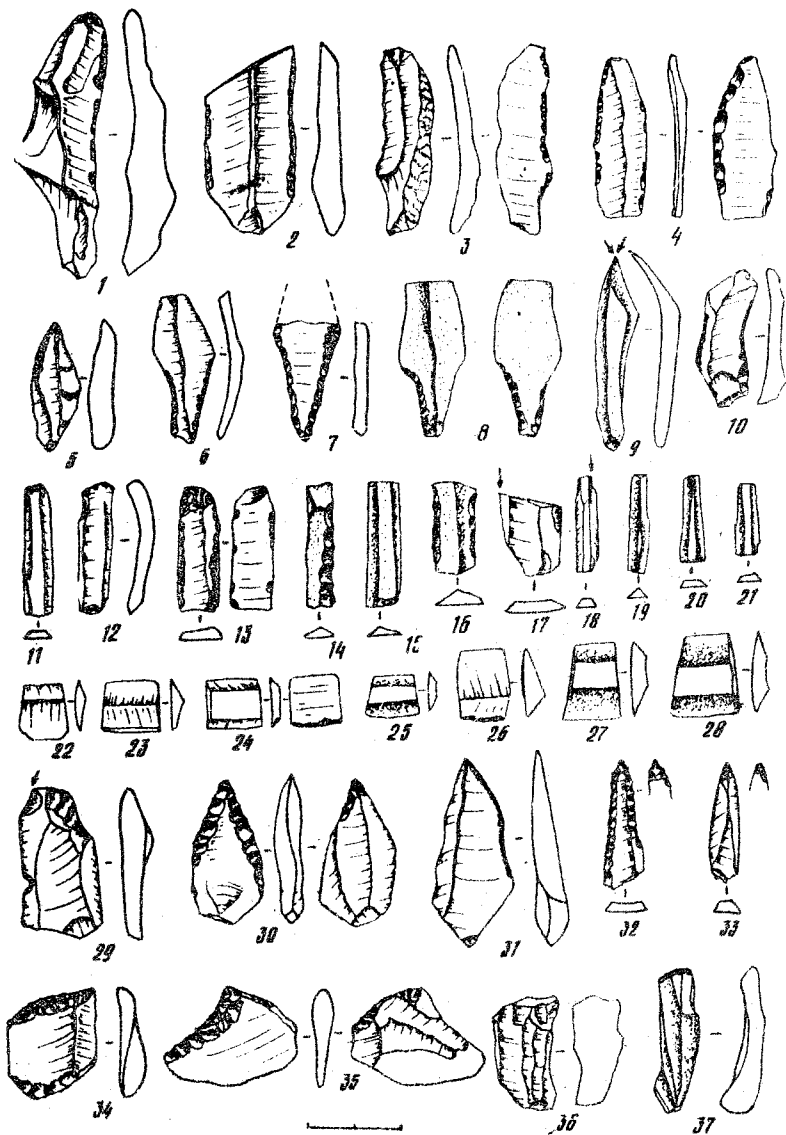

Рис. 4. Стоянка Шапкино I (дюза 9):
 1-7, 10-13, 17-18, 22-24, 26, 29-36-кремень; остальное кварцит.

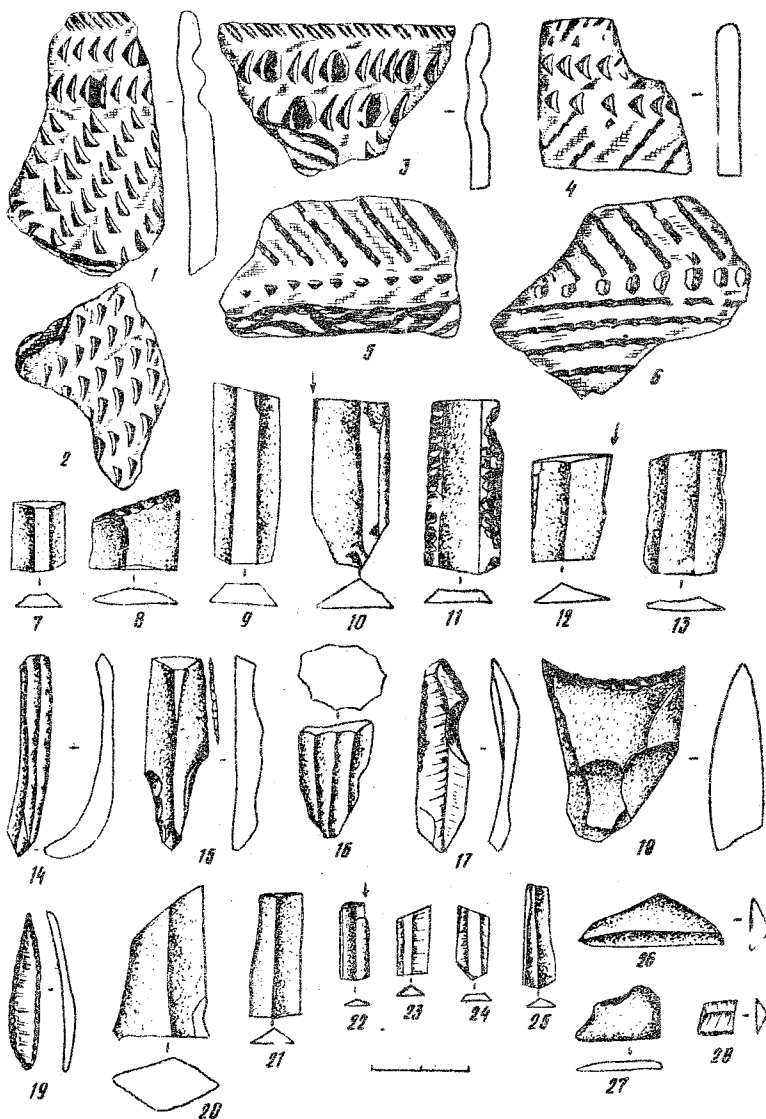

Рис. 5. Стоянка Шапкино 2:
 1-6-керамика; 7-16, 20-22, 25-27-кварцит; остальное кремнь

Е.В.Черясова

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В САРАТОВСКОМ ЗАВОДЬЕ

Гимзятник расположен в Дергачевском районе на правом обрывистом берегу р.Алтата, в 5 км к з-ю-в от с.Матвеевки и в 7 км к востоку от с.Петропавловки, почти напротив входа устья старицы в современное русло р.Алтата. На территории стоянки находится старый сглаженный оросительный вал, идущий от речного обрыва к югу (рис.1). В последние годы поверхность стоянки используется под выпас, растительность бедная, вытоптанная. Археологических находок на поверхности не обнаружено, но есть обнажение культурного слоя в речном обрыве.

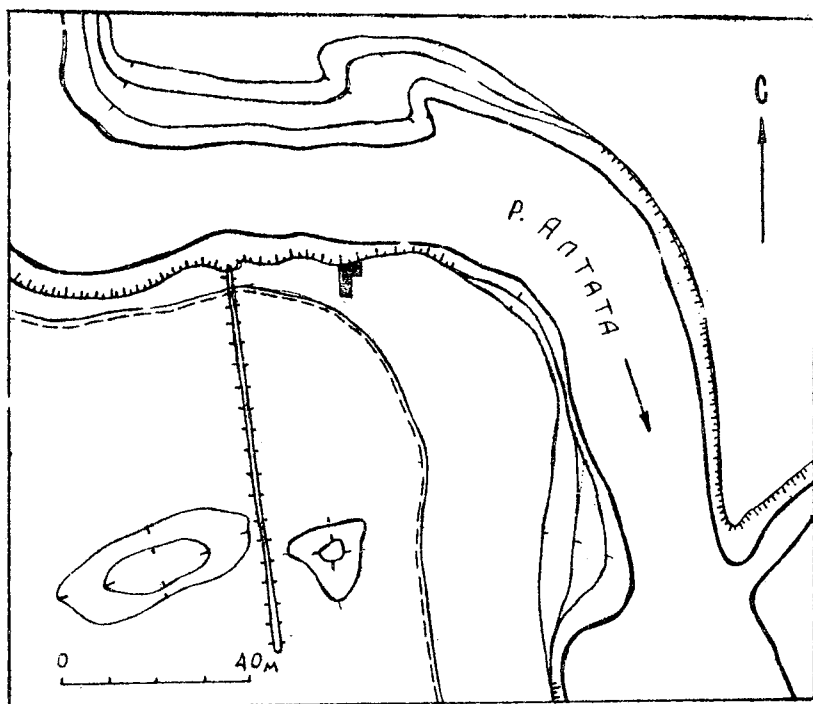

Рис.1. Место расположения Петропавловской стоянки

В 1978 г., когда был обнаружен памятник, культурный слой виден на глубине 2 м от верха обрыва и имел протяжённость 20 м при толщине до 0,3 м. При обследовании дна реки в непосредственной близости от обрыва, на глубине 5-10 см в подводной части культурного слоя было обнаружено скопление керамички - около 100 фрагментов - комочки обожжённой глины и скребок из светло-серого кремня (рис.2.1). Толщина черепков - 6-8 мм, снаружи они чёрные или жёлтые, внутри чаще жёлтые. В тесте глины - обильная примесь толчёной раковины. Внешняя поверхность испещрена узорами: вертикальными и наклонными рядами оттисков длинного зубчатого штампа,

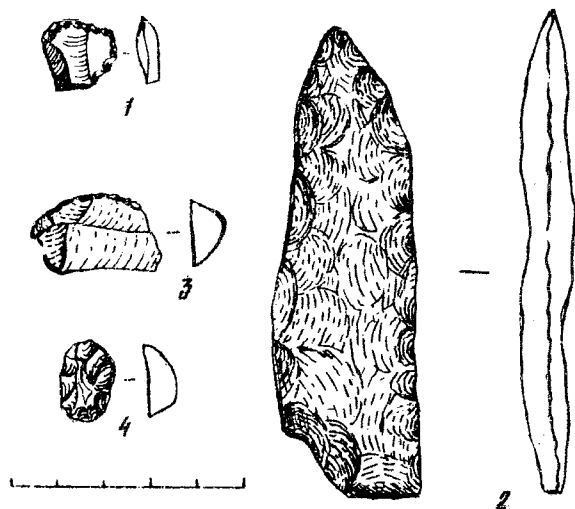

Рис.2. Каменные орудия Петропавловской стоянки

разделённых горизонтальными рядами наклонных вдавлений короткого зубчатого штампа (рис.3):

В один из последующих сезонов, когда уровень воды стоял на 1,5 м ниже уровня культурного слоя, в этом месте был найден обоюдоострый нож из светло-серого кварцита и кварцитовый скребок на отщепе (рис.2.2,3).

На стоянке был заложен небольшой разведочный раскоп из 4 ква-

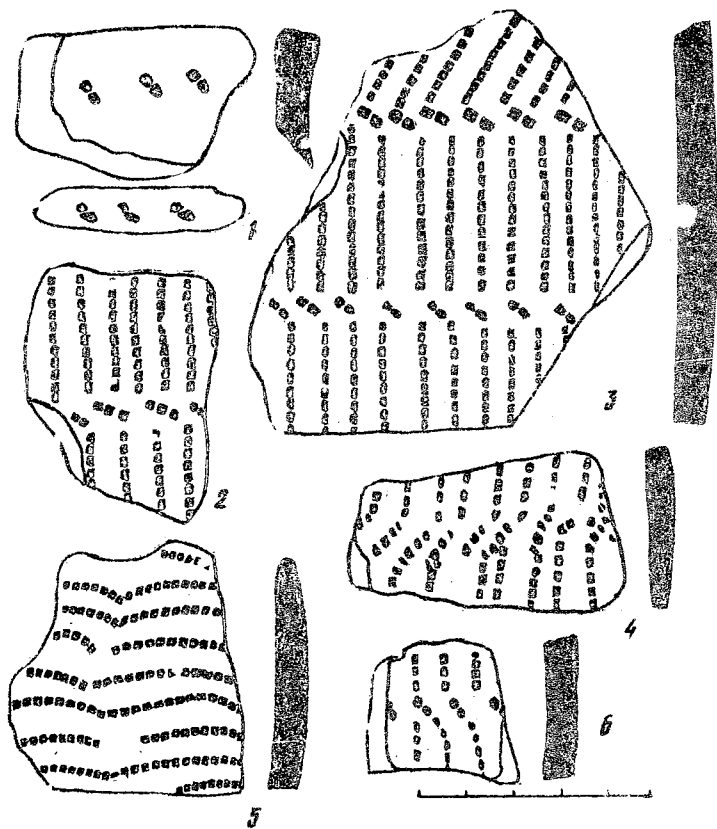

Рис. 3. Фрагменты сосуда из размытого культурного слоя

дратов общей площадью 16 кв.м. Раскопки велись пластами по 20 см с фиксацией находок. Верхние девять пластов были практически пустые, изредка встречались мелкие осколки костей, крупинки сажи, обломки ракушек и раковины улиток. Культурный слой, залегающий на глубине 1,8-2,2 м содержал большое количество костей животных,

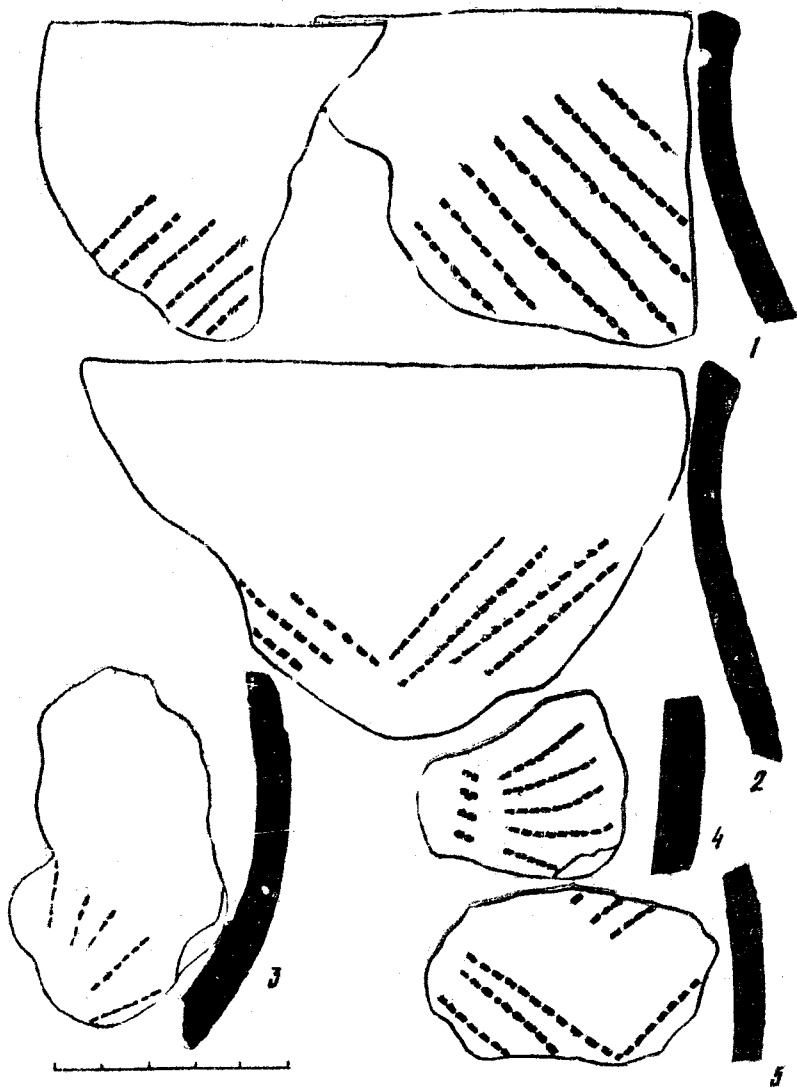

Рис. 4. Фрагменты сосуда из раскопа

осколков ракушек и раковин улиток. Найдено около 70 фрагментов керамики от одного сосуда. Средняя толщина стенок — около 10 мм, цвет — светло-палевый и чёрный, в изломе — чёрный. В тесте глины — обильная примесь толчёной раковины. Сосуд имел слегка стогнутый венчик и, возможно, округлое дно. Сосуд украшен оттисками зубчатого штампа (рис. 4). Найден один скребок на отщепе из бело-молочного кремня (рис. 2.4). В слое часто встречались комочки и крупинки обожжённой глины; в одном из квадратов — золотое пятно.

Культурный слой перекрыт пойменными отложениями, включающими значительное количество гумуса, а подстилается жёлтой материковой глиной. Слой слегка углубляется в направлении от берега, в этом же направлении уменьшается и количество находок.

Комплекс находок Петропавловской стоянки обнаруживает большое сходство с гребенчатой керамикой и кварцитовыми орудиями стоянки Айтата, расположенной несколько ниже по течению реки¹. Керамика Петропавловской стоянки находит аналогии в более северных лесостепных районах Поволжья, среди материалов средневожской неолитической культуры². В степном Заволжье к настоящему времени уже известен ряд памятников энеолитического времени, материалный комплекс которых обязательно содержит неолитическую керамику лесостепного облика³. Дальнейшие исследования подобных памятников перспективны в плане решения проблемы появления гребенчатой керамики в энеолите степного Заволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Деревягин Ю.В., Третьков В.П. Неолитическое поселение у с.Алтата в Саратовской области // С.М., 1974. № 4. С.249-252.

²Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988. С.19-36.

³Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на р.Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Н.М.Малов

ПОКРОВСКО-АБАШЕВСКИЕ УКРАШЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Украшения — важная часть культуры, содержащая информацию об этнических, религиозных, эстетических особенностях и контактах племен эпохи бронзы Евразии. В древности предметы украшений были объектом обмена, торговли и наряду с амулетами, масками обладали

постоянно высоким семиотическим статусом, фактически являясь не "звездами", а знаками с минимальной утилитарностью (I.C.73-94; 2.C.73). Они сопровождали человека после смерти в другой мир, поскольку принадлежали ему как личная собственность (3.C.196-200). Формы украшений консервативнее, чем у оружия и орудий труда, что позволяет археологам считать их одними из ярких признаков археологической культуры, без рассмотрения которого её характеристика будет неполной (4.C.85; 5.C.98; 6.C.67; 7.C. 9-70). Поэтому определенный интерес представляют покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья. Несмотря на то, что они встречаются в курганных погребениях чаще, чем оружие и орудия труда (8.C.88-89), их систематизация не разрабатывается в специальных исследованиях. Мной были использованы украшения, найденные в погребениях (см. табл.), на поселениях, а также известные по литейным формам и происходящие с тех покровских комплексов, где есть абашевская или срубно-абашевская керамика. Материалы покровских погребений со срубной посудой, расположенных в тех же группах покровско-абашевских курганов, не привлекались, поскольку, по моему мнению, они заслуживают специального рассмотрения (9).

К категории украшений (У) были отнесены преимущественно бронзовые (подвески, браслеты, пластины, бляшки, бусы и проволки), сурьмяные и фаянсовые (бусы), а также немногочисленные костяные (кольца, пряжки, клыки животных) предметы. В основном они найдены в погребениях, но некоторые обнаружены на поселениях (Гуселка II, Скаотовское, Барановское, Сады, Н.Покровка-I).

Браслеты

Учено 22 предмета, различной степени сохранности, происходящие из 12 курганных и одного грунтового (Алексеевка II п.8) захоронения. Имевшиеся в распоряжении О.А.Кривцовой-Гряковой материалы позволили заключить, что в срубной культуре Поволжья браслеты обычно встречаются по одному, и здесь, в отличие от андроновской культуры, не существовало обычая носить их на обеих руках (10.C.66). Позже это отличие срубного обряда подчеркивалось также по отношению не только к андроновской, но и к тазабэгийской традиции, согласно которой клали в могилу два браслета (11.C.76). В большинстве известных к настоящему времени срубных захоронений Поволжья браслеты обычно встречаются не по одному, а располагаются парами в районе каждого запястья умершей, аналогично андроновским и тазабэгийским. Однако в некоторых, исключительных случаях браслет мог быть и один, как в подростковом погребении из Бородавки

(к. I п. 14), что подчеркивало возрастные особенности погребенного. Иногда, в силу различных причин, сохраняется лишь одно украшение, именно поэтому будут рассмотрены только 19 браслетов, связанные в основном со взрослыми женскими погребениями. Вероятно, у покровско-абашевских племен девочки не носили таких категорий украшений, пока не достигали определенного возраста и социального статуса.

Семь из восьми спектрально проанализированных браслетов (I2) изготовлены из мышьяковисто-сурьмяной меди группы ВК (Покровск ю.в.гр.к.35 п.2; Аткарск к.27; Бережновка-I к.25 п.6; Покровск ю.в.гр.к.15 п.3), использовавшиеся также для выделки сейминско-турбинских браслетов (I3.С.132-133). Только Чардымский желобчатый браслет изготовлен из андроновского металла группы ЕУ. В срубной культуре Поволжья наибольшее распространение получили браслеты двух типов: желобчатые с выпукло-вогнутой поверхностью и согнутые из массивного прута (I0.С.66-68), в основном встречаемые в покровско-абашевских древностях Нижней Волги. К первой группе мной отнесены все пластинчатые, в том числе и желобчатые, а ко второй - прутковые изделия. При этом последние преобладают (13 экз.) над первыми (6 экз.). В рамках этих двух групп, согласно имеющейся классификации (I2.С.70), было выделено несколько типологических разрядов.

Пластинчатые - представлены тремя разрядами: 1 - прямоугольного (рис. I.11); 2 - дуговидно-желобчатого (рис. I.15) и 3 - плоско-желобчатого (рис. I.12-13) сечения.

У - I (рис. I.11) - изготовлен из пластины шириной 5 мм и толщиной 1 мм. Сохранился лишь фрагмент, судя по которому, браслет в плане имел округлую форму и диаметр 35-40 мм. Конец загнут во внешнюю сторону, образуя крючок, за который, вероятно, крепилась нить или бечева, посредством которой изделие стягивалось. Прямые аналоги данному украшению мне неизвестны. Однако по конструктивным особенностям и сечению, оно сопоставимо с браслетом и детскими "диадемами" из наиболее поздних погребений среднеднепровской культуры, датированных второй четвертью II тыс. до н.э. (I4.С.69-93. Рис. 2.1; 9.36). Близкие по сечению пластинчатые браслеты происходят из покровско-абашевского Ишеевского и срубного Мурманского курганов, а также памятников среднедонской катакомбной культуры (I5.С.23. Рис. I2.5; I6.С.132-136. Рис. 3.7). Браслеты прямоугольного сечения известны в доноволжской и уральской абашевских культурах, а также среди материалов Турбинского могильника (I7.С.42.

Рис. 8.12, 13; С. 86. Рис. 19.9, 10; 13. С. 152. Рис. 73.8), но они выделены из значительно более массивного прута, а не из пластины.

Желобчатые браслеты с незажнутыми концами (рис. I.1-12, 13, 15) прежде всего близки андроновским, где они часто встречаются, отличаясь от них только тем, что на поволжских экземплярах есть отверстия для шнура (10. С. 66. Рис. 15 - 7, 6, 20). Судя по публикациям, отверстий нет также на желобчатых браслетах, происходящих из "чистосрубных" комплексов Приуралья, Поволжья и Подонья. В данных регионах изделия с такими конструктивными особенностями, вероятно, являлись исключительной прерогативой покровско-абашевских племен.

У - 2 (Рис. I.13) - дуговидно-желобчатый, из узкой пластины, найден в Чардымском кургане, но иногда по недоразумению относится к Дюковскому могильнику (10. С. 66-67. Рис. 15.7). В плане - овальное, концы разомкнуты и на них есть по одному отверстию для шнура. Браслет такого сечения, из мышьяковистой меди, встречен в Турбино и ему аналогии вполне справедливо находят прежде всего в срубном и особенно в андроновском мире (13. С. 133-134. Рис. 73-21). Однако указанные андроновские параллели представлены иными изделиями, у которых желобок шире и в сечении более плоский, а не дуговидный. Наиболее близкими к чардымскому экземпляру являются андроновские гривны из Алексеевского могильника (10. С. 66), и из петровско-алакульского погребения 5 кургана 4 могильника Кулевчи-VI (18. С. 150. Рис. 9 - 34), на концах которых также пробиты отверстия. Внутри желобка алексеевской гривны сохранились остатки петляного шнура для привязывания украшения (19. С. III-III. Рис. 38.1). Данные изделия происходят из постпетровских или петровско-алакульских памятников, датируемых XV в. до н.э. (18. С. 152-153; 20. С. 265. Рис. 107-178). Желобчатые браслеты из такой же узкой пластины различного сечения есть в среднедонских абашевских памятниках (17. С. 42. Рис. 8. 7, 9; С. 64), но чаще всего встречается в срубной культуре развитого этапа, и типология их не разработана (21. С. 54-55. Рис. 2.37; 22. С. 87. Рис. 3.42, 47; 23. С. 118. Рис. 3. 21, 22; 24. С. 111. Рис. 3.37, 38; 25. С. 154. Рис. 55. II 6; 26. С. 55. Рис. 18. I, 9). В срубной культуре лесостепного Поволжья первого периода мне известны только два браслета с отверстиями, близкие по форме и сечению, а также химическому составу меди (ЕУ) к чардымскому (22. С. 67; 25. С. 10. Рис. 4. IIa. I 4. С. 23-24). Судя по аналогиям и составу металла, поволжские браслеты данного разряда связаны своим происхождением с петровско-алакульскими племенами.

У - 3 (рис. I.13, 14) - представлены тремя предметами из широких

пласти. (10 мм) с плоскожелобчатым сечением (Покровск ю.в.гр. к. 35 п.2; Тсрловка к.4.п.21). В плане образуют овал диаметром 55-60 мм, концы широкие и закруглены. На покровском экземпляре пробиты два отверстия для шнура. Единичные плоскожелобчатые браслеты на широкой пластине есть в абашевской культуре (17.С.42.Рис. 8.6.С.64.86-87.Рис.19.11) и материалах Турбинского могильника (13.С.133.Рис.73-21) и в срубно-абашевском погребении из Кротовки (28.С.89-93.Рис.3.12). Однако гораздо чаще аналогичные браслеты встречаются в допетровских и петровских памятниках ХIII-ХУ1 вв. до н.э. (20.С.108.Рис.39.2.С.171.Рис.68.1,2,5.С.192.Рис.82.4.9.С.265.Рис. 107.127; 29.С.75.Рис.30.3,4), откуда они скорее всего появились в абашевских, покровско-абашевских и сейминско-турбинских древностях.

Прутиновые браслеты представлены тремя типологическими разрядами.

У - 4 (рис.1.4.14; 2-13) - массивные, сечение дрота круглое (7-10 мм), концы тупые и согнутые, но не заходящие друг на друга. Учено шесть экземпляров (Покровск ю.в. гр.к.15 п.3; к.35 п.2; Максимовка к.2.п.2; Алексеевка - П п.8; Светлое Озеро к.2.п.2), образующих в плане круг диаметром 40-65 мм. Подобные браслеты есть в Сейминском и Турбинском могильниках, абашевской и андроновской общностях, в памятниках юго-западных районов СССР, куда они, по мнению А.Н.Черных, проникли под влиянием срубного и сейминского очагов Волго-Уралья (13.С.76 табл.А; 30.С.130-131). Ближайшие экземпляры в абашевской общности встречаются гораздо реже, чем другие типы браслетов (17.С.86-87.Рис.19.2,3; 31.С.69.Рис.17.5,6; 32.С.147.Рис.3.3,4.Рис.4.16.17), отличаясь от нижеводжских более тонким сечением прута и овальной в плане формой. Следует также отметить, что в собственно срубных поволжских комплексах украшения данного разряда мне неизвестны, хотя в лесостепной срубной культуре они есть (25.С.154-155.Рис.55.11). В Поволжье они происходят преимущественно из покровско-абашевских или "инокультурных" погребений (17.С.43.Рис.9.10,11; 21.С.58.Рис.5.52,53; 13.С.132-133). Особенно показательны их наличие в кладе Царева Кургана, относящегося к рубежу досейминского и сейминского горизонтов, "...когда наблюдается культурное единство между памятниками абашево-балабашской и срубной общностей" (33.С.205-208.Рис.2.12-14). В трех учтенных погребениях браслеты данного разряда найдены совместно с полукруглыми (Покровск к.15 п.3), плоскожелобчатыми (Покровск к. 35 п.2), а также круглыми в сечении, но с пристреченными концами

(Алексеевка П п.8), что указывает на одновременное их бытование.

У - 5 (рис. I. 9, 10; 2. 5, 6) - массивные, сеченье дроба круглое (8-10 мм), концы приостренные, сомкнутые или заходящие друг за друга. Учено три экземпляра (Бородавка к. I п. 14; Алексеевка П п. 8), совпадающих по своим размерам и округлой в плане форме с браслетами четвертого разряда. Близкие изделия преимущественно распространены в Среднем Поволжье, откуда они под абашевским влиянием якобы появились в срубной культуре (10. С. 68; 13. С. 76 табл. а). Следует отметить, что подобные украшения также есть в Турбинском могильнике (34. С. 88. Рис. 84. Б. С. 89. Рис. 85) и в среднеазиатских памятниках времени Намазга-У (35. С. 163-173. Рис. 3. 9. 10). Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых рассматривают такие сейминско-турбичские браслеты вместе с предыдущим разрядом (13. С. 72). Такие средневожские абашевские изделия (17. С. 62-63. Рис. 12-13), хотя и близки покровско-абашевским, однако отличаются от последних тем, что изготовлены из значительно более тонкого прута и концы их всегда разомкнуты. В целом же такие прутковые браслеты в срубной культуре Поволжья встречаются крайне редко, а подобные абашевским в ней мне неизвестны. Некоторые нижневолжские находки (Аткарск, Покровск к. 35 п. 1), относимые к срубной культуре и привлекаемые в качестве аналогий абашевским (10. С. 67-68. Рис. 15-17, 18), связаны с эпохой раннего железа, а не с эпохой бронзы (36. С. 90-97). Поэтому браслеты данного разряда следует считать характерными именно для покровско-абашевских комплексов Поволжья и Подонья. На Средн. и Дону они происходят также из срубно-абашевского погребения (17. С. 43. Рис. 9. 10, 11). Украшения этого разряда, известные в других срубных могильниках степного Заволжья (37. С. 234-235. Рис. 13. 2; 38. С. 175-176. Рис. 4. 3, 4), не противоречат данному заключению, так как по обряду и по пастовым бусам, алакульской височной подвеске эти два погребения относятся к покровскому типу памятников. Отсутствие в них диагностичной керамики не позволяет включать их в число покровско-абашевских. По этим причинам нельзя согласиться с тем, что эти захоронения интерпретируются как поздние памятники третьего и четвертого периода срубной культуры (21. С. 54-55. Рис. 2. 71, 94) синхронизируясь с белозерскими (39. С. 141-142). Возможно, при этом сыграли роль какие-то недоразумения, поскольку Политотдельский браслет был воспроизведен Н. К. Качаловой с разомкнутыми концами, а В. В. Отрошенко и И. П. Шевченко отнесен к Иловатовскому могильнику.

У - 6 (рис. I. 1, 2; 2. 12) - массивные, сечение дроба полукруглое

(6-8 мм), концы тупые, иногда заходят друг за друга, или разомкнуты. Браслеты с сомкнутыми концами в плане образуют круг, а с разомкнутыми — овал. Один из бережновских предметов хранится в музейной коллекции разомкнутым, но в публикации концы у него заходящие. Близкие украшения чаще всего встречаются в абашевских памятниках (ИЗ.С.76 табл.А), от которых нижневолжские находки отличаются массивностью. К тому же средневолжские абашевские (И7.С.62-63.Рис.12.4,6) браслеты, по сравнению с покровско-абашевскими, сильно разомкнуты, концы приостренные и в плане они чаще овальные.

Подводя итоги рассмотрения покровско-абашевских браслетов, следует отметить, что самую большую и выразительную серию представляют прутковые украшения. О.А.Кривцова-Гракова совершенно верно отмечала, что они не характерны для абашевских и андроновских племен, а их форма и технология изготовления была выработана в Поволжье уже на первом периоде срубной культуры (ИО.С.66-68). Скорее всего, данные украшения изготавливались здесь путем проковки и сгибания в кольцо стержней, отливаемых в глиняных формах типа Бережновской (40.С.169-171.Рис.28,3). Учет массивных прутковых изделий по закрытым комплексам свидетельствует о том, что такие браслеты являются типичным покровско-абашевским украшением, а не собственно срубным. Поэтому следует согласиться с мнением А.Х.Халикова о преимущественном их распространении в покровско-абашевских памятниках Поволжья и сопредельных территорий (41.С.71). Вероятнее всего, массивные прутковые браслеты появились в сейминско-урбинских памятниках под воздействием покровско-абашевских племен, о чем свидетельствует также состав их металла.

Нелобчатые покровско-абашевские браслеты своим происхождением связаны с петровскими или с петровско-алакульскими комплексами. Основная их масса между собой одновременна, только дуговидные в сечении (У-2) с отверстиями на концах, могут считаться самыми поздними. Все остальные вместе с ними не встречаются и появляются несколько раньше.

Следует подчеркнуть, что далеко не все племена эпохи бронзы, близкие в территориальном отношении к Среднему и Нижнему Поволжью, а также распространенные в данных регионах, использовали в качестве украшений браслеты. В этом отношении к срубной культуре наиболее близкими являются абашевская, петровская, алакульская, тазабагыябская и поздняя культура. Противоположный и отличный по этому показателю блок культур образуют: полтавская, ка-

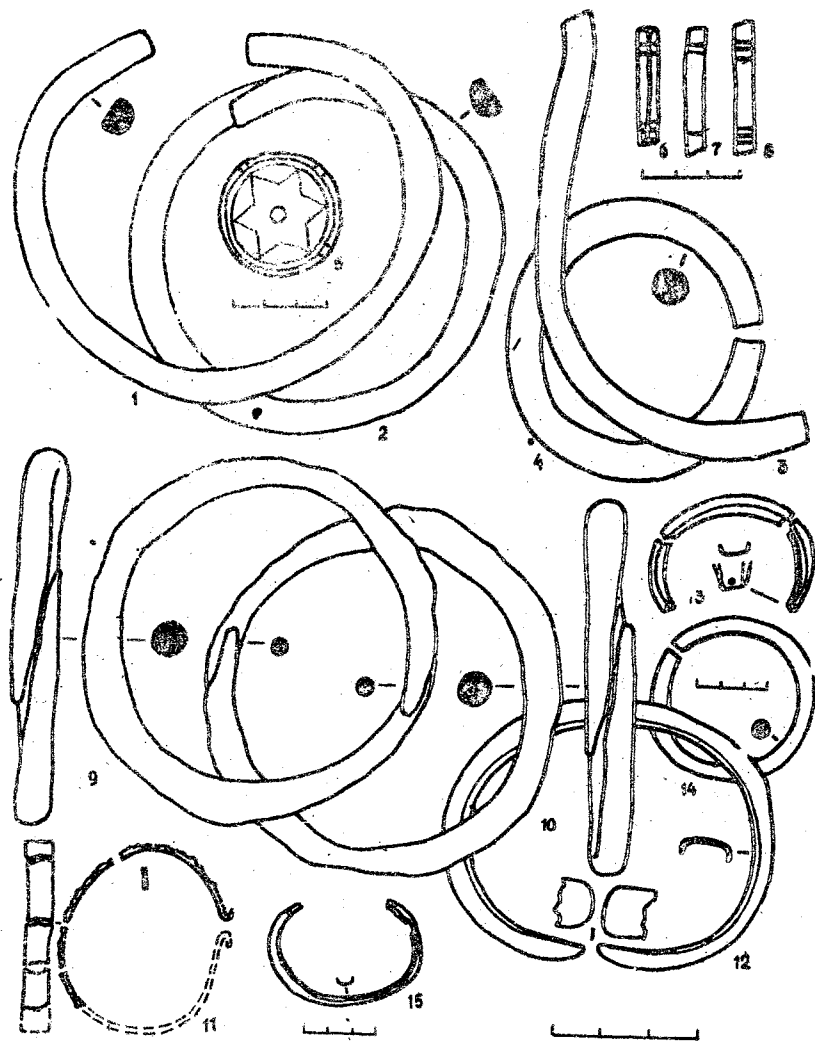

Рис. I. Женские украшения из бронзы:
 1-Аткарск к. 27; 2, 3, 5-8-Бережновка-I к. 25 п. 6; 4-Максимова к. 2 п. 2; 9, 10 - Бородавка к. I п. 2 I, II-п. 14; 12 - Терновка к. 4 п. 2 I; 13, 14 - Подровск к. 35 п. 2; 15-Чардым к. I п. 9.

такомская, бабшинская и приказанская, где браслеты единичны или не входили в число женских украшений. Поэтому данная категория покровско-абашевских изделий как массовый элемент женского костюма в Нижней Поволжье не связана своим происхождением с подтавкинскими древностями.

Височные подвески

Они происходят из курганных и одного грунтового захоронений, а также селища Гуселка-П. Учено 40 подвесок, чаще всего называемых серьгами, принадлежащих, как правило, взрослым женщинам, и только в трех случаях подросткам. Такие изделия более точно нужно именовать подвесками, хотя они и располагались в районе мочек ушей, но в них непосредственно не вставлялись. Об этом свидетельствует то, что во время расчистки погребений, довольно часто между подвесками и костями черепа фиксируется значительная органическая прослойка от ткани или кожи. Поэтому можно полагать, что подвески являлись частью годовного убора или венчика-ленты. В Ишеевском могильнике встречена подвеска, где сохранилась часть узкого ремешка, привязанного прямым узлом, которым она крепилась (И.С.23-24.Рис.12.2,3). Обычно одна женщина украшалась двумя подвесками, но в некоторых погребениях они сохраняются не полностью. В тех же редких случаях (4), где было три или четыре экземпляра, они обычно представляли более сложное украшение из перных кольцевидных и спиральных подвесок, крепившихся вместе (Ш.Карамыи к.4 п.3; Св.Озеро к.2 п.2).

Несмотря на достаточно представительную серию подвесок, спектрально проанализировано пока только две (Покровск ю.в.гр. к.19; Аткарск к.27). Первая изготовлена из металла андроновской группы ЕУ, а вторая - ВК (I3.Р.1662,1668). О.А.Кривонова-Гракова отнесла срубные височные кольца и серьги к андроновским типам, отметив, что покровские экземпляры шире чардымских - изготовленных из более узких и менее выпуклых пластин (И.С.65-67). Таким образом, впервые было указано на типологическую неоднородность подвесок первого этапа срубной культуры Поволжья. Используя имеющиеся разработки, покровско-абашевские украшения данной категории можно разделить на несколько типологических разрядов (5;6;13;42). При этом следует отметить, что в большинстве случаев исследователи не дают им подробной характеристики и не приводят профили сечений. По этим причинам многие предметы мной не привлекались.

В соответствии с деталями формы и сечением подвески разделены на кольцевидные и спирально-согнутые в полтора оборота.Кольцевидные

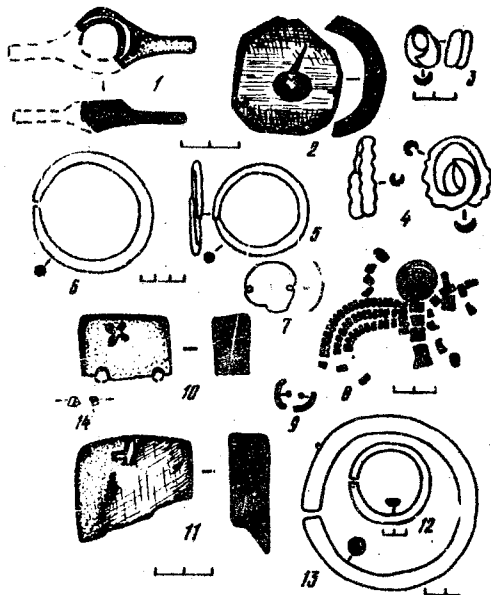

Рис. 2. Предметы из бронзы, кости (1, 2), керамики (10, 11), меди и золота (4):

1 - Барановское; 2 - Сады; 3, 8, 12, 13 - Покровск к. 15 п. 3;
4-6 - Алексеевка-II п. 8; 7, 9 - Букатовка-II к. 3 п. 5;
10, 11 - Скатовка.

видных немного. Всего - семь (Аткарск, Ш.Карамыш, Св.Озеро, Букатовка). Остальные экземпляры спиралевидные. В свою очередь все подвески по сечению делятся на прутковые и пластинчатые. Подавляющее большинство изделий выполнено в виде различных тонких желобчатых пластин, а прутковых только - три.

Кольцевидные подвески

У-7 (рис. 3. 15-17) - кованые трубчатые в профиль и круглые в плане, концы сомкнуты, один - слегка приострен, а другой - расширен. Диаметр 22-30 мм, максимальная ширина - 7 мм. Изготовлены из тонкой пластины, свернутой в трубочку. Учтено четыре экземпляра (Аткарск к. 27; Ш.Карамыш к. 4 п. 3; Св.Озеро к. 2 п. 2), расположенных обычно в районе мочек ушей, концами вверх. Аналогичная пя-

гая подвеска происходит из Полянтодельского могильника (37.С.235. Рис.13.3). В Широком Карамыше и Светлом Озере они образуют единую украшение вместе со спиральными подвесками, помещенными в центре колец звездных. Такие сорьги и височные подвески являются этнической особенностью алакульских племен, первоначально встречающаяся уже в петровских памятниках второй половины ХII-начала ХI вв. до н.э. (6.68-69,73.Рис.1.15,21,29,30; 20, С.171.Рис.68; 6.С.190.Рис.50.5; С.200, 264-265.Рис.107.141,142), под воздействием которых они проникли в покровско-абашевскую среду.

У - 8 (рис.2.9) - обломки одного или двух колец маленького диаметра (около 10 мм), из тонкой проволоки, происходящие из второго Букатовского могильника (к.3 п.5). Местоположение украшения на скелете точно не установлено. Фрагменты, вероятно, принадлежали округлым в сечении колечкам-подвескам с заходящими или насаженными концами, аналогичных абашевским (17.С.64,85). В срубной культуре, подобное височное кольцо, из серебряной проволоки большего сечения и диаметра, мне известно только в Верхне-Погромненском могильнике (43.С.51.Рис.38.8). В целом же такие украшения не типичны для срубных племен, и их появление здесь скорее всего связано с абашевским миром.

Спиральные подвески в полтора оборота

У - 9 - (рис.3.22) - овальная в плане, сечение прута также овальное, лопасти узкие и утолщенные. Учен один экземпляр (Натальино-П к.4 п.8), имеющий ближайшие аналогии в КМБ, или абашевской культуре (46.С.38-39.Рис.1.1,2), датируемый второй половиной ХII - началом ХI вв. до н.э., а также в Ишеевском кургане № 1 (15.С.23-24.Рис.12-3).

У - 10 (рис.3.1-4,6,8) - округлой формы, изготовлены из латуни, лопасти широкие-ребристые, концы их приостренные. Учено 8 экземпляров (Терновка к.4 п.21; Бородавка к.1 п.20; Покровск л.в.гр. к.19; Натальино-П к.3 п.1; Св.Озеро к.2 п.2), иногда представленных лишь фрагментами. Ближайшие параллели по форме встречаются среди изделий средневожской абашевской культуры в КМБ (17.С.62-63.Рис.12.17; 46.С.39.Рис.1.3), от которых нижневожские отличаются своей ребристостью. Эта деталь, состав металла, а также картографирование, позволяют связывать ареал их распространения с поволжскими покровско-абашевскими комплексами.

У - 11 (рис.2.3; 3.7,9-14,16,19) - округлой, иногда овальной формы, с широкими, желобчатymi и дуговыми в сечении, при-

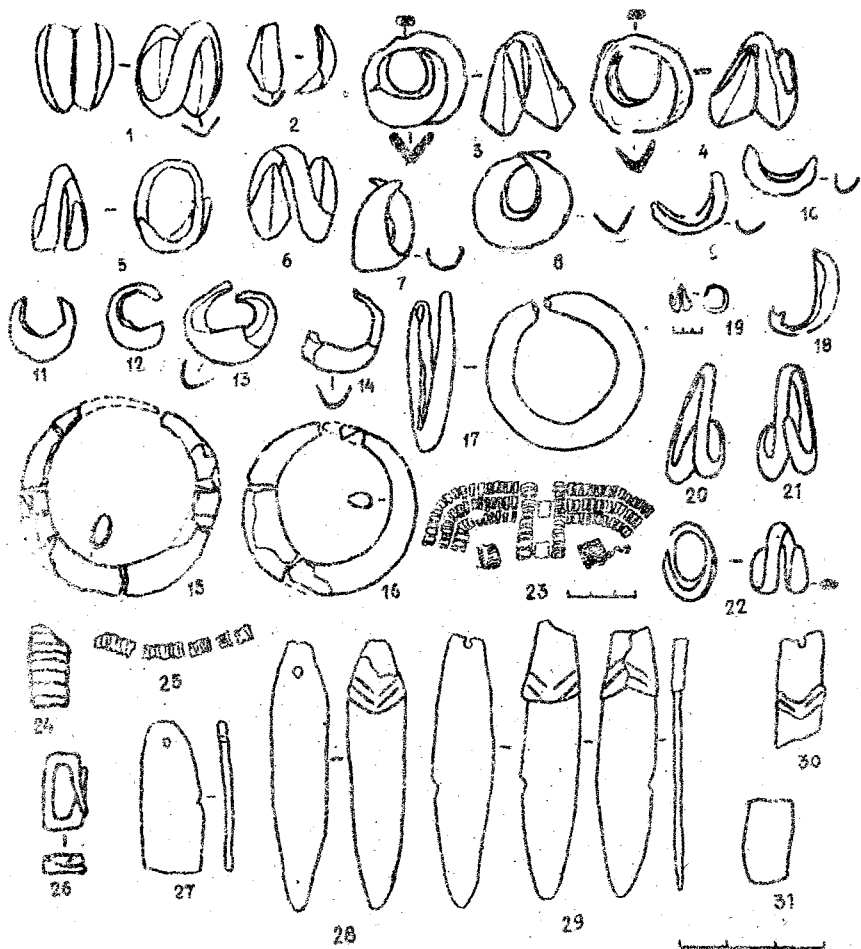

Рис. 3. Украшения из бронзы:
 Терновка к.4 п.21-1,2; Бородавке к.1 п.20-3,4,п.14-25;
 Шеровск к.19-5,6, к.35 п.2 - 9,10,к.7 п.2 - 11,12,
 к.15 п.3-23 к.40-27; Петляково-1 к.3 п.1-7,8,к.4 п.8-22,
 к.14-26;
 Ш.Караши к.4 п.3-13-16; Аткарок к.29-17; Максимовка
 к.2 п.2-18; Быково-1 к.9 п.3-19; Чардым к.1 п.9-20,21,
 28-31;
 Бережловка-1 к.25 п.6-24.

остренными лопастями. Учтено 16 экземпляров различной степени сохранности (Г.Италийно-П к.3 п.1; Покровск ю.в.гр.ж.7 п.2, к.15 п.3, к.35 п.3; Ш.Карамыш к.4 п.3; Максимовка к.2 п.2; Быково-1 к.9 п.3; Осиновка к.7 п.4). Близкие изделия есть среди подвесок средневожжской абашевской и бабинской культур, а также в срубных древностях первого периода (17.С.62-63.Рис.12.18,19; 44.табл.У.1-4; 45.С.38.Рис.7.11,13-15; 46.С.39.Рис.1.3). Однако покровско-абашевские подвески имеют широкие лопасти, размером меньше и более круглые, чем срубные, но крупнее серебряных абашевских (47.С.10; 28.С.93). Таким образом, данные украшения обладают особенностями, отличающими их от собственно срубных и абашевских.

У - 12 (рис.3.5,20,21) - овальной или грушевидной в плане формы, с узкими округло-желобчатыми лопастями. Учтено пять предметов (Покровск ю.в.гр. к.19; Чардым к.1 п.9; Гуселка-П; Букатовка-П к.3.п.5). Такие украшения локализованы в степном Поволжье, являясь продукцией собственно срубного очага металлургии (42.С.50-51). В Покровском могильнике (к.19) подвески разрядов 10 и 12 встречены вместе, что указывает на их одновременность.

У - 13 (рис.2.4) - две подвески округлой формы из узкой желобчатой пластины, с золотой обкладкой и орнаментом, происходят из одного индустриального "новокумаковского" комплекса (Алексеевка-П п.8, срубных древностей лесостепного Поволжья (22.С.92.Рис.7.2). По мнению ряда исследователей, такие подвески, происходящие с территории аланульской культуры, поступали на Волгу в готовом виде или изготавливались из привозного металла (42.С.51; 49.С.134). Данные подвески попали на Волгу, скорее всего, вместе с погребенной в Алексеевском могильнике женщиной, представительницей новокумакских или петровских племен, в качестве ее личного украшения, а не импорта. Вряд ли в Поволжье такие изделия имели массовое производство, поскольку в срубной (31.С.106.Рис.40.1) и поздняяковской культурах они единичны.

Блишки

Происходят из трех захоронений (Покровск к.15 п.2; Бережновка-П к.25 п.6; Букатовка-П к.3 п.5), различаясь между собой размерами и конструктивными деталями, что позволяет рассматривать их по трем разрядам.

У - 13 (рис.1.5) - круглая в плане, диаметром 40 мм, изготовленная из тонкого бронзового листа (Бережновка-П к.25 п.6). По краю имеются четыре пары отверстий, расположенных крестообразно.

Бляшка орнаментирована концентрическим кругом, в центре которого шестиконечная звезда. Предмет располагался около затылка девушки 12-15 лет и, вероятно, крепился к головному убору или прическе.

Такие изделия встречаются в срубной культуре Башкирии, Среднего и Нижнего Поволжья в отдельности или в составе более сложных украшений андроновского происхождения. Многочисленные и полные аналоги, основной ареал распространения и центр их изготовления располагался в Урало-Казахстанских степях и лесостепях. Наиболее ранние бляшки, связанные с солярными и астральными культурами, происходят из петровско-алакульских и алакульских памятников (18.С.146.Рис.7.1-3; 20.С.265.Рис.107.143,163,167,175,180; 29.С.169.Табл.10-11; 50.С.215.Рис.30; 52.С.194).

У - 14 (рис.2.8; 3.23) - сложное, композированное украшение. В его состав входили: бронзовые маленькие обоймы, рваные на ремешки и свернутые в диск, на которых сверху помещалась "довольно массивная" бляшка. Оно располагалось перед женской, в 20 см к востоку от ее локтей (Покровск ю.в.гр.к.15 п.3). По предположению П.С.Рыкова, вниз от бляшки, спускались такие же ремешки в виде шумящих частей (51.С.132). Здесь же лежало значительное количество белых пастовых бус, служивших, вероятно, обшивкой украшения или всей одежды, вроде плаща, к которому крепилась бляшка. В многочисленных публикациях этого изделия (10.С.67.Рис.15.4) обычно бляшка отсутствует (Рис.3.23), возможно, потому, что в музейной коллекции она не сохранилась. Однако И.В.Сидичевым в поле был сделан более точный рисунок, а не реконструкция украшения (рис.2.8). Судя по этому рисунку, металлическая бляшка имела диаметр не более 17 см. Полные аналоги всему украшению мне неизвестны, за исключением уже отмечавшегося О.А.Кривцовой-Граковой сходства с материалами погребения № 13 Алексеевского могильника (19.С.112). Центром производства таких ювелирных изделий, скорее всего, было южное Приуралье, потому, что составляющие его предметы: бляшка, обоймочка и гофрированные биноклевидные пронизы чаще всего происходят из андроновских комплексов (19.С.110.Рис.36.7,8; 10.С.52-53, 65-66).

У - 15 (рис.2.7) - полушарная бляшка диаметром 17 см, из листа бронзы, с двумя отверстиями по краю (Букатовка-П к.3.п.5). Аналогичные нашивные бляшки серийно использовались в составе сложных абашевских украшений, главным образом, головных уборов и, возможно, других частей одежды (17.С.42.Рис.8.24; С.86-87.Рис.19.28; 44.С.157-158.Рис.22.а.27,70,71.Табл.Уп.11; XI.2-5; 31.С.56-64).

Рис.9.20,10,12,13). Известны они также в финальных петровско-алакульских комплексах (18.С.150-153.Рис.9.16-22).

Ножевидные пластины от наконечников

У - 16 (рис.3.27-31) - изготовлены из тонких пластин длиной 55-57 мм, максимальной ширины для 12-14 мм, имеющих на верхних концах одно отверстие. Встречены в трех погребениях (Покровск ю.в. гр. к.40; Натальяно-П к.7 п.1; Чардым к.1 п.9). Всего учтено пять предметов, три из которых сохранились почти полностью и на них отверстие было обернуто тонким листом с чеканным орнаментом. Две спектрально проанализированные чардымские пластины содержали металлы северо-казахстанской алтынитюбинской условной группы (13.С.129.№ 1723,1724). По форме и конструктивным деталям нижеволжские предметы аналогичны подвескам для кос или нагрудников, широко распространенным в андроновском мире, а также встречаемым в бегазы-далдыбаевских, кротовских и срубных культурах. Пластиночаты андроновские наконечники появляются в Поволжье, скорее всего, под влиянием урало-казахстанских постпетровских и алакульских племен, для которых они более характерны, чем для срубных (20.С.265.Рис.107.161-162; 29.С.169.Табл.10 Б.10).

Бусы и проиэки

Бронзов 3 бусы, трубчатые проиэки и обоймы встречены в семи погребениях (Покровск к.15 пп.2,3, к.19; Бережковка-1 к.25 п.6; Осиновка к.7 п.4; Натальяно-П к.14; Бородавка к.1 п.14). При этом трубчатые проиэки происходят из погребений с блясками, образуя вместе с ними сложное украшение.

У - 17 (рис.3.23) - две биноклевидные, ребристые проиэки, сделанные из тонкой пластины с волнистой поверхностью, концы которых загнуты в трубочки. Они происходят из Покровского могильника (к.15 п.3), где входили в состав нагрудного украшения. В лесостепном Поволжье биноклевидные проиэки, с концами загнутыми в трубочки, обычно также связаны с комбинированными ювелирными изделиями. Здесь они встречаются на памятниках, относимых исследователями к первому - второму периодам (45.С.38.Рис.7.4-6.С.46.Рис.13-15). Данные покровские проиэки и аналогичные им из Куйбышевской области, выделены таким же образом, как и ребристые трубочки, часто встречаемые в андроновских древностях (10.С.66-67.Рис.15.4,5).

У - 18 (рис.1.6-8) - три цилиндрические трубочки-проиэки

с поперечными рубчиками на концах, аналогии которым, главным образом, сосредоточены среди абашевских памятников Среднего Поволжья и Приуралья (47.С.10; 52.С.86-89, 194.Рис.25.5; 57.С.72). Они согнуты из листовой бронзы, имели длину 4 см, располагались около головы, поэтому, вероятно, вместе с обнаруженной здесь же бляшкой составляли единое ювелирное изделие для головного убора или прически. Примечательно, что в Среднем Поволжье наборы трубчатых проносок нашивались с бляшками на кожаную основу и также использовались для украшения надлобных повязок или других деталей женского костюма (31.С.63-68.Рис.12.6.Рис.13, Рис.16; 44.С.179-226. Рис.22, 27-а, 70, 71.Табл.ХI.3).

У - 19 (рис.3.24) - трубочка-пронозка шириной 8 мм изготовленная из тонкого листа с гофрированной поверхностью. Она происходит из того же бережновского погребения, где найдены трубочки разряда У-18 и бляшка разряда У-13, но не была опубликованной (СОВМ июль 1963). Аналогии имеются, главным образом, среди абашевских рубчатых трубочек, имитирующих спиральки (17.С.113.Рис.21 - 75; 31.С.64-65.Рис.13; 44.С.178-226.Рис.22-б, 27, 28. Табл.ХI.6), петровских и алакульских удлиненно-прямоугольных ребристых обоев (20.С.265.Рис.107-136; 54.Табл.ХХХУП.18, ХХХУШ.37).

У - 20 (рис.3.25) - трубочка или обломок от рубчатых бусинок с рубчатой внешней поверхностью. Обломки располагались вместе с пастовыми и сурьмяными бусами в области шеи погребенной единым украшением (Бородаевка к.1 п.14). Наружный диаметр 2,5-3 мм, внутренний 1-1,5 мм. Наиболее близкие аналогии есть среди абашевских колечек-бисера и петровско-алакульских бус, изготовленных из тонкой проволоки (17.С.65.Рис.13, 31.С.60). О технологии изготовления бородаевских предметов судить сложно, так как они сильно фрагментированы. Можно определенно сказать только, что они не закручены в спираль. Кроме того, они имеют определенное сходство с турбинскими и кротовскими гофрированными трубочками (34.С.92.Рис.87 А; 56.С.67-68.Рис.33.31-34, 36, 40, 41, 47-53).

У - 21 (рис.2.8; 3.23) - короткие и узкие пронозки-обоймы от комбинированного ременного украшения. Изготовлены из тонкого листа шириной 2-3 мм, свернутого в овальную в профиле обойму с полукруглыми концами. В реконструированном О.А.Кривцовой-Граковой украшении их могло быть более 120, так как на рисунке И.В.Смицына обоев более 60 экземпляров. Они располагались плотно друг к другу, двумя короткими рядами в центре и тремя - более длинными, по обеим сторонам от него. Находки проносок этого разряда в

срубной культуре связаны со сложными ювелирными изделиями от головных и нагрудных украшений, а также, вероятно, браслетов (52. С.48.Рис.6.6; 55.С.155.Рис.6.37). При этом, они происходят из Волго-Уральского срубного региона, не встречаясь в более западных. Из культур, близких в территориальном и временном отношении к срубной, аналогичные пронизки встречаются в абашевской и алакульской, то есть также в Поволжье и к востоку от него (29.С.169. Табл.10.8; 44.Табл.10.8; 54.Табл.XXXI.23). Нижневолжские обоймочки, по мнению О.А.Кривцовой-Граковой, принадлежали ремненным украшениям андроновского типа (10.С.52-53).

У - 22 (рис.2.14) - бусина или пронизка из узкой ленты шириной 2 мм, закрученной спиралеобразно (Бородаевка к.1 п.14). Располагалась в погребении вместе с другой пронизкой и бусами.

У - 23 (рис.3.26) - обойма-пронизка прямоугольной формы, из четырехгранной проволоки, с приостренными и заходящими концами (Наталино П к.14). Происходит из мужского погребения с оружием. Лежала против кистей рук в 30-35 см, около берестяного тусска. Размер обоймы I x I,5 см. Аналогичные изделия известны также в мужских абашевских и петровских погребениях с наконечниками, ножами, завершающими булавы и остатками колесницы (18.С.150.Рис.9.44; 29.С.75.Рис.30.41; 31.С.57.Рис.8.2). В Адрашском кургане они в количестве шести штук располагались в области пояса, и, видимо, составляли украшение пояса, а в петровско-алакульском Кулевчинском могильнике - у головы погребенного. Можно полагать, что такие пронизки использовались на поясах и других ременных изделиях мужской атрибутики.

Литейные формы

У - 24 (рис.2.10.13) - обломки от двух глиняных литейных форм для изготовления различных крестовидных подвесок. Обе найдены в 80-х гг. сотрудниками археологической лаборатории СГУ на размываемом Скатовском селище вместе со срубно-абашевской, неолитической и другой керамикой. Такие сурьмяные подвески пока крайне редко встречаются в погребениях (Медяниково к.8) срубной культуры. Ближайшие аналоги им есть прежде всего в допетровских, а также в петровских и постпетровских материалах (20.С.263-265.Рис.106.81.Рис.107-140,165,171). Судя по Скатовским литейным формам, такие украшения могли изготавливаться непосредственно в Нижнем Поволжье.

Изделия из кости

По сравнению с металлом, фаянсом и сурьмой, кость использована

лась для изготовления украшений реже. При этом, из нее чаще всего выделялись кольца и проножи из трубчатых костей, а также амулеты из клыков животных.

Кольца и проножи

Обнаружены в 8 могилах и представлены II предметами (Покровск ю.в. гр. к.7 п.3; к.15 п.2; Осиновка к.7 п.4; Максимовка к.2 п.3; Новоузенск к.1 п.10; Наталино-П к.14; Стариков к.1 п.2; Березовка к.3 п.2). Обычно они встречаются по одному экземпляру во взрослых и преставных мужских погребениях с оружием и псадиями, но бывает и в подростковых. Из проножек мной привлечены только расположенные на погребенном или рядом с ним, а те, которые являлись деталями от рукояток или древков (Покровск к.7 п.3; Березовка к.3 п.2), хотя и учитывались, однако, не рассматриваются. Пронизки, украшавшие древки булав, плеток и других категорий оружия и орудий труда, обычно имеют более крупную, чаще всего, прямоугольную втулку. От колец, являвшихся деталями одежды погребенных, они также отличаются другими конструктивными особенностями. Возможно, что не все привлекаемые экземпляры выполняли функцию украшений одежды, а являлись деталями колчанов, горитов или луков. На это указывает место их расположения в могиле. В трех случаях (Максимовка к.2 п.3; Наталино-П к.14; Покровск ю.в. гр. к.15 п.2) они лежали рядом с наконечниками стрел или с древесным тленом (лук?). В луках кольца могли использоваться для натяжения тетивы. При этом в Наталино и Покровске проножки размещались относительно погребенного идентично. Так, в первом случае кольцо лежало против черепа и кистей рук, в 40 см от них, рядом с бронзовой обоймой (У-23) и узкой полоской дерева. В этой могиле обнаружены еще две берестяных туеска, один из которых содержал набор наконечников стрел и фактически являлся колчаном. В Покровске же, между кистями рук погребенного и проножкой находились наконечники стрел. Максимовская прищипка, хотя и расположена между тазом и плотно прижаты к нему ступенями умершего, но рядом же были и стрелы. Возможно, здесь она могла использоваться для связывания ног. В Новоузенском кургане кольцо и бусы лежали в центре могилы, на уровне живота подростка и, вероятно, украшали пояс. Только в одном захоронении (Покровск ю.в. гр. к.7 п.3) проножка находилась на шее погребенного. При выделении типологических разрядов к кольцам отнесены короткие (10-15 мм) и большего диаметра (20-30 мм), а к проножкам длинные (15-23 мм) и меньшего диаметра (15-20 мм), цилиндрические предметы из трубчатых костей.

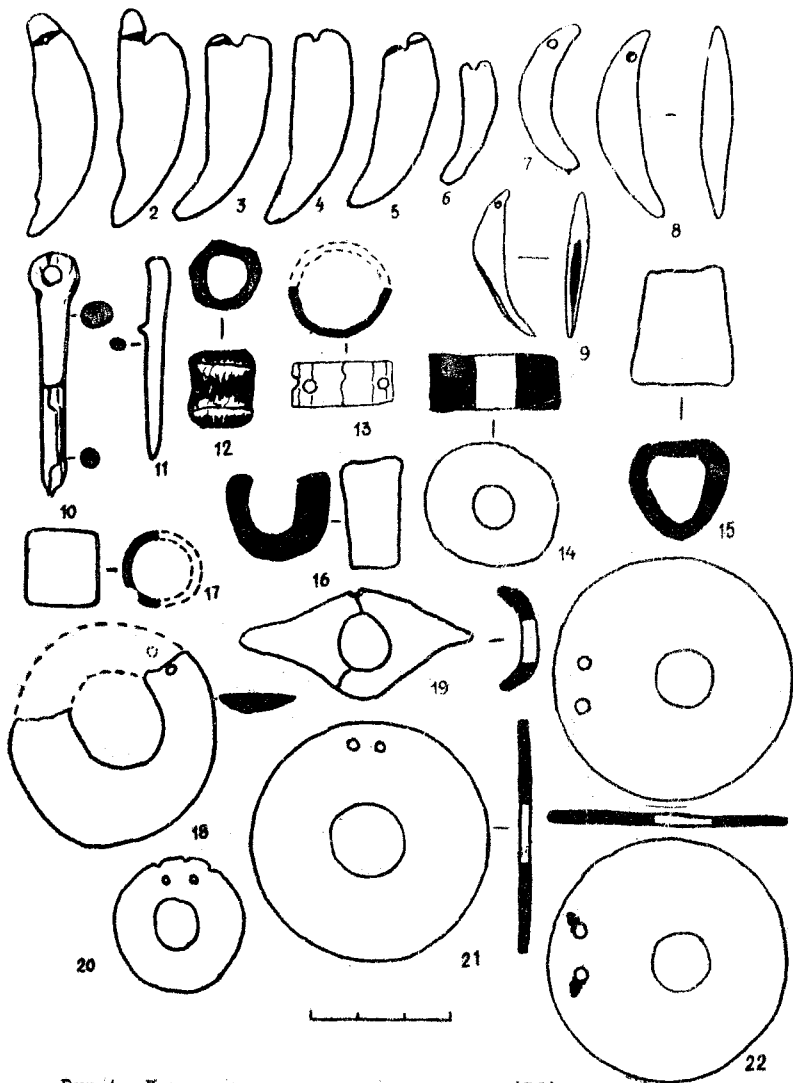

Рис.4. Украшения из кости и раковины (18):
 Натальино-II к.3 п.1-1-6, к.14-14; Покровск к.15 п.2-15, к.35 п.2-7, 22; Терновка к.4 п.8-8, п.5-9; Бородавка к.1 п.21-10; Я.Покровка-I-II; Максимовка к.2 п.3-12; Новоузенск к.1 п.10-13; Осиновка к.7 п.4-16, 19; Старицкое к.1 п.2-17; Чардым к.2 п.2-18; Соколка к.1-20; Аткарск к.27-21.

У - 25 (рис.4.13,14,16) - кольца (Новоузенск к.1 п.10; Натальяико-П к.14; Осиновка к.7 п.4; Покровск ю.в. гр.к.7 п.3). Новоузенское кольцо выделяется тем, что изготовлено из тонкой кости, имеет самый большой внутренний диаметр и не менее трех малых отверстий. Такие предметы в памятниках эпох бронзы Евразии встречаются очень редко. Изделие из крупной кости, с двумя сверленными отверстиями есть в одном из кротовских погребений Барабичской лесостепи (56.С.54.Рис.25.12). Остальные кольца этого разряда выпиленные из более крупных трубчатых костей, имеют сходство с абашевскими пронизками (31.С.58.Рис.9.15; 59.С.64.Табл.У1.2-4).

У - 26 (рис.4.12,15,17) - пронизки. В один разряд объединены условно, так как по пропорциям и конфигурации каждая из них имеет свои особенности. Пронизка из Старицкого погребения с диском-видным псалием имеет аналогии в срубных и абазевских памятниках Южного Приуралья (23.С.116.Рис.3.20; 58.С.92.Табл.ХУП.9), в комплексах раннего периода КМК (46.С.41.Рис.2.3) и позднеабашевском погребении из кургана близ с.Пришиб на Донеччине (57.С.55.Рис.5-6).

Аналогии двум другим предметам из Покровска и Максимовки, есть соответственно в материалах Кумакского и Богоявленских курганов (54.Табл.ХХХУП.5; 25.С.124.Рис.52.3).

У - 27 (рис.4.1-9) - клыки и зубы животных, с просверленными в верхней части отверстиями для подвешивания, происходят из четырех погребений (Покровск ю.в. гр.к.35 п.2; Натальяико-П к.3 п.1; Терновка к.4.п.5.8). В Покровске они составляли единое большое, расположенное на груди, ожерелье из 29 экземпляров, а в Натальино из - 13. В последнем случае клыки лежали в ряд, за спиной умершей, на уровне колена и, возможно, ими расшивалась нижняя часть платья. Если в этих двух могилах данные украшения принадлежали взрослым женщинам из парных разнополюх могил, то в Терновке было по одному предмету в детских захоронениях. Вероятно, детям не полагалось носить ожерелья из большого количества таких амулетов. Однако и здесь они обнаружены на уровне колена, вместе с обломками подвески, бусами и алячниками (п.5), а также около черепа, в основании которого встречены бусы (п.8). Такие украшения есть в различных культурах эпохи бронзы.

Известны они также в срубных погребениях Поволжья (15.С.26,37; 65.С.113.Рис.31.7; 66.С.148; 67.С.42-43.Рис.1.11-15). Башкирии (60.С.84,138,147.Рис.ХХIII-8, ХХХII-10; 61.С.61.Рис.5-1), восточного варианта КМК (62.С.26.Рис.8.1), петровско-алакульских и

алакульских (I8.C.I4I-I50.Рис 4-19-2I, 7-5-7, 9-11-14). Т.М.Бу-роу считает, что такие амулеты есть в абашевской культуре (I5.С.37), с чем нельзя согласиться, поскольку в качестве аргумента исследователь ссылается на материалы Северо-Бирского могильника доабашевского времени. Публикуя этот комплекс, К.В.Сальников совершенно верно заметил, что ожерелья из зубов животных не встречаются в абашевских могильниках (63.С.24-25.Рис.15-27.С.121). Не упоминаются они и в обобщающих исследованиях А.Д.Пряхина и В.С.Горбунова. Следовательно, такие изделия не характерны для абашевского костюма. Поволжские же находки, судя по их расположению в могиле, могли использоваться для украшения женского платья.

У- 28 (рис.4.10-11) - застёжка и булавка, происходящие из культурного слоя срубко-абашевского участка поселения и Бородаевского кургана. Новопокровская застёжка имеет в верхней своей части прямоугольное, а в нижней - овальное сечение. На боковой части её вырезан небольшой пристранный уступ, в районе которого ширина предмета 5 мм. Общая длина изделия 43 мм. Такие детали одежды есть в абашевском Папкинском кургане (59.С.25.Табл.УП 2,10; 64.С.48-49). Булавка из Бородаевки круглая в сечении, длина сохранившейся части 50 мм. На верхнем конце есть кольцевидная головка, диаметром 10 мм, с отверстием для подвешивания. Предмет найден в захоронении взрослого, вероятно, мужского погребения с дисковидным псаломом.

Костяные пряжки

Встречены в трех покровско-абашевских курганах и на двух селищах. Место их расположения относительно погребенного установлено достаточно точно лишь в Покровске (к.35 п.2). Здесь она лежала на месте пояса мужчины, а в Аткарске (к.27) - на четвертом штыке раскопного колодца, но не в исследованной здесь же женской могиле. Пряжки из кости и раковины встречаются во всех регионах срубной культуры Поволжья и Приуралья (68.С.118-122; 70.С.20.Рис.3.7.С.25; 60.С.132.Рис.ХУП.12; 71.С.40-52.Рис.4-10), а также в постпетровских или петровско-алакульских памятниках (I8.С.150.Рис.9-45; 20.С.265.Рис.107-168; 29.С.101.Рис.41. 4,5; 54.Табл.ХХХУП.4, ХХХУШ.24). Однако до настоящего времени они в полном объеме не систематизированы. Тем не менее, представляется преждевременным связывать появление таких изделий в срубных и в андроновских древностях восточной зоны Евразии только с влиянием КМК, а также рассматривать их исключительно как пряжки, поскольку они часто изгото-

товлены из хрупкого материала раковин. Традиция использовать для украшения пояса раковины восходит к эпохе знеолита. Также нельзя считать все поволжско-уральские комплексы, постполтавкинского времени с пряжками более поздними подражаниями изделиям КМК. По стратиграфии и инвентарю они обычно следуют за полтавкинскими и позднекатакомбными, отличаясь от собственно классических срубных позами и ориентировкой погребенных. Керамика в них чаще всего отсутствует, как и в КМК, а если есть, то представлена несобранными банками или округлободными сосудами. Несмотря на определенную близость к КМК, вряд ли их следует отрывать от раннесрубной культуры Поволжья. Наличие таких комплексов в Поволжье и особенно в Волго-донском междуречье не выглядит странным явлением, так как многоваликовая керамика здесь встречается вместе с другой, катакомбной и полтавкинской посудой, вплоть до южных окраин лесостепи, включая верховья р.Терешки и пензенское течение р.Хопер (48.С.225). Катакомбные племена оказали здесь определенное влияние на формирование срубной культуры. По этим и другим причинам компоненты сложения срубной культуры в данных правобережных районах были несколько иными, чем в степном Заволжье. По форме и профилю щитка, количеству малых отверстий пряжки члнятся на четыре типологических разряда.

У - 29 (рис.4.21,22) - круглые, с двумя малыми отверстиями. В сечении они плоские, имеют форму круглого диска диаметром 50 мм. Одно большое отверстие диаметром 12-15 мм, расположено в центре, а два малых, диаметром 2-3 мм - около края, рядом друг с другом. На покровской пряжке по краям малых отверстий имеется по одной бороздке, образовавшихся от длительного трения шнура или бечевы, проходившей через них. Кроме того, известны еще две круглые пряжки (рис.4.18,20), происходящие из курганов, раскопанных П.С.Рыковым. От чардымской пряжки, сделанной из раковины, сохранился только фрагмент, по которому можно судить, было ли второе малое отверстие. На краю пряжки из Соколки имеются остатки углублений от трех отверстий, ниже которых сделаны два малых. Вероятно, они были просверлены после того, как изделие сломалось в районе трех отверстий. Такие предметы с аналогичным количеством малых отверстий встречаются в памятниках эпохи бронзы реже, чем другие типы. Однако, несмотря на их малочисленность, на Дону и в Поволжье, они пока встречены только на памятниках покровского типа. Так, в бассейне Дона они есть среди материалов из курганов у с.Большие Верхи (72.С.36.Рис.14.6) и урочища Орлиное болото (25.С.130.Рис.57.7). В Среднем Поволжье одна аналогичная пряжка найдена на

Суксаянском поселении (68.С.120.Рис.2.2). Близки к изделиям данного разряда некоторые плоские пряжки с территории лесостепного Подолья, но они имеют по одному малому отверстию (25.С.130.Рис.53.6,8). Ареал наибольшего распространения пряжек (У-29) связан преимущественно с лесостепными регионами Подонья, Поволжья и Волго-Донского междуречья.

У - 30 (рис.4.19) - пряжки ромбовидной формы, с большим центральным отверстием, а также, вероятно, с одним малым, расположенным около края на месте излома. Встречена в коллективном захоронении. Аналогии есть прежде всего в раннесрубных комплексах Среднего Поволжья (68.С.118.Рис.1.3,4; Рис.2.3), а также в кургане близ с.Терезовники Оренбургской области (69.к.2 п.7). Такие пряжки концентрируются в покровских погребениях Волго-Уральского междуречья со срубно-абашевской и срубной керамикой.

У - 31 (рис.2.1) - рогатая пряжка с округлым щитком, от которого отходит стержень округлого сечения. Найдена С.И.Четвериковым во время сборов на селище близ хутора Барановского в бассейне р.Терешки. Сохранилась не полностью. Близкие изделия также встречаются в других поволжских памятниках покровского типа (68.С.118.Рис.1.1,2).

У - 32 (рис.2.2) - заготовка для пряжки, овальной формы, изогнутой в сечении, происходящей из культурного слоя селища "Санды". По форме и сечению предмет наиболее близок ранним абашевским пряжкам лесостепного Подонья, изготовленным из стенки трубчатой кости (25.С.129-130.Рис.53.1-4). Заготовка для такой же пряжки встречена на селище № 8 близ с.Вознесеньки на р. Ведуга, содержащем абашевскую и срубную керамику (64.С.123-125.Рис.53.1). Аналогии и ареал распространения таких пряжек связан с абашевскими и покровскими древностями лесостепного Подонья и Волго-Донского междуречья.

Фаянсовые и сурьмяные бусы

Данные изделия являются наиболее распространенной категорией покровско-абашевских украшений (8.С.89). Фаянсовые или пастовые бусы найдены в 24 могилах, а сурьмяные в 18. При этом, вместе они встречены в 11 погребениях. Всего пастовых бус обнаружено более 1262 экземпляров, а сурьмяных более 567, так как в некоторых случаях исследователи отмечают лишь их наличие, не указывая точного количества. Фаянсовые бусы, в качестве украшений, использовались в степной Евразии у определенного круга культур: петровской

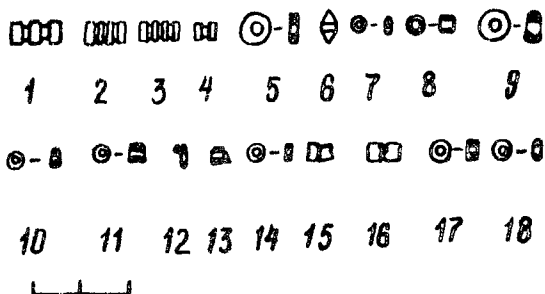

Рис. 5. Бусы из фаянса и металла (9-11):
 1-Алексеевка-П п.8; 2-4-Бережновка П к.91 п.2; 5-6-Оси-
 новка к.4 п.4; 7-12 Ш.Каравиш к.4 п.3; 13-14 Терновка
 к.4 п.21; 15-16- Ст.Озеро к.2 п.2; 17-18 Покровск к.15 п.3

или раннеалакульской, КМК, катакомбной и раннесрубной. Однако наибольшее их количество отмечается пока только в раннеалакульских, покровско-абашевских и собственно срубных комплексах. Судя по обобщающим диссертационным и монографическим исследованиям, бусы из фаянса и сурьмы нет в абашевской и полтавинской культурах. Во всяком случае, если они и остались неучтенными, то не составляют в них ведущую категорию украшений. В целом наибольшая их концентрация отмечается в Волго-Уралье. В северном Причерноморье ареал распространения фаянса достаточно широк, однако самые первые бусы появляются здесь в катакомбных памятниках, и число их находок увеличивается также к востоку от Днепра (73.С.97), то есть по направлению к бассейну Дона и Волги. Иногда фаянсовые бусы окрашены в бирюзовый цвет, что, по мнению специалистов, объясняется присутствием в шихте шлаков оловянистых бронз. Центры производства таких стекол пока не определены, но возможно они импортировались с Передней Азии или Кавказа, как и некоторые другие бусы, сваренные по рецептам древнеегипетской школы стеклодела (73.С.98). Бусы из светлого металла, судя по залому, отлиты из сплава свинца и сурьмы (40.С.170). Традиционно считается, что сурьмяные изделия связаны своим происхождением с Кавказом, хотя нельзя исключить и использования в это время Никитовских месторождений в Донбассе (40.С.170).

Чаще всего бусы концентрируются в области шеи, что отмечено в 12 захоронениях. Нередко они лежат плотно друг к другу, образуя овал. В Натальино (к.3 п.1) даже сохранились остатки красной нити-

ки, на которую они были нанизаны. В четырех погребениях, кроме шеи, бусами была украшена одежда в районе плеч и груди. Нередко они концентрируются в районе локтей (7), или между ними и коленями, что позволяет предполагать их использование также для украшения рукавов. Крайне редко бусы использовались при отделке мужских поясов (2), а также украшений головного убора (1). Иногда они располагались не на умершем, а рядом с костями животных (2) или ножем (1). Возможно, иногда бусы использовались для украшения мешочков, чехлов и футляров.

В целом данная категория украшений является принадлежностью женского костюма, но в двух случаях ими были отделаны рукава и пояс у мужчин. Следует отметить, что мне не удалось возможным собрать информацию по всем коллекциям бус, так как многие из них не сохранились, не опубликованы, а если и опубликованы, то без подробных рисунков. Поэтому пока следует ограничиться самыми общими замечаниями при их характеристике.

Поверхность большинства бус гладкая, канал только один. Он узкий, цилиндрический, диаметром 1-2 мм и проходит по центру их сечения. За редким исключением, бусы имеют форму так называемых "мягких" цилиндров (рис.5). Внешний диаметр их непостоянен и обычно колеблется в пределах 2-4 мм, хотя среди сурьмяных есть более крупные - до 7 мм (рис.5.9).

Цвет фаянсовых бус чаще всего белый, гораздо реже голубой и серый, а иногда желтый. При этом наружная окраска наносилась после их изготовления, потому что внутри канала они обычно белые.

В погребениях преобладают бусы двух типов: в виде коротких цилиндров, диаметр которых равен или чуть меньше их длины (рис. 5.8, II, I7), а также плоские дисковидные - где диаметр больше их длины (рис.5.7,9,10,14,18). Аналогичные фаянсовые изделия встречаются в dolmenax Западного Кавказа (70.С.272.Рис.152.II-20), КМК (46.С.39-41.Рис.1.6; 2.4,8; 62.С.26-27.Рис.8.1, 9-8) и петровокозлякульских погребениях (18.С.150.Рис.9.23-25, 29-32; 54.Табл. XXXII.30; 19.С.110.Рис.35.II; 36.2,3). Единичными экземплярами представлены двух-четырёх составные пастовые трубочки (рис.5.1-4, 12,13,15,16), имеющие аналогии среди украшений тех же культур (19.С.110.Рис.35.10,11; 36.1,2; 46.С.41.Рис.2.8; 62.С.26-27.Рис.8.1; 9.8; 70.С.272.Рис.132.23) и катакомбных памятников Среднего Подонья (75.С.60.Рис.24.5;74.Рис.29.14). Только в Осиновском кургане № 7 пока встречены сегментовидные фаянсовые бусы (рис.5.6).

У большинства пастовых бусин края округлые и плавно загибаются внутрь канала, хотя у некоторых здесь же расположены закраины,

образовавшиеся на месте излома трубчатых многосоставных бусин. Как отметил А.Т.Синюк, отдельные мелкие циркониевые изделия являются скорее всего отслоившимися сепаратами длинных двух и более частных изделий (75.С.119). Все перечисленные выше типы бус представлены также в собственно срубных комплексах различных регионов.

Из рассмотренный выше инвентарь позволяет сделать ряд выводов. Как и следовало ожидать основная масса украшений связана с женским покровским костюмом. Однако количество их категорий и предметов различно. Есть как так называемые "бедные" и "богатые" женские могилы, что свидетельствует о существовании у этой части населения своей возрастной и социальной иерархии. Вместе с тем у мужчин украшения не занимали такого существенного места в выражении степени социальной престижности и возрастной регламентации. У них отличия подчёркивались прежде всего наличием в могиле орудия и орудий труда, а также предметов конской сбруи. Вероятно, какое-то значение у мужчин из украшений отводилось только поясу, потому что именно с ним связаны единичные костяные кольца, пронизки и пряжки. Женские погребения, по числу категорий украшений, можно разделить на три условные группы. В первую, самую многочисленную, но наименее социально значимую - вошли все детские, подростковые и некоторые взрослые захоронения с одной-тремя категориями. Вторая состоит из взрослых и коллективных могил с четырьмя-пятью категориями (Осиновка к.7 п.4, Натальино -П к.3 п.1, Бородавка к.1 п.20, Терновка к.4 п.21, Светлое Озеро к.2 п.2). Третью - самую престижную группу образуют погребения, где есть шесть категорий украшений (Покровск к.15 п.3, к.35 п.2) и золото (Алексеёвка-П п.8). Чаще всего женский костюм украшался бусами, височными подвесками и браслетами, а бляшками, пластинами, трубчатыми пронизками и клыками животных гораздо реже. Все они предназначались для головного убора, причёски, шеи, рук и отделки костюма в области ворота, груди и рукава. Костюм мужчин не украшался изделиями из бронзы и выглядит более буднично, чем "пышный" женский.

По набору категорий украшений, их типу и размещению, женский покровский костюм более всего похож на петровский, петровско-алакульский и алакульский. Определённое сходство он имеет также с абашевским, но только преимущественно по общему набору категорий и их расположению. Со срубным костюмом покровский близок по обилию бус, по аналогичному перечню других категорий изделий, используемых для украшения тех же его деталей. Немногочисленные собственно срубные украшения (височные подвески У-12) происходят из:

покровских срубно-абашевских погребений, появившихся в результате взаимодействия. По некоторым украшениям фиксируются определённые связи покровских и Сейминско-турбинских племён. Однако самая значительная типологическая серия предметов поступала на Нижнюю Волгу от петровских, петровско-алакульских и алакульских племён, с которыми у "покровцев" отмечаются наиболее тесные, непосредственные контакты разнообразного и вероятно обоюдного характера. Учётывая существенное сходство других компонентов их культуры следует полагать, что данные племена развивались синхронно и в одно время.

Присутствие абашевских и близких к ним изделий также вполне симптоматично, поскольку культура памятников покровского типа по керамике принадлежит к абашевскому кругу. Именно поэтому А. Д. Пряхин рассматривает покровские комплексы как синкретические памятники доно-волжской абашевской культуры. Однако следует отметить, что для покровской группы характерны собственные типы украшений: массивные прутковые браслеты, височные подвески, предметы из лести, фаянса и сурьмы, позволяющие рассматривать её как самостоятельно культурное образование, а не более позднюю трансформацию Донского "абашева" или их симбиоз с равными срубниками. Хотя в результате сосуществования и их контактов со срубным населением появились действительно гибридные срубно-абашевские поселенческие и погребальные комплексы, в том числе с синкретической керамикой. Представляется, что ареал распространения покровской культуры был достаточно широк и охватывал также донские регионы, где она оказала влияние на синхронно с ней развивавшиеся родственные абашевские племена. Во всяком случае, близость некоторых бабинских и катакомбных украшений с покровскими указывает на то, что последние сформировались не позже донской абашевской культуры.

Покровско-абашевские погребения Нижнего Поволжья с украшениями

Наименование могилилка	Бронза					Кость					Бусы			
	височные	подвески	бусы и промысы	орнаменты	пластины	наконечники	одежки	кольца	пряжки	аппенды	животных	защелки	фаянсовые	сургучные
Покровск, к.7 п.2	2													
Там же, к.7 п.3							I							
Там же, к.15 п.2			x										x	
Там же, к.19	2		I										x	
Там же, к.35 п.2	3			2					I	42				29
Там же, к.40					I								5	
Чардым, к.1 п.9	2			2	3									
К.Октябрь, к.ф. п.10													12	15
Аткерск, к.27	1			I					I					
Максютово, к.3 п.7														30
Иловатка, ю.гр.к.6													I	
Бережновка-I, к.25 п.6				3	2		I							
Бережновка-II, к.9I п.2													5	
Быково-I, к.9 п.3	2													
Там же, к.9 п.4													750	
С.Саратовка-I, к.6 п.4													x	
Осиновка, к.7 п.3													107	
Там же, к.7 п.4	2		2				x	I					12	
Максимовка, к.2 п.2	I			I										
Там же, к.2 п.3								I						
Новоузенск, к.1 п.10								I					18	
Там же, к.1.п.1I													5	
Там же, к.1 п.12													I	
Натальино-II, к.3 п.1	2									13			I	3I
Там же, к.4 п.8	2												3	
Там же, к.10													8	42
Там же, к.14			I					I						
Там же, к.18 п.5														35

Наименование могильника	Бронза					Кость				Бусы	
	бусы и подвески	бусы и протиги	орнаменты	пастыли- массоны	бляшки	кольца	пряжки	клинки	многотыч- застёжки	фаянсовые	сурьмяные
Бородаевка, к. I п. 14		5	1							1	
Там же; к. I п. 15	1										
Там же, к. I п. 20	2		2						23	58	
Там же, к. I ц. 21	x							1			
Терповка, к. 3 п. 6	1		1						4		
Там же, к. 4 п. 5	1						1			2	
Там же, к. 4 п. 8							1			2	
Там же, к. 4 п. 10									3	11	
Там же, к. 4 п. 17										8	
Там же, к. 4 п. 21	2		2						96	146	
Старицкое, к. I п. 2						1					
Ш. Карамыш, к. 4 п. 3	4								45	135	
Покровск, к. 15 п. 3	3	x	2	1					8	3	
Березовка, к. 3 п. 2						3					
Св. Озеро, к. 2 п. 2	3		2						55	20	
Букатовка-П, к. 3 п. 5	2?		2?	1							
ВСЕГО											
погребений:	20	7	12	3	3	8	3	4	1	24	17
ВСЕГО											
предметов:	37	14	20	5	3	10	3	57	1	1263	567

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- ² Вайбури А. К. Семантические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- ³ Седловская А., Трейде Б. Украшения // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3.

- 4 Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ.М., 1966. Вып. В 4-9.
- 5 Аванесова Н.А. Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы // Тр. Самаркандского гос. ун-та. 1972. Новая серия. Вып. 218.
- 6 Её же. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Т. 1, 1975.
- 7 Шарфутдинова И.Н. Бронзовые украшения сабатиновской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
- 8 Малов Н.Н. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. Вып. I.
- 9 Выражаю искреннюю благодарность И.И. Дремову, Л.Л. Галкину, В.А. Лопатину, С.В. Ляхову, Е.К. Максимову, С.И. Четверикову, А.И. Юдину, предоставившим мне возможность использовать неопубликованные материалы.
- 10 Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
- 11 Итита М.А. Раскопки могильника тазебагыбской культуры Кочка-3 // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1961. Вып. 5.
- 12 Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.
- 13 Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии. М., 1989.
- 14 Артеменко И.И. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- 15 Буров Г.М. Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск, 1974.
- 16 Лопатин В.А., Малов Н.М. Срубные погребения в подбоях на Еруслене // СА. 1988. № I.
- 17 Прякин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- 18 Виноградов Н.Б. Кулечки У1 - новый элакульский могильник в лесостепях южного Зауралья // СА. 1984. № 3.
- 19 Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. ХУП.
- 20 Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- 21 Началова И.А. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Кузбасс - Поволжье, 1985.

- 22 Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Там же.
- 23 Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Там же.
- 24 Слякк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона // Там же.
- 25 Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.
- 26 Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы южного Приуралья. Уфа, 1990.
- 27 Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского кургачного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- 28 Кузьмина О.В. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Науч.тр.КГПИ. 1979.Т.230.
- 29 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- 30 Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- 31 Ефименко И.П., Третьяков П.И. Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. № 97.
- 32 Васильев И.Б., Пряхин А.Д. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. 1979. № 2.
- 33 Черных Е.Н., Кореневский С.Н. О металлических предметах в Царева кургана близ г.Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
- 34 Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
- 35 Кирчо Л.Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-тепе // СА. 1980. № 1.
- 36 Малов Н.М. Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911-1959 гг.) // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10.
- 37 Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60.
- 38 Это же. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
- 39 Отрощенко В.В., Шевченко Н.П. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

- 40 Хавин И.Я. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья // Труды СМК. 1960. Вып.3.
- 41 Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. Вып. I.
- 42 Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Науч. тр. КГПИ. 1978. Т. 221.
- 43 Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- 44 Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. // МИА. 1967. № 97.
- 45 Агапов С.А., Васильев И.В., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- 46 Вангородская О.Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
- 47 Качалова Н.А. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСТЭ. 1976. Вып. 17.
- 48 Малов Н.М. Некоторые итоги изучения поселения эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Баку, 1985. Ч. 2.
- 49 Бадер О.Н., Попова Т.Л. Прикавказская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
- 50 Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности М., 1984.
- 51 Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Изв. краевед. ин-та изучения Южно-Волжск. обл. Саратов, 1926. Т. I.
- 52 Силицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда. // МИА. 1959. № 60.
- 53 Сальников К.В. К истории древней металлургии на Южном Урале // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. I.
- 54 Андроновская культура // САИ. 1966. Вып. В 3-2.
- 55 Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы // СА. 1977. № 1.
- 56 Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- 57 Герякович Я.П. Культурно-хронологические группы погребения эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб //

- Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, Киев, 1982.
- 58 Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.
- 59 Халиков А.Х., Дебенинская Г.В., Герасимова М.И. Пепкинский курган // Тр. Марийской арх. эксп. Йошкар-Ола, 1966. Т. Ш.
- 60 Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья, Уфа, 1991.
- 61 Морозов Ю.А. Срубные памятники западных районов Башкирского Приуралья // Бронзовый век южного Приуралья. Уфа, 1985.
- 62 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.П., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- 63 Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- 64 Диберов П.Д. О хронологии абашевской культуры // СА. 1977. № 2.
- 65 Мерперт Ч.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42.
- 66 Его же. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61.
- 67 Мамонтов В.И. Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- 68 Петров Ю.Э. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- 69 Смирнов К.Ф. Отчет о работах Южноуральской экспедиции за 1967 год // Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1 № 3557.
- 70 Мамонтов В.И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3.
- 71 Обьеденнов Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акиязаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- 72 Полесских М. В недрах времени. Пенза, 1956.
- 73 Островерхов А.С. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
- 74 Маркович В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- 75 Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

ПОСТРОЙКИ СРУБНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Среди открытых вопросов, связанных с изучением срубной культуры Нижнего Поволжья, одним из наименее решённых является вопрос о жилых, хозяйственных и производственных постройках. Он исходит из общей нерешённости проблемы поселений, поэтому и рассматриваться, видимо, должен в тесном взаимодействии с такими аспектами задачи, как керамический комплекс и набор орудий труда, хозяйство и ремесло, общественный и семейный уклад.

В предлагаемой работе особое внимание уделяется начальному этапу большого исследования по реконструкции, интерпретации и первичной классификации различных построек как составных частей жизнеобеспечивающих систем (ЖС) племён срубной культуры степной каменнобронзовой зоны Нижнего Поволжья.

Реконструкция проводится на основе анализа общих и частных признаков землянок, исследованных в разное время в степном Заволжье (рис. I), типы которых характерны для обширной зоны степной и лесостепной Евразии, где в эпоху бронзы обитали племена со сходной во многих чертах материальной культурой. Это сходство объясняется единым характером пастушеско-земледельческого хозяйственно-культурного типа (ХКТ), сложившегося в указанном регионе примерно в начале II тыс. до н.э. Хозяйственно-культурный тип определяется специалистами как "комплекс особенностей хозяйства и культуры, который исторически складывается у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитавших в сходных естественно-географических условиях" (I.C.2I5-2I6).

Постройка на поселении, наряду с одеждой и пищей, призванными обеспечить человеку на различных этапах развития его материальной культуры относительно нормальное существование, входит в понятие (ЖС). Сюда же следует включить и некоторые сферы производственной деятельности, направленные непосредственно на жизнеобеспечение, - строительство домов, пошив одежды, приготовление пищи и т.д. (2. С.24). Материальные остатки, находимые на поселениях, с одной стороны, отражают характер той или иной ЖС, а с другой стороны являются конкретным выражением тесной связи ЖС и ХКТ. Явление это закономерное, поскольку ЖС в рамках ХКТ формируется и развивается под активным воздействием экологической среды. Таким образом, определённые ХКТ с ЖС их археологических культур должны соответствовать конкретным физико-географическим поясам (ФГП) - источникам соответ-

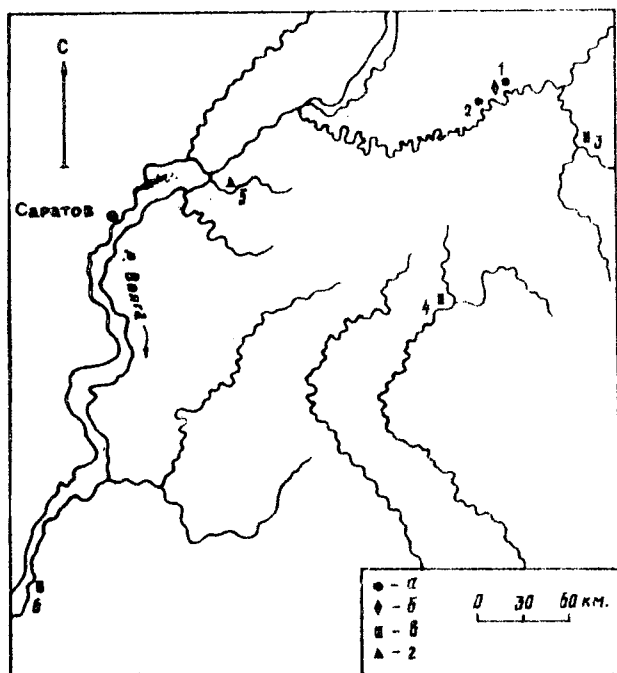

Рис.1. Распределение основных типов построек на срубных поселениях степного Заволжья. 1-Преображенка, 2-Успенка, 3-Максютово, 4-Осинов-Гай, 5-Чапаевка I, 6-Быково 2; а - комплексная хозяйственно-жилая постройка, б - производственная постройка, в - чисто жилая постройка, г - чисто хозяйственная постройка

ствующих экологических воздействий. Наш вариант предусматривает соответствие пастушеско-земледельческого ХКТ степной и лесостепной полосе Евразии - конкретному ФП, где лучше всего развивались пастушеское, с различной степенью подвижности, животноводство и пойменно-мотыжное земледелие. Устанавливается прямая зависимость постройки (её конструктивных особенностей) от ФП (рис.2). А поскольку различные культуры, формирующиеся в близких условиях, обнаруживают определённое сходство, то и постройки этих культур похожи по целому ряду признаков.

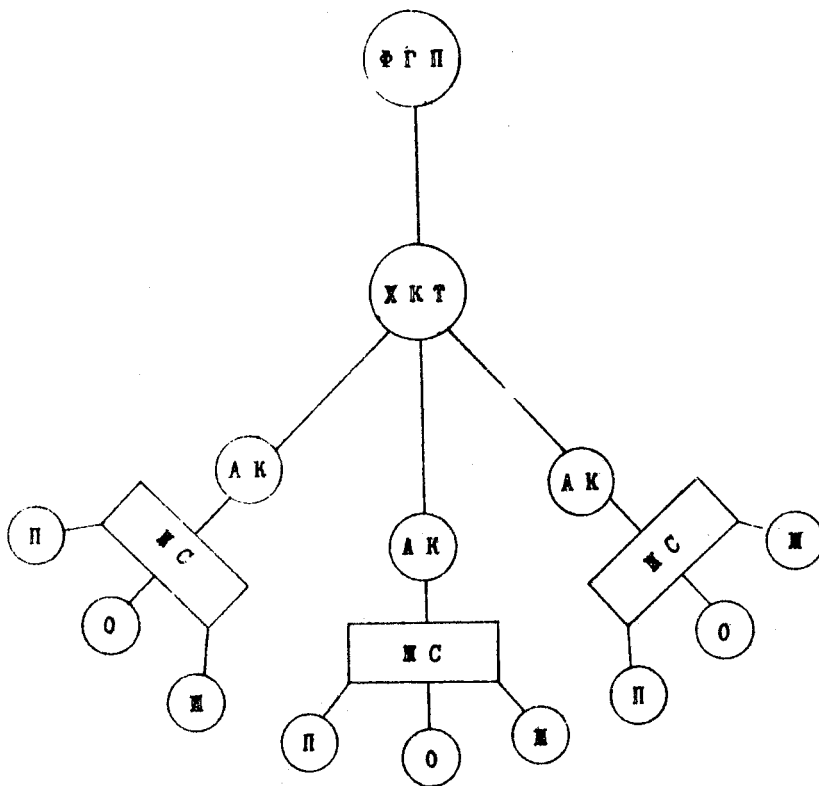

Рис.2. Схема зависимости хозяйственно-культурного типа и жизнеобеспечивающих систем его археологических культур от физико-географического пояса

В этнографических исследованиях, касающихся традиционного сельского жилища высказано мнение, что для такого ФГП, как степная и лесостепная зона, - засушливого, с сильными ветрами, бедного лесами - характерными являются следующие признаки жилья: ступенчато-столбовая конструкция опоры крыши, плоская или слабопокатая кровля, заглубленный относительно земли под, очаг, расположенный

внутри помещения, с хозяйственными и обогревательными функциями (3.3.38). С другой стороны, ФП, формируя многие общие черты жилища, как правило, не затрагивает такой важной категории, как внутренняя планировка. Многочисленные признаки, наблюдаемые в ходе раскопок, — существование внутренних перегородок, разграничивающих жилые и подсобные площади, связанное с жилым помещением расположение очага, устройство входа и т.д. — достаточно вариabильны как в своей взаимной сочетаемости, так и в конструктивных особенностях. Таким образом, в наборе признаков жилых, хозяйственных и производственных построек срубной культуры степного Поволжья можно отметить общие и частные элементы. Общие признаки характеризуют постройку как показатель синкретичности археологических культур единого ХКТ, а частные, напротив, выделяют те характерные особенности строений, которые присущи именно данной археологической культуре, её локальному варианту, хронологическому срезу.

Проводя реконструкцию раскопанной на древнем поселении постройки можно использовать условную схему общих признаков сооружения в качестве универсальной матрицы (рис.3). Дополняя её частными признаками, scrupulously наблюдаемыми в ходе полевого исследования, представляется возможным воссоздать относительно достоверную графическую модель объекта.

В степной левобережной зоне Нижнего Поволжья постройки быды выявлены на шести поселениях срубной культуры: Максютовском (4.С.200), Успенском (4.С.209, 213), Быковском 2 (5.С.277), Осияво-Гайском (6), Чапаевском 2 (7.С.158-159), Преображенском. Все они обладают достаточно выраженными признаками, как общего, так и частного характера. В качестве основного типологического репера берётся постройка I Преображенского поселения, исследованная автором в 1985 г. на р.Большой Иргиз в Пугачёвском районе Саратовской области, поскольку она обладает максимальным количеством признаков в имеющейся серии. Для сравнения с нашим репером были привлечены материалы 52 опубликованных построек различных археологических культур (петровской, адакульской, катакомбной, восточно-татинской, абашевской, срубной, тазабагъябской, приказанской, черкаскульской, замаревской, сабатиновской, соснидской, валиковой керамики, бондарихинской), бытовавших на широкой территории и в довольно мощном хронологическом срезе, но представлявших относительно единый ХКТ. Все памятники указанных культур группируются по

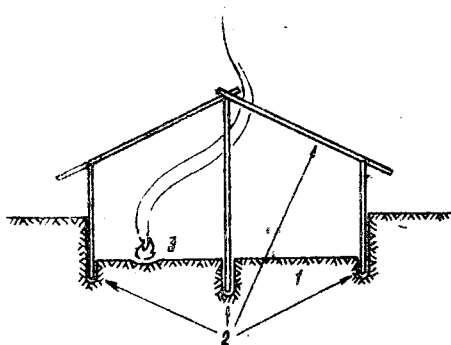
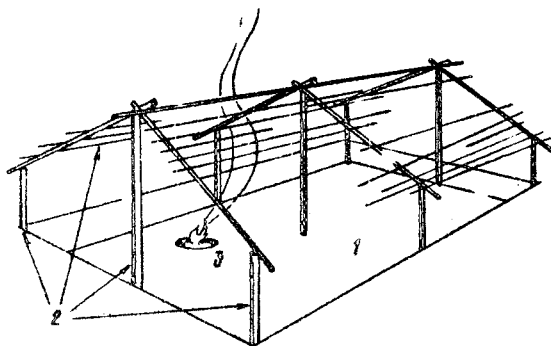

Рис.3. Схема-матрица общих признаков постройки. 1-прямоугольный котлован, 2-каркасно-столбовая конструкция опор кровли, 3-очаг

географическому принципу.

В Поволжье были учтены постройки Максютовского и Успенского поселений (4), Комаровского (8.С.158), 1 и 2 Сусканных (9.С.83, 108, 116), у Моечного Овсра (10.С.184, 185), 2 Быковского (5), Мало-Козузинского (12.С.52) поселений. В Урало-Казахстанском регионе использованы данные поселений Кулевчи 3 (13.С.95), Атасу (14.С. 211), Шортанды-Булак (15.С.201, 203, 220), Кочка 15, Джанбас 30, Байрам-Кааган 2 (16.С.48, 53, 91, 93), Кипель 1 (17.С.325), Лужки (18.С.56), Липовая Курья (19.Рис.2), Садчиковского (11.С.154, 155).

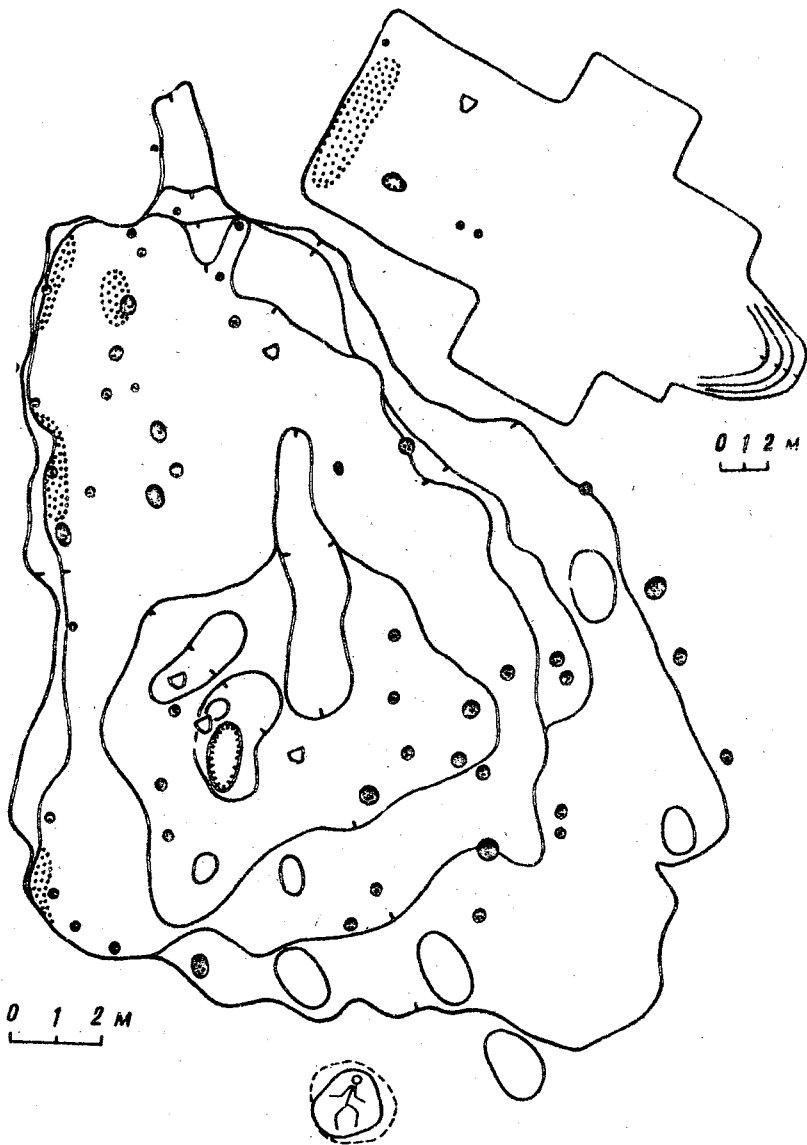

Рис.4. Комплексные хозяйственно-жилые постройки. 1-Преображенка, 2-Успенка; а - столбовые ямки, б-хозяйственные ямы, в - очаги, г - скопления золы, д - сосуды

В материалах Подонки в сравнение были введены постройки Мало-Боршевского (20.С.114), Рикань 2 (21.С.95), Садового 6 (22.С.155), Тауровского (23.С.140), 1 и 2 Масловских и Менделеевского I (24. Рис.2,29), 1 Береговского (25.Рис.18), Боровского (26.С.120,124), Смычка I (27.С.210), Мосоловского (28.С.109,111) поселений. Из опубликованных памятников Украины были задействованы данные о строениях поселений Пустынка (29.С.24,28,35,40), Здвижка и Попова Левада (30.С.26,42), Таранцево (31.С.101), Шосейного (32.С.138), Ильичёвского (33.С.153), Колодезний Бугор (34.С.200).

В конструкциях всех учёбных построек в той или иной степени были отмечены признаки, сходные с Преображенскими. Всего же в Преображенке было выделено 15 признаков (сюда входят как общие, так и частные).

1. Котлован прямоугольной формы. В основе постройки I Преображенского поселения" прямоугольный котлован размерами 15,5 x 6,5 м. Первоначальные очертания его хорошо читаются в западной части. Позже восточная стена была деформирована боковой пристройкой. Котлован ориентирован по линии "северо-северо-восток - юго-юго-запад". Ориентировка построек, как представляется, не зависела от каких-либо культурно-хронологических традиций, а самым тесным образом была связана с ландшафтом. В зависимости от этого устраивался и вход. Первоначально стенки котлована были довольно отвесными, но со временем они, под воздействием естественных природных, или искусственных хозяйственных факторов, частично обваливаясь, становятся аморфными. Противоположная от входа часть котлована заметно понижается, как бы подчёркивая локализацию сугубо жилой площади, связанной с очагом. Этот признак является часто встречаемым (в 37 из 52 построек), а, стало быть, может считаться общим. Данные анализа занесены в сравнительную таблицу (рис.6), где в вертикальный ряд внесены приводимые по географическому принципу аналогии (в скобках рядом дан номер постройки), а в горизонтальном ряду - признаки преображенского сооружения. Количество аналогий того или иного признака является показателем частоты его встречаемости, а количество преображенских признаков, отмеченных в той или иной аналогии, - показатель сходства.

2. Боковая хозяйственная пристройка. Хозяйственное помещение, пристроенное в восточной стене основного котлована, занимает примерно 2/3 длины последнего, причём южные их стенки находятся почти на одной линии. Это прямоугольное в плане помещение длиной 11 м и шириной 5,5 м. Пол его постепенно повышается террасками в восточном

направлении. И.В.Синицын назвал, видимо, наиболее вероятную версию, представляя боковые пристройки больших жилищ загонами для стойлового содержания скота в зимнее время (4). Этот признак встречен всего в трёх постройках среди аналогий. Он представляется нам чрезвычайно важным (одна из частных), поэтому укажем на аналогии особо. Жилище Успенского поселения, которое находилось в 3 км ниже по течению реки от Преображенки, имело две противоположные боковые пристройки, примыкавшие к длинным сторонам основного котлована (рис. 4.2). Жилище 3 Масловского I поселения также было оснащено амбразурной боковой пристройкой (24). Почти идентичная преображенской конструкция отмечена в Подонье на примере комплекса построек 7 и 42 Масловского поселения. Здесь одно хозяйственное помещение было пристроено к основному котловану также с восточной стороны (28.С.109).

3. Ступенчатый вход с торцевой стороны. Северная торцевая сторона преображенской постройки оборудована трёхступенчатым входом, который снаружи переходит в узкий тамбур размерами 2,5 x 1 м, направленный к склону пологой балки, выходящей к реке. Заметим, что даже в настоящее время это самый удобный путь к воде, особенно со стадами скота. Ступенчатые входы с тамбурами встречены довольно широко (в 20 сооружениях из 52). Все они размещены с короткой торцевой стороны котлована. Достаточно выразительны длинные тамбуры бегазинских и тазебагыбских жилищ Казахстана (15,16).

4. Фиксация ступеней входа обмазкой. Ступени входа постройки I Преображенского поселения, а также небольшая площадка перед ними внутри помещения, были обмазаны жидкой глиной, а затем, возможно, обожжены. Цветом они почти не отличались от глинистого пола, разве что несколько более красноватым оттенком. Зато фактура этого участка резко выделялась характерным рисунком трещин и слоистостью. Этот строительный приём был, видимо, необходим для того, чтобы предохранить ступени от быстрого разбивания в результате повышенной нагрузки. Единственная аналогия данному признаку была найдена в материалах постройки I4 на поселении Шортанды-Булак в Приаралье (15.С.199). Правда, здесь ступени входа были оформлены плиточным камнем. Традиция фиксации ступеней входа представляется весьма существенной деталью, особенно необходимой для грунтовых котлованов, и столь редкая её встречаемость объясняется, возможно, особенностями большинства грунтов, не позволяющими чётко отличить по цвету или фактуре глиняную обмазку.

5. Расположение очага в основном помещении. Самый часто встречаемый признак. Он отмечен в 44 постройках из 52. Только место его

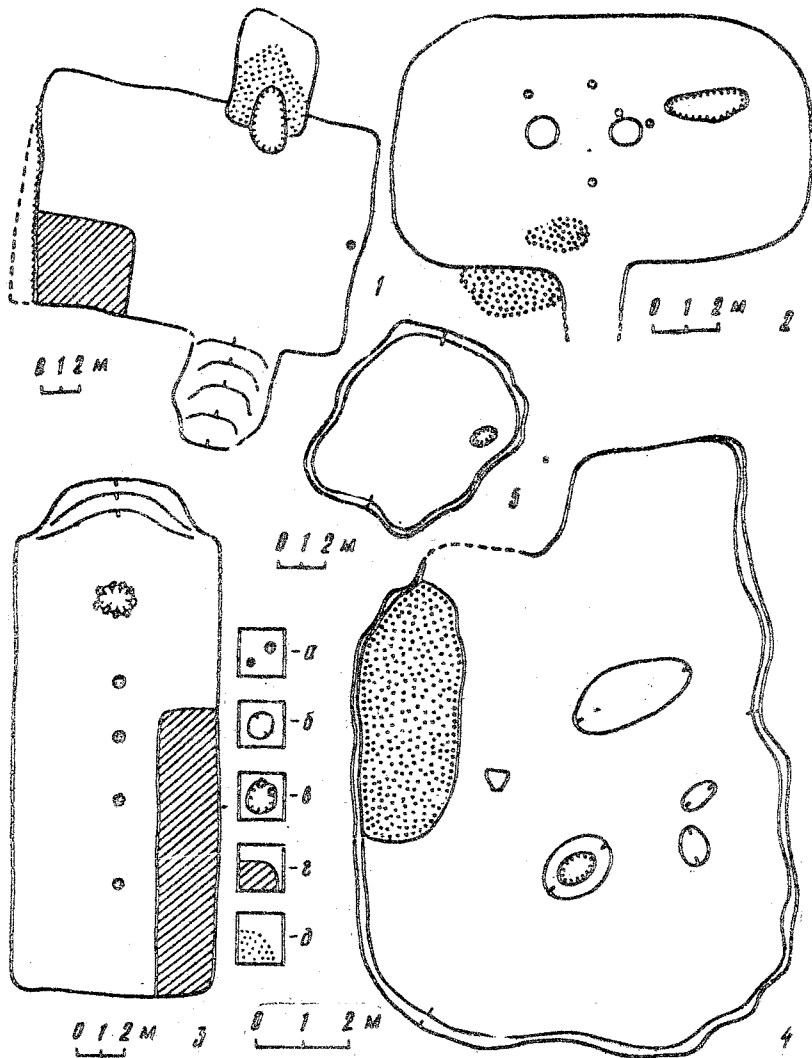

Рис. 5. Чисто килые, (1-3), производственная (4) и чисто хозяйственная (5) постройки. 1-Макситово, 2-Быково-2, 3- Сосинов-Гай, 4-Преображенка, 5-Чалаевка 2; а - столбовые ямки, б - хозяйственные ямки, в - очаги, г - земляные нары, д - скопление золы.

размещения в землянке, как правило, выбирается весьма произвольно. Пожаруй, закономерностью для длинных построек типа преобразенской является чаще встречаемое положение очага в той её половине, которая противоложна входу. Это обстоятельство диктовалось, вероятно, соображениями сохранения тепла. В таком случае посредине длинной постройки обязательно должна была находиться поперечная перегородка. Как один из общих признаков жилища степной и лесостепной зоны Евразии, очаг универсален в основных своих показателях. Это открытый костёр, который разводили и, может быть, постоянно поддерживали в специальном углублении — костровой яме. Пологие стенки ямы сильно прокалились. В ней скапливается спрессованная масса золы, а в щелях угольков с вкраплениями кальцинированных косточек, кусочков керамики и мелких камней. Если в зимнее время очаг служил для приготовления пищи и обогрева помещения, то летом это хозяйственная значимость не снижалась. Огонь просушивая земляночный котлован и в какой-то мере предохранял жителей от кровососущих насекомых (3.С.39).

6. Размещение сосудов около очага. В специальных углублениях, открытых в полу, около очага, стояли крупные хозяйственные корчаги, дошедшие до нас в виде развалов. Несомненно их связь с местом приготовления пищи, и можно предположить, что они содержали основные компоненты нехитрой пищи обитателей в ямках. Но эти сосуды могли применяться также и каких-либо вспомогательных производственных процессах. Так, например, в одной из причевских корчаг успешского жилища были найдены заготовки костяных наконечников стрел, которые распаривали в горячей воде перед обработкой до состояния податливости (4). Босредоточение сосудов именно около очага, как признак, встречено в материалах всего лишь пяти построек из учтённых 52.

7. Канавообразные углубления. В центральной части котлована, параллельно его длинной оси, расположено продолговатое канавообразное углубление длиной 6,5 м, шириной до 1,5 м и глубиной до 0,4 м от поверхности пола. Южный край канавы начинается в центре общего понижения жилой площадки, около очажной западины, и вытягивается в северном направлении, в сторону выхода. Существует мнение, что аналогичные углубления в тазабагьябских жилищах, примыкавшие иногда к очагу, засыпали горячей золой, покрывали поверх шкурами и использовали в качестве спальных мест (16.С.202). По мнению другого исследователя, наблюдавшего аналогичное явление в постройке поселения Тасты-Бутак, канавы являлись проходами между спальными ярами (35.С.53-55). На наш взгляд, речь идёт о канавообразных

углубления в постройках и за их пределами могли выполнять различные функции. Их можно интерпретировать, при наличии зольного заполнения, в качестве спальных мест с подогревом. Что касается преобразенского варианта, то здесь мы имеем дело, скорее всего, с конкретно обозначенным выходом из жилого помещения в подсобное, приходящее. Не исключено также, что некоторые камавы и углубления выполняли функции водосборников для влаги, проникавшей в помещение во время дождя через дымоход или другим путём. В литературе отмечено всего 6 аналогий данному признаку.

8. Зола в котловане. Вдоль западной стенки котлована местами прослежены полосы золы, а также в южной части пристройки, вместе со скоплением костей и керамики, был расчищен небольшой зольник. Локализация золы по краям пристройки и особенно длинного котлована — свидетельство того, что она попала внутрь с внешней стороны, путём просачивания, по мере разрушения ст.ч. Снаружи наибольшее скопление золы отмечено севернее постройки I, куда её выносили из очага. Какое-то количество очажных массшло, вероятно, на утепление стен с внешней стороны. Локализация золы с внешней стороны жилищ и аналогичное просачивание её внутрь помещения прослежены в материалах лесостепного Приоболья (I7.С.329). Но факт утепления постройки с внешней стороны говорит о том, что грунтовая стена котлована имела сверху небольшую надстройку. Видимо, это была лёгкая каркасная стенка, забранная плетнём, и действительно нуждавшаяся в утеплении; снаружи смесью земли и золы, а изнутри — шкурами.

9. Хозяйственные ямы в котловане. Шесть ям для хранения различных припасов размещаются исключительно в южной, противоположной входу, половине постройки. Четыре из них связаны с жилым помещением, две — с хозяйственной пристройкой. Все они различных размеров, глубины, как правило, овальные или округлые в плане. Выделим сразу ямы, находящиеся в пристройке для скота. Они неглубокие, с логичными краями. Скорее всего, в этих углублениях задавали корм животным во время стойлового содержания в зимнее время. Две самые большие ямы, расположенные вплотную к южной стенке землянки, были пусты. Стенки их расширялись книзу, так что в профиле они имели котловидную форму. Иногда некоторые ямы, утратившие свою хозяйственную значимость, превращались в мусоросборники. На дне одной из них, в непосредственной близости от очага, было расчищено скопление кухонных отходов в виде костей животных и битой посуды.

10. Хозяйственные ямы за пределами котлована. От южного края постройки I в западном направлении, вдоль береговой террасы, не-

ровной и почкой протянулись 12 хозяйственных ям, одна из которых, расположенная около самого края котлована, была использована под ритуальное захоронение. Эти ямы также предназначались для хранения. Формы и размеры их различны. Некоторые были оснащены ступеньками для удобства спуска. Другие имели в стенках узкие ниши для закрепления деревянных настилов. В системе жизнеобеспечения обитателей поселения они имели чрезвычайно важное значение. Как признаки построек хозяйственных ям широко распространены и универсальны во всех культурах нашего ХТ.

11. Контурный обвод столбов внутри котлована. Этот признак встречается довольно часто, поскольку как элемент общего порядка (каркасно-столбовой конструкции) он является одним из основных. Особенно хорошо контурный обвод фиксировали вдоль западной стенки котлована. Здесь были врыты столбы, диаметр которых составлял от 0,2 до 0,3 м. Они поддерживали нижние края стропил западного ската крыши. На них же крепился лёгкий каркас плетёной стенки, надстроенной над котлованом. Возможно, плетнём укреплялась и его грунтовая стена. В этом случае мховые или камышовые маты (или плетёнка) пропускались между стенами котлована и столбами контура. Столбы восточной стены, которая отделяла основной котлован от хозяйственной пристройки, должны были ещё поддерживать несущую балку, на которую опирались коньковые бревна пристройки и стропила восточного ската кровли основного помещения. Эту стенку также драпировали плетнём и икурами, изолируя людей от животных.

12. Столбы за пределами котлована. Количество столбовых ям за пределами котлована незначительно. Они играли, скорее всего, вспомогательную роль в конструкции опоры крыши, в лучшем случае, поддерживая открытые навесы над тамбуром входа или над восточной частью пристройки. Для постройки преобразованного поселения этот признак представляется нетипичным. Между тем, в рамках нашего ФГП известны сооружения, весь контурный обвод столбов которых располагался за пределами котлована, как бы окаймляя его (26.С.124).

13. Две осевые линии столбов. Самые высокие и мощные столбы диаметром 0,3-0,4 м располагались по двум осевым линиям, расстояние между которыми равнялось 4 м. Причём, основная несущая линия проходила ближе к западной стене. На неё опирались коньковые балки, которые вместе составляли ломаную линию, что должно было придавать кровле дополнительную жёсткость. Аналогичные наблюдения были сделаны при реконструкции жилища 7 Мосоловского поселения в Подонье (28). Расстояние между несущей линией столбов и западным

контуром достигало 2 м. Соответственно, стропила западного ската крыши должны были равняться 3-4 м. Семиметровые стропила восточного ската, верхние концы которых лежали с небольшим припуском на коньковых балках, в средней своей части поддерживались столбами второй осевой линии, а нижними концами опирались на восточный контур столбов основного котлована. Беспорядочное, на первый взгляд, скопление столбовых ямок в юго-восточной части котлована, по всей видимости, — результат подводки под кровлю дополнительных или сменных опор по мере их изнашивания.

14. Поперечная линия столбов. Вместе с другими опорами она поддерживала общую систему перекрытия, проходя с запада на восток по центральной части котлована, и пересекала северное окончание канавообразного углубления — магистрального прохода из жилого помещения в подсобное. В своей восточной части она переходила из перегородочной в линию опор северной стены хозяйственной пристройки. Каркас перегородки, вероятно, драпировали лёгкой плетнёвой переплеткой и икурами. Таким образом, основной котлован был разделён на две половины: южную жилую, с очагом, а также северную, подсобную колодную. В летнее время подсобка могла использоваться для различных мелких придомных производств, зимой, по большей части, служила хранилищем топлива или кормов для скота. Следует отметить также разнообразие глубин столбовых ям. Естественно, что наиболее ответственные несущие опоры были особенно глубоко зарыты в грунт. Это — преимущественно ямы двух осевых линий опор. В некоторых ямах, глубиной более 0,5 м, сохранились затёсанные на конус нижние части брёвен. Крупным ямам иногда сопутствуют ямки меньших размеров, в которых наклонно крепились короткие брёвнышки — "пасынки", фиксировавшие несущие опоры. Эта немаловажная деталь уже была отмечена при реконструкции сусанских жилищ в Среднем Поволжье (9. С.116). Анализируя систему опор, можно предположительно восстанавливать тип кровли. Это было, вероятно, двускатное асимметричное перекрытие с более короткой западной стороной. Согласно общему признаку евразийских построек нашего типа, скаты кровли должны быть относительно пологими, поэтому несущие опоры ненамного возвышались над контурными. Чё стропила крепилась продольная обрешётка из жердей. Сверху укладывали продольные ряды плотно связанных камышовых матов. Укладку начинали снизу, и последующий верхний ряд шёл с некоторым нахлёстом на нижний. Над очагом, по несколько в стороне от его вертикальной проекции, в кровле оставляли отверстие дымохода. Возможно, что двухметровая канава с развалом корча-

Сравнительная таблица признаков Преображенской постройки I с постройками эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии

	Постройки степной и лесостепной Евразии	Признаки преображенской постройки I:														П. С.	
		I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		15
Поволжье	Осинов-Гай	+		+													3
	Преображенка 1/2/	+				+	+	+									5
	Успенка 1/1/	+	+	+		+	+										7
	Успенка 1/2/	+				+	+										3
	Максотово	+				+			+								3
	Комаровское					+							+				2
	Сускан 1	+				+				+				+			6
	Сускан 1/2/	+				+				+					+		6
	Сускан 2					+											6
	Моечное Озеро	+	+			+							+	+	+	+	7
	Быково 2	+				+				+	+						4
	Чапаевка 2	+				+											2
	Мало-Кокузинское	+	+			+							+	+	+	+	8
	Кульчи 2/1/	+	+			+			+	+			+	+	+	+	8
Атасу 4/	+				+				+	+			+	+	+	6	
Суук-Булак 1/1/					+				+					+	+	7	
Шортанды-Булак 1/14/	+	+	+					+						+	+	5	
Шортанды-Булак 1/21/	+	+			+									+	+	5	
Кокча 15/2/	+	+			+				+	+				+		6	
Кокча 15/6/	+	+			+			+	+					+		6	
Джанбас 30/3/					+									+		4	
Байрам-Казган 2/1/	+	+			+				+					+	+	5	
Кшпель 1/2/	+	+			+				+	+			+	+	+	9	
Лужки	+	+			+			+	+				+	+	+	9	
Виповая Курьг	+															4	
Садчиковское 1/1/					+				+	+						4	
Садчиковское 1/2/	+				+				+					+		5	
Мало-Боршевское 1/6/					+				+				+			4	
Мало-Боршевское 1/8/					+									+		2	
Рыканы 2	+				+	+			+	+						3	
Садовое 6	+				+				+	+						3	
Тавровское	+				+	+				+					+	5	
Боровское 1/1/					+				+	+			+			5	
Боровское 1/3/					+	+			+			+	+		+	6	
Смычка I	+															1	
Мосоловское 1/7/	+	+			+				+			+				8	
Менделеевское 1															+	8	
Масловское 1/3/		+			+				+	+	+	+	+			7	
Масловское 2/14/	+								+			+	+			5	
Масловское 2/5/	+								+	+		+	+			5	
Зереговское I/2/					+				+	+		+	+	+	+	7	
Зереговское I/3/	+				+				+	+		+	+	+	+	7	
Шилдовское 1/1/	+				+				+	+		+	+			6	
Пустынка 1/2,4,7,9/	+	+			+				+			+			+	6	
Таранцево 1/1/	+				+											3	
Таранцево 1/2/	+				+				+			+		+		3	
Шоссейное 1/4/	+				+							+		+		4	
Шоссейное 1/7/	+				+							+	+			4	
Шоссейное 1/8/	+	+			+				+	+		+	+			7	
Колодезный Бугор	+				+				+	+		+		+		6	
Ильичевка 1/2/		+			+				+			+		+		6	
Ильичевка 1/7/	+	+			+				+			+		+		6	
Здвижевка	+				+	+			+			+		+		3	
Попова Левада	+				+				+							3	

ни, расчищенная в 1,5 м севернее очага, как раз на линии несущих опор, располагалась именно под отверстием в крыше и служила в качестве водосборника проливавших через дымоход осадков.

15. Погребение около котлована. Ритуальное захоронение около постройки — явление весьма редкое на селищах эпохи бронзы. Аналогии имеются на поселениях Кулевчи 3 в Южном Зауралье (13.С.95), а также Менделеевском I в Подонье (24.С.120). Привлекательнее, скорее всего, одно из идеологических представлений, связанных с фактом возведения жилища. Данный вопрос требует специального анализа в самостоятельной работе и на эту статью не рассчитан.

Таким образом, взяв за основу универсальную матрицу традиционного строения (рис.3) и дополнив её частными признаками, мы построили графическую модель постройки I Преображенского поселения (рис.7). По своему характеру это типичный большесемейный дом с жилым, хозяйственным и подсобным помещениями, в котором на жилой площади примерно в 80 кв.м могли жить 3 поколения связанных кровным родством людей. 48 кв.м переднего подсобного помещения должны были обеспечивать хранение топлива и прочих припасов, создавать теплоизолирующий эффект перед входом, участвовать в незначительных производственных процессах. Боковая хозяйственная пристройка площадью в 50 кв.м предназначалась для стойлового содержания небольшого стада приблизительно в 6 — 7 голов крупного рогатого скота или 15-20 голов овец.

В этнографических материалах мы встречаем конструкцию белуджистанского дома, напоминающего своим внешним видом постройку в Преображенке. Специалисты относят его к индо-переднеазиатскому типу традиционного сельского жилища (3.С.53.Рис.4.3). Это длинное прямоугольное сооружение с боковой пристройкой, карасные стены которого

Рис.6. Сравнительная таблица признаков Преображенской постройки I с постройками эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии.

1. Котлован прямоугольной формы;
2. Боковая хозяйственная пристройка;
3. Ступенчатый вход с торцевой стороны;
4. Обмазка или обкладка ступеней входа;
5. Очаг в жилом помещении;
6. Осуды около очага;
7. Канавообразные углубления;
8. Зола в котловане;
9. Хозяйственные ямы в котловане;
10. Хозяйственные ямы около котлована;
11. Контурный обвод столбов в котловане;
12. Столбы за пределами котлована;
13. Две осевые линии столбов;
14. Поперечная линия столбов;
15. Погребение около котлована.

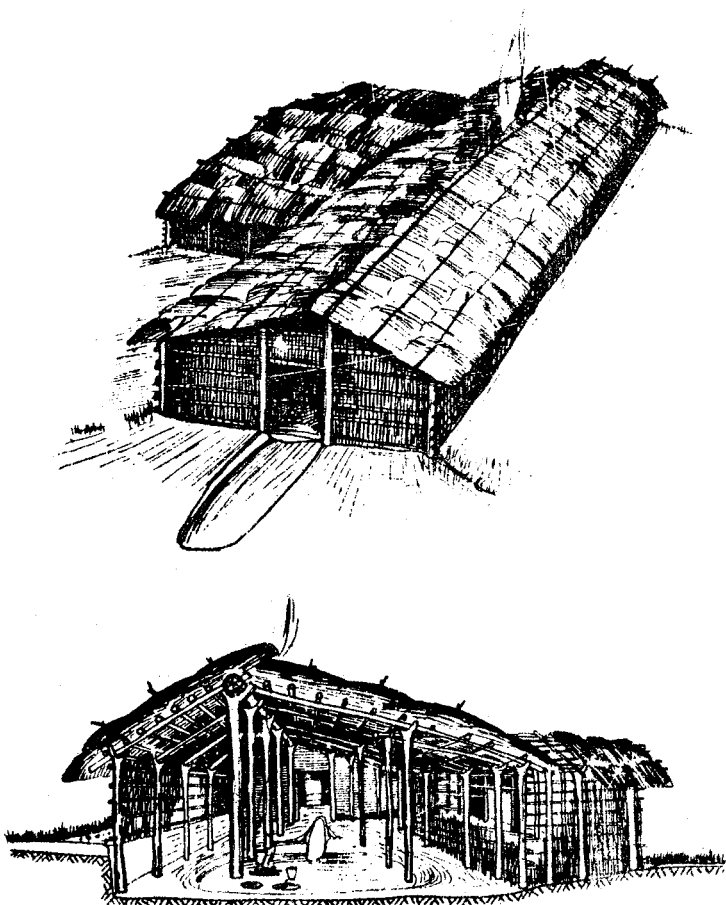

Рис.7. Реконструкция преображенской постройки I

забраны плетнём и обмазаны, либо сложены из плитняка, а полотно камышовая крыша иногда покрывается слоем глины. Этнографическая аналогия ярко иллюстрирует широко-бытованье таких универсальных

признаков традиционного жилища, как территориальное, так и хронологическое. Эта же мысль подтверждается нашими статистическими сравнениями (рис.6). Проведённый сравнительный анализ выделил наиболее часто встречаемые признаки, которые являются общими: прямоугольный котлован, очаг, вся система опор, комплекс хозяйственных ям. Хорошо заметны частные признаки преображенской постройки: боковая хозяйственная пристройка, обмазка ступеней входа, причалные корчаги, канавообразные углубления, погребение около котлована. С другой стороны, сравнением получены показатели сходства со всеми привлекательными аналогиями. На их основании небезынтересно проследить, какие культурные, а может быть, и генетические воздействия формировали строительную традицию срубных племён Заволжья.

Классификация построек нашего региона требует сравнения по каждому выделенному типу, сравнения, аналогичного проделанному в данной работе. Мы лишь наметим основные возможные пути выделения этих типов. По величине показателей сходства они расположились относительно преображенской постройки I в следующей очерёдности: Успенка, постройка I (показатель 7); Преображенка, постройка 2 (5); Быково 2 (4); Успенка, постройка 2 (3); Максютово (3); Осинов-Гай (3); Чапаевка 2 (2). Но здесь следует учитывать тот факт, что успенская постройка 2 наполовину разрушена рекой, и малый показатель её сходства с преображенским строением — явление не вполне объективное. Кроме того, нам представляется, что раскопки успенских построек, проводившиеся в конце 30-х гг., выявили не все имевшиеся в наличии признаки. В частности, явно недостаточно столбовых ямок, стенки котлованов весьма условны, в действительности они не могли быть абсолютно ровными, недостаточно прослежена внутренняя планировка. На эти постройки можно перенести некоторые общие закономерные признаки, зафиксированные в преображенском жилище.

Предварительно предлагается следующая схема классификации: I тип — комплексная хозяйственно-жилая постройка (Преображенка, постройка I (рис.4.1); Успенка, постройки I,2 (рис.4.2). Этот тип характеризуется всеми приведёнными выше признаками, а также их моделированными трактовками. Наибольшее сходство такие жилища обнаруживают с сооружениями на поселениях лесостепных районов Урало-Казахстанского региона (рис.6), что в какой-то мере отражает восточную доминанту в становлении и развитии строительной традиции срубных племён бассейна Большого Иртыша.

II тип — чисто жилая постройка: I подтип (Максютово, Быково 2 (рис.5.1,2). Это однокамерные компактные помещения с выходом в

боковую сторону и очагом, устроенным иногда по типу камина, в вырытой стенной нише. 2 подтип (Осынов-Гай) (рис. 5.3) – однокамерное прямоугольное жилище с выходом в короткую торцевую сторону, очагом, расположенным у входа, земляными нарами и одним продольным рядом несущих кровлю опор. Существенна такая деталь, как обкладка камнем очаг.

III тип – производственная постройка (Преображенка, постройка 2 (рис 5.4). Этот тип требует специального освещения и выборочного срезания как сооружение, имеющее конкретную специализацию в системе жизнеобеспечения. Коротко отметим, что оно подпрямоугольной формы, с неглубоким котлованом, в котором не фиксировали выход и столбовые ямки. Здесь отмечены очаг, развалы крупных корчаг, несколько продолговатых углублений, скопление золы в углублении у западной стены, а также обнаружен характерный орудийный комплекс для обработки кожи.

IV тип – чисто хозяйственная постройка (Чанавка 2 (рис. 5.5) невырачительное сооружение подпрямоугольной формы с неровными стенками слабосублужбленного котлована. В юго-западном углу – небольшой очажок. Это отдельно стоящее от жилища подсобное помещение могло служить для загона скота, хранения топлива и припасов, выполнения мелких производств.

Говоря о перспективах нашей работы, мы предполагаем, прежде всего, совершенствование предложенной классификации, а также разработку на материалах Преображенского поселения модели взаимодействия жилищ, хозяйственных и производственных построек, керамического и орудийного комплексов, данных остеологии и других категорий в рамках единой жизнеобеспечивающей системы большесемейной общины эпохи поздней бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чебоксаров И.И., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
- 2 Арутюнов С.А., Мартумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- 3 Чебоксаров И.И., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- 4 Сивидина И.В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СМ. М., Л., 1949. XI.

- 5 Попова Т.Б. Памятники срубной культуры в окрестностях с.Бн-
ково //МИА.М.,1960.№ 78.
- 6 Смицын И.В. Поселение Осинов-Гай в Заволжье // Древности
Восточной Европы. М., 1969.
- 7 Лопатын В.А. Раскопки в среднем течении р.Малый Караман // АО
1983 года.М.,1985.
- 8 Аляхова А.Е. Комаровское поселение у Моечного Озера // МИА.М.,
1958. № 61.Т.П.
- 9 Мерперт Н.Г. Из древнейшей истории Среднего Поволжья//МИА.М.,
1958.№ 61.Т.П.
- 10 Трубникова Н.В. Итоги археологических исследований по р.Усе//
МИА. М., 1948. № 61.Т.П.
- 11 Кривцова-Гранова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948
года)// МИА.М.,1951.№ 21.
- 12 Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ.М., 1980.Реп.В I-24.
- 13 Виноградов Н.Б. Кулевчи III - памятник петровского типа в Южном
Зауралье // КСИА. М.,1982.№ 169.
- 14 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.
Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- 15 Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Ка-
захстана.Алма-Ата, 1979.
- 16 Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М.,1977.
- 17 Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья.М.,1985.
- 18 Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного За-
уралья.М.,1972.
- 19 Хлобыстина Л.П. Поселение Липовая Курья. Д.,1976.
- 20 Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подо-
нья. Воронеж, 1982.
- 21 Матвеев Ю.П., Екимов Ю.Г. Поселение эпохи бронзы Рыкань 2 //
Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж,1980.
- 22 Екимов Ю.Г. Позднесрубные поселения Садовое У1 на р.Би.юг//
Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- 23 Тихонов Б.Г., Екимов Ю.Г. Тавровское поселение заключительно-
го этапа эпохи бронзы // Древние памятники на территории
Восточной Европы. Воронеж, 1983.
- 24 Пряхин А.Д. Древнее поселение Песчанки. Воронеж, 1973.
- 25 Его же. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- 26 Пряхин А.Д., Старцева Т.С. Боровское поселение эпохи бронзы
под г.Воронежем // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи.
Воронеж, 1981.

- 27 Тихонов Б.Г. Поселение бронзового века Смычка 1 // восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
- 28 Гетманский С.А. К вопросу о реконструкции срубных жилищ (постройки 7 и 42 Мосальского поселения) // Археологические памятники эпохи бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1986.
- 29 Березанская С.С. Пустынка, поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974.
- 30 Её же. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев, 1972.
- 31 Берестень С.Г. Поселения зрубной культуры Таращеве на Харківщині // Вісник Харківського університету № 201. Харків, 1980. История. Вып. 12.
- 32 Смирнов А.С. Сорокин А.Н. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северного Донца // СА.М., 1984. № 4.
- 3 Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичёвка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- 34 Третьяков И.Н. Землянка бронзового века в среднем Подесенье // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

И.И. Дрёмов

ВИШНЁВОЕ — ПОСЕЛЕНИЕ ПОКРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В САРАТОВЕ

Поселение Вишнёвое находится в Ленинском районе Саратова возле леса на отроге коренной террасы правого берега Волги на высоком мысу, удалённом от реки на 7 – 8 км, вблизи от родников и пруда. Культурный слой поселения сильно нарушен. Несколько десятилетий назад на месте памятника располагался вишнёвый сад, потом — огороды. В 1982г. здесь производились строительные работы, в результате чего верхняя часть культурного слоя была сдвинута бульдозером.

В 1982 и 1983 г. на памятнике под руководством автора было заложено три раскопа общей площадью 450 кв.м (рис.1). На раскопах I и II зафиксирована очень высокая насыщенность культурного слоя находками, среди которых преобладают керамика и кости животных. Кроме многочисленных костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота, встречены зубы свиньи и челюсть собаки.

Из костяных изделий найдены астргалы с пробитым отверстием, плоское пряслице, вырезанное из эпифиза животного (рис.2.4), пронизка из трубчатой кости (рис.2.8), обломки более десяти тупиков (рис.2.14), проколка (рис.2.1), штамп, вырезанный на обломке ниж-

ней челюсти коровы (рис.2.11). Уникальным предметом является рукоятка плети (?) с гранёной поверхностью длиной 11 см и диаметром до 3 см, сделанная из цельной кости без губчатого вещества с выдолбленным внутри большим подпрямоугольным отверстием (рис.2.2).

Среди каменных орудий имеется несколько образцов из крупно- и мелко-зернистых песчаников, 4 песта, кварцитовые отщепы, скребки (рис.2.6), ножевидные пластины (рис.2.9,15), обломок стрелы или дротика (рис.2.3). Принадлежность изделий из камня к эпохе бронзы не бесспорна, так как здесь найден обломок сосуда неолитического облика (рис.2.13). В раскопе III зафиксирована небольшая кладка подпрямоугольной формы из необработанных песчаников от 3 до 6 см каждый, ориентированная длинной стороной по линии в-а, размерами 40 x 35 см и высотой 25 см. Рядом найден развал сосуда (рис.3.1), углубленный в материк на 15 см, бронзовое шило (рис.2.16), несколько грифей, ракушки и окаменелые губки.

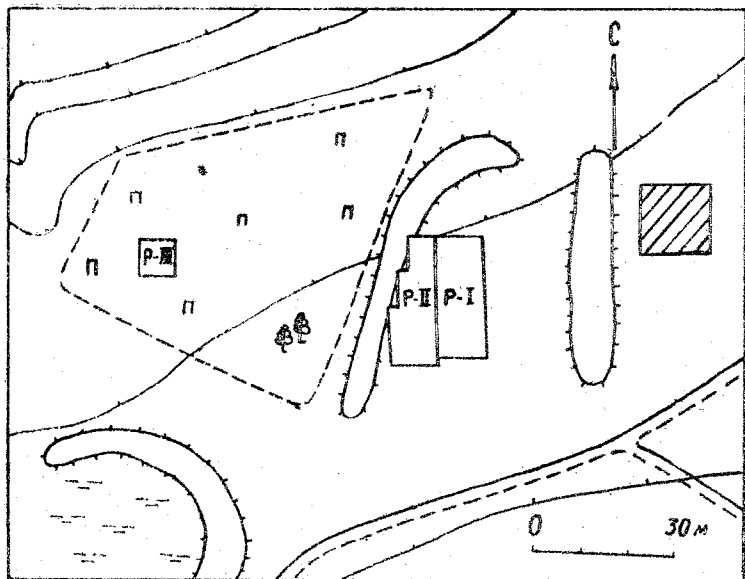

Рис.1. План поселения. Вишнёвое

Керамический комплекс поселения представлен фрагментами венчиков и донн не менее чем от двухсот сосудов. Большинство сосудов крупных размеров с диаметрами венчиков 30-40 см. Добавления

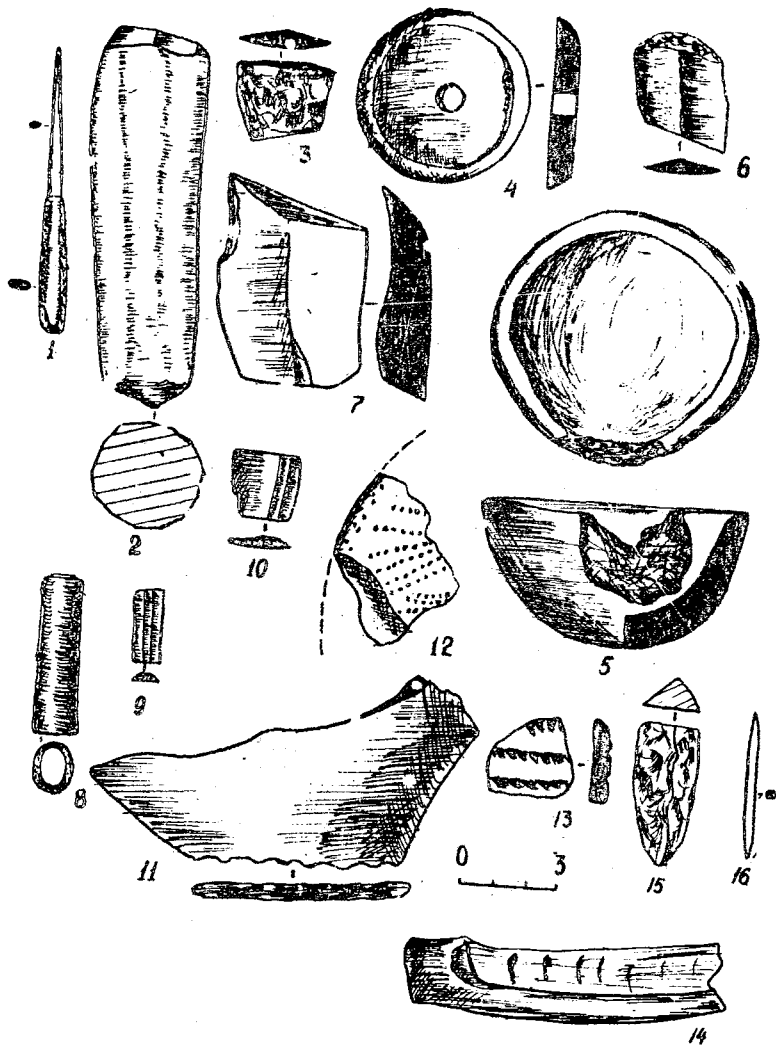

Рис.2. Находки с поселения Вишнёвое. I, 2, 4, 8, II, 14 -
 кость; 3, 6, 7, 9, 10, 15 - кварцит; 5, 12, 13 -
 глина

к глине, как правило, крупные, хорошо заметные в изломах керамики: дресва (толченый кварцит и опока - 82%); раковина и грифель - 6%; шамот - 3%; дресва и раковина - 6%; дресва и шамот - 3%. Каких-либо закономерностей в распределении примесей по формам венчиков или по типам орнаментов не наблюдается. Керамика представлена несколькими основными формами. Среди них можно выделить баночные сосуды - 50% (рис.3.4,5,7), подколоколовидные горшки с желобчатым изнутри венчиком - 25% (рис.4.I-5), слабопрофилированные горшки - 20% (рис.5.2-6), остроресберные горшки - 5% (рис.6.6, 10,12). Почти все венчики имеют прямой срез. Среди придонных частей преобладают фрагменты с прямым переходом стенок в днище - 79%; 12% днищ имеют небольшую закраину; 9% с закругленным краем дна, имеется 2 фрагмента уплощенных днищ.

Орнамент наносился преимущественно в верхней части сосуда. 55% от общего числа венчиков орнаментировано. Имеются и три придонных фрагмента с орнаментом, что составляет 4% от общего количества днищ. Часть венчиков (20%) орнаментирована по срезу. Кроме того, 2% венчиков имеют утолщения в виде воротничков (рис.6.I-5). Примерно 30% керамики обработано расчёсами, иногда они выполнены аккуратно и рельефно при помощи штампа (рис.4.II).

По технике исполнения выделяются орнаменты, нанесённые штампом (30%), овальными вдавлениями (5%), прочерченными линиями (20%), ногтевыми вдавлениями (5%), "личиночными" вдавлениями (5%), оттисками трубочки (1%). Орнаментальные композиции, как правило, очень простые: параллельные линии, цепочки вдавлений, зигзаги, "ёлочки", но есть и более сложные узоры: заштрихованные треугольники (рис. 6.6), сочетания цепочек вдавлений, параллельных линий и зигзагов (рис.5. 1,2). Овальные вдавления и насечки преобладают на банках и сосудах с подколоколовидной профилировкой, а более сложные композиции - на горшках.

На поселении имеется керамика, характерная для абашевских и срубноабашевских памятников Подонья и Средней Волги (I.C.34.Рис. 6, I, 2. Рис.16.4,6; 2.С.8.Рис.3.С.10.Рис.5). Наряду с этим отсутствуют остроресберные приземистые горшки, которые со времён П.С. Рыкова считаются типичными для срубной культуры Нижнего Поволжья (3.С.81-83; 4.С.44-47). Наличие уплощенных днищ и орнаментированных придонных частей керамики является ранним признаком для срубной культуры, так как для классической срубной и более поздней керамики орнаментация придонных частей не характерна. "Воротнички" найденные на Вишнёвом, имеются в Нижнем Поволжье на посуде с абашев-

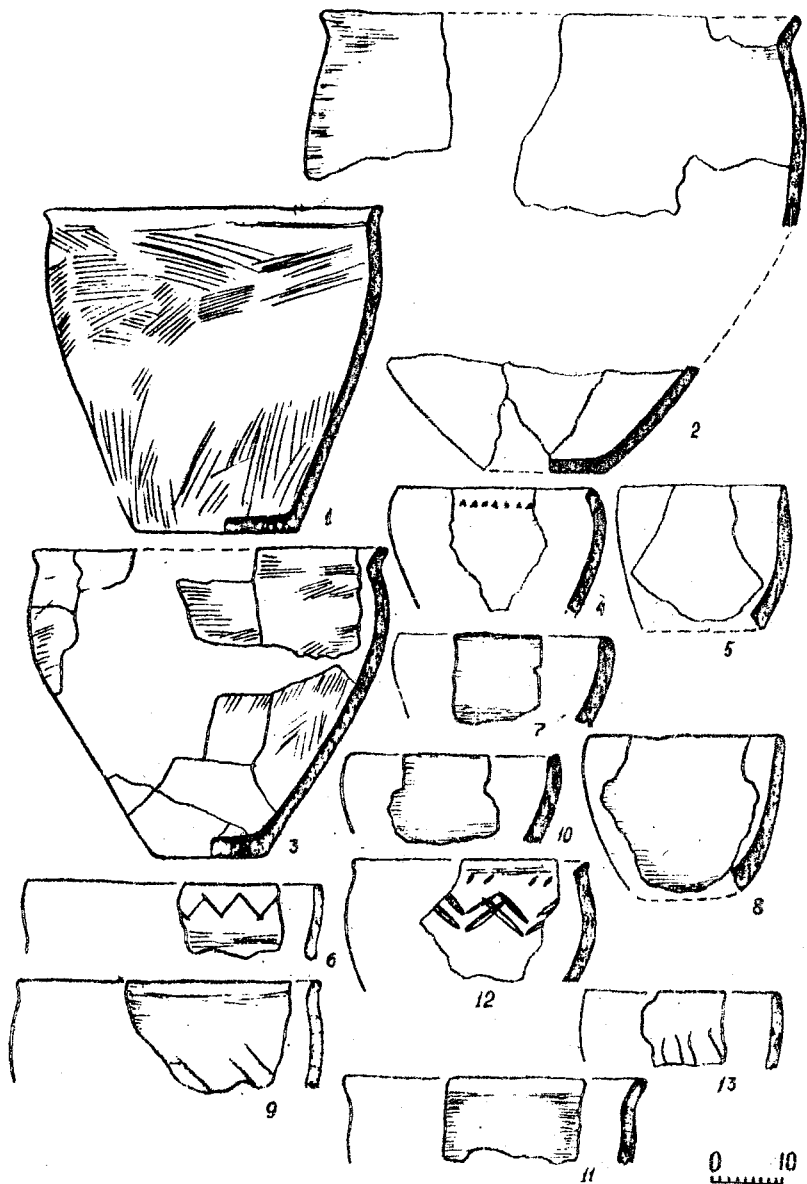

Рис. 5. Керамика с поселения Вилниёво

шевскими чертами и на керамике петровского типа Урало-Казахстанских степей, и отсутствуют на сосудах из собственно срубных керамических комплексов (5.С.226.Рис.9,5; 6.С.16.Рис.2.1,4,6; 7.С.58.Рис.3; 8.С.32.Рис.2.1,5,8). Также нет аналогий среди срубных памятников примесям в глине (97% дресва и раковина и лишь 3% намот). Возможно, что ранним признаком для поздней бронзы Нижнего Поволжья является встреченная на Вишнёвом орнаментация "длинночными" вдавлениями по тулову сосудов (3%) и по срезу венчиков (20%).

По ряду признаков керамика с поселения Вишнёвого сближается с вольской, на что автор обращал внимание (9.С.145); орнаментация крупным штампом, утолщения венчиков и орнаментация срезов венчиков овальными вдавлениями (рис 5,2,5) и зигзагами разделёнными прямой чертой (рис.5.1), наличие примесей в глине толчёных раковин и уплощённых и плоских дниц (10.С.5-21.Рис.4.Рис.18; 11.С.76-83). Общее - и в сходном топографическом расположении памятников. Вероятно, Н.М.Малов справедливо отнёс вольскую керамику к эпохе средней бронзы (12.С.82-83). Вольская керамика, по-видимому, не только генетически связана с так называемой срубно-абашевской, а точнее с покровской, в большом количестве обнаруженной на Вишнёвом, но и по времени немного предшествует ей.

Однако наличие оригинальных черт не исключает Вишнёвое из ряда древностей срубной культуры. В керамике преобладают веночные формы (50%). Большинство венчиков, имеющих внутренние желобки, нельзя отнести к собственно абашевской культуре, они имеют синкретичный, срубно-абашевский облик. Керамика, типичной для абашевских памятников, - единичные экземпляры.

Привлечённые аналогии свидетельствуют, что материалы Вишнёвого поселения относятся к периоду формирования срубной культуры, так как посуды развитых остросребренных форм здесь не встречено, и при том, имеются черты, характерные для предшествующей эпохи. Желобчатые и прямые резко выгнутые венчики могут являться наследием вольского и катакомбного периодов, но в то же время нельзя отрицать и абашевского влияния. Думается, что наследие эпохи средней бронзы и влияние синхронной абашевской культуры настолько переплелись, что нет смысла выделять в этом комплексе керамику различных культур. Пока можно лишь констатировать, что при сохранении элементов эпохи средней бронзы и при заметном влиянии абашевской культуры на керамику с Вишнёвого заметно выражены черты, получившие распространение и развитие в срубной культуре.

Считается, что в Среднем Поволжье абашевцы оказали влияние на

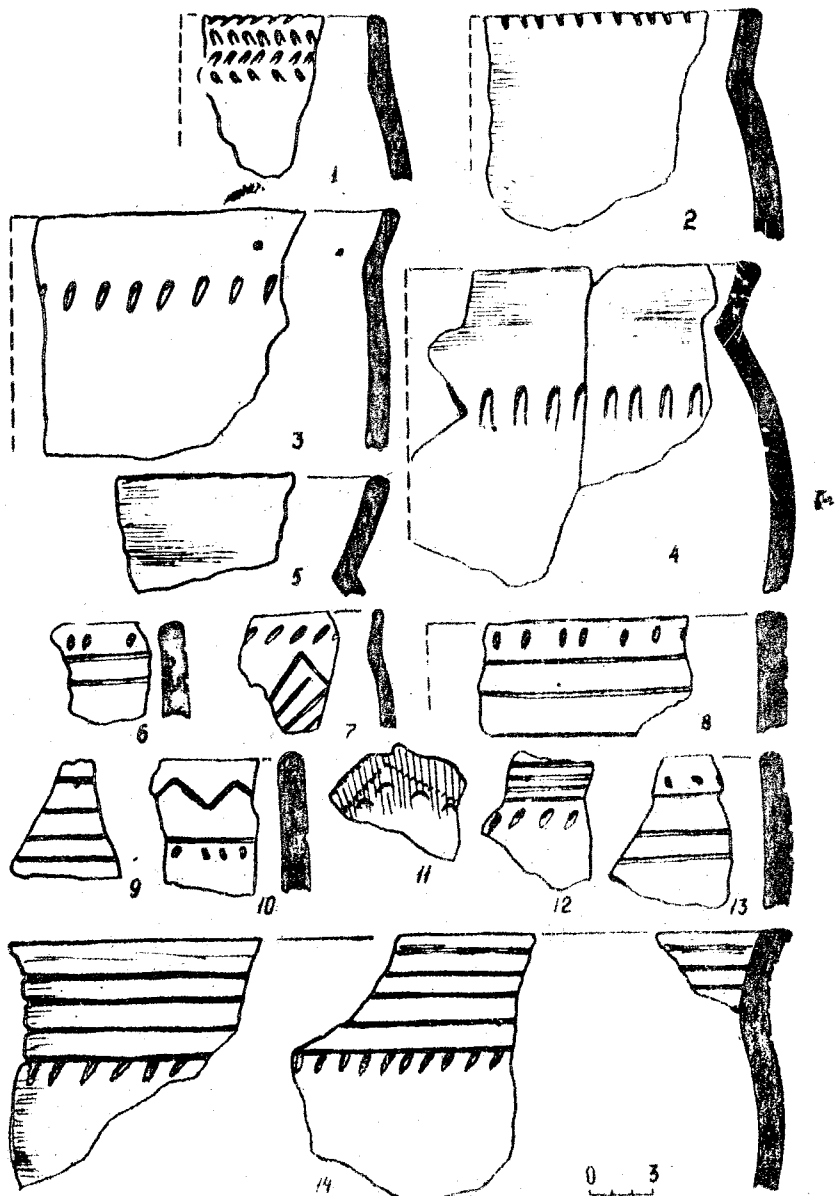

Рис. 4 . Керамика с поселения Вишнёвое

формирование лесостепной срубной культуры путём контактов абашевцев с полтавкинскими племенами в предсрубное время, что привело к появлению памятников, аналогичных покровскому могильнику, и срубной культуры (13.С.9-II; 14.С.II-II8; 15.С.14-18). Однако этому имеются лишь косвенные подтверждения - факты предшествования абашевцев и полтавкинцев срубной культуре. Смешанных же абашевско-полтавкинских памятников нет, что является одним из аргументов против этой схемы (16.С.II; 17.С.58-59; 18.С.20А). В керамическом комплексе Вишнёвого вместе со срубной имеется и типично абашевская керамика, что говорит об их одновременном существовании. В то же время здесь нет следов прямых контактов с полтавкинскими племенами, есть лишь элементы, позволяющие предполагать их генетическое родство.

По мнению ряда исследователей, в контакт с абашевцами вступают племена сформировавшейся срубной культуры и, следовательно, срубно-абашевским предшествуют ранние срубные памятники (16.С.63-69; 17.С.58-59; 19.С.15-16; 20.С.58,59). Эта точка зрения также имеет серьёзные контраргументы, главный из которых - наличие срубно-абашевских комплексов, характеризующихся ранними признаками (сосуды петровско-новокумакского типа, керамика с полтавкинскими или патакомскими традициями, костяные пряжки) (13.С.9-II). На Вишнёвом, давшем большой набор керамики, можно отметить не только наличие ранних признаков, но и отсутствие приземистых остроорёберных горшков, характерных для классической срубной керамики.

Схема, предложенная Н.К.Качаловой, предполагает, что в Среднем Поволжье - зоне обитания абашевских племён - срубная культура с самого начала формируется при активном воздействии абашевцев, а в Нижнем Поволжье их взаимодействие начинается в конце бережновского горизонта, когда срубная культура уже сложилась (21.С.38-40; 22.С.31-35). Однако бесспорных стратиграфических данных для этого нет, на что обратил внимание Н.М.Малов на II срубном совещании в г.Куйбышеве в 1982 году. Из двух случаев прямой стратиграфии, указанных Н.К.Качаловой (23.С.28-38.Рис.2), убедителен лишь один (Бережновка II, к.63), но и он не решает проблемы, так как оба погребения - срубные без абашевских черт. Отсутствие прямой стратиграфии затрудняет хронологическое соотношение бережновских и срубно-абашевских памятников в Нижнем Поволжье. В Среднем Поволжье памятники первого периода срубной культуры, с абашевскими чертами синхронизируются с бережновским горизонтом срубной культуры Заволжья (13.С.9-II). В Заволжье аналогичная керамика найдена

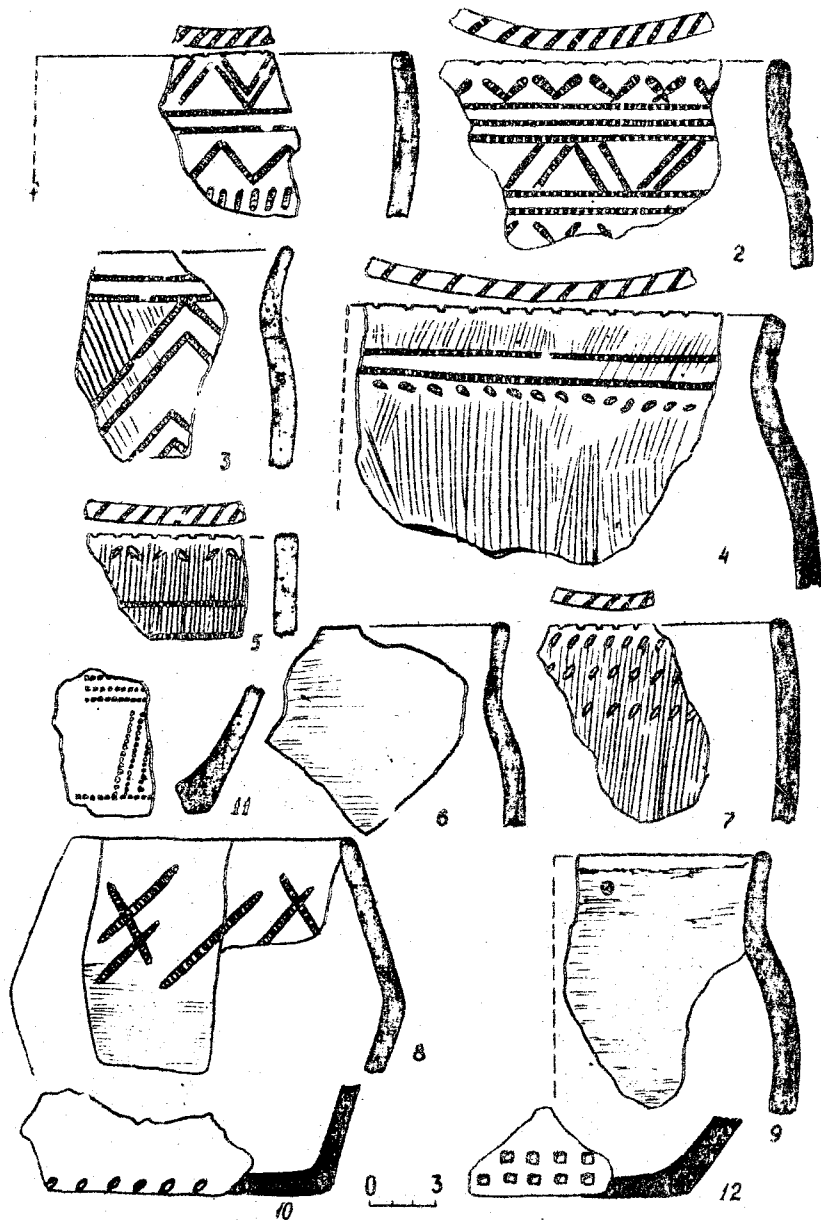

Рис. 5. Керамика с поселения Вишнёвое

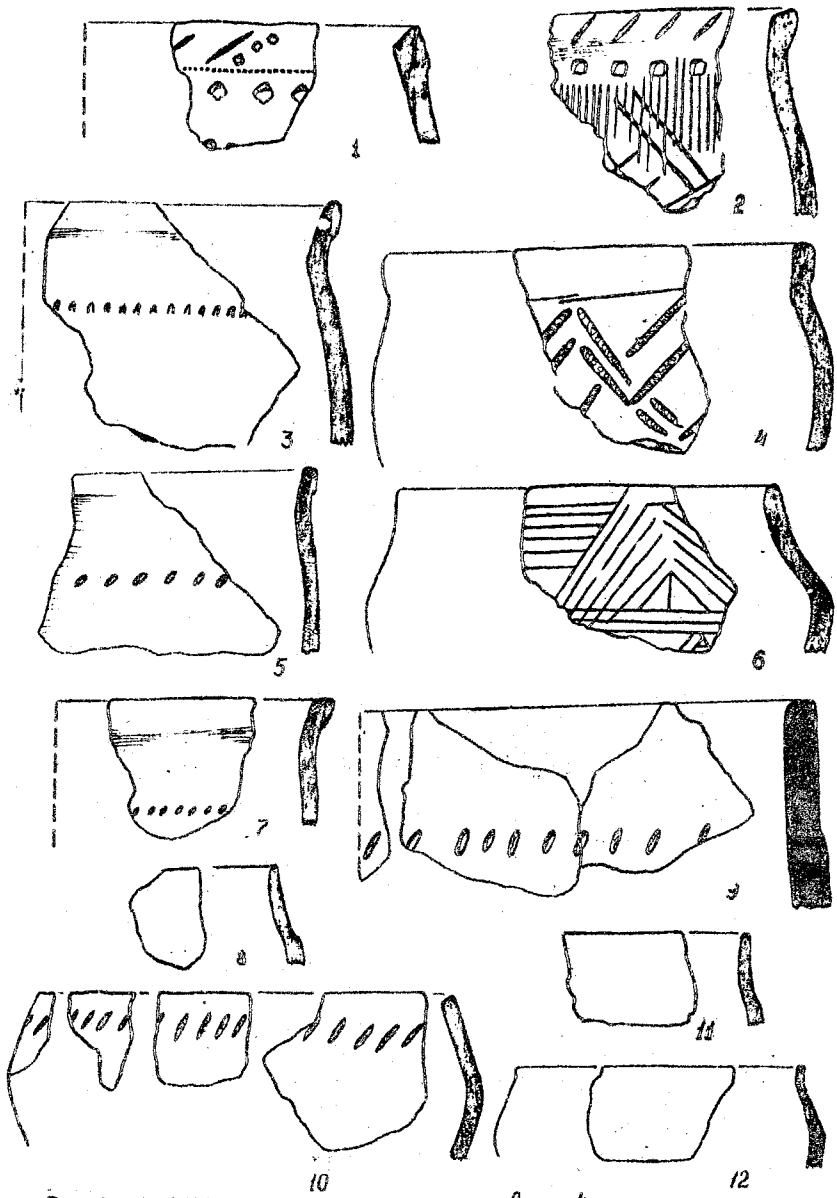

Рис. 6 . Керамика с поселения Вишневое 0 4

в покровских срубно-абашевских погребениях, что, вероятно, говорит о срубно-абашевских контактах на этапе формирования срубной культуры. Об этом же свидетельствуют находки в кургане 35 в Покровске сосудов с чертами петровско-новокумакской керамики. Раскопанных поселений этого периода в Поволжье нет, но имеются сборы Д.Барнинова в овраге Вихляном около покровских курганов с керамикой, близкой материалу Вишнёвого (рис.7).

Приведённые материалы позволяют сделать вывод, что поселение Вишнёвое относится к эпохе формирования срубной культуры. Наличие на нём абашевской, срубно-абашевской и срубной керамики свидетельствует о том, что в Нижнем Поволжье в период возникновения срубной культуры уже испытывалось абашевское влияние. Вместе с тем, пока нет оснований считать, что срубная культура здесь сложилась в результате контактов абашевских племён с полтавкинцами или катакомбниками.

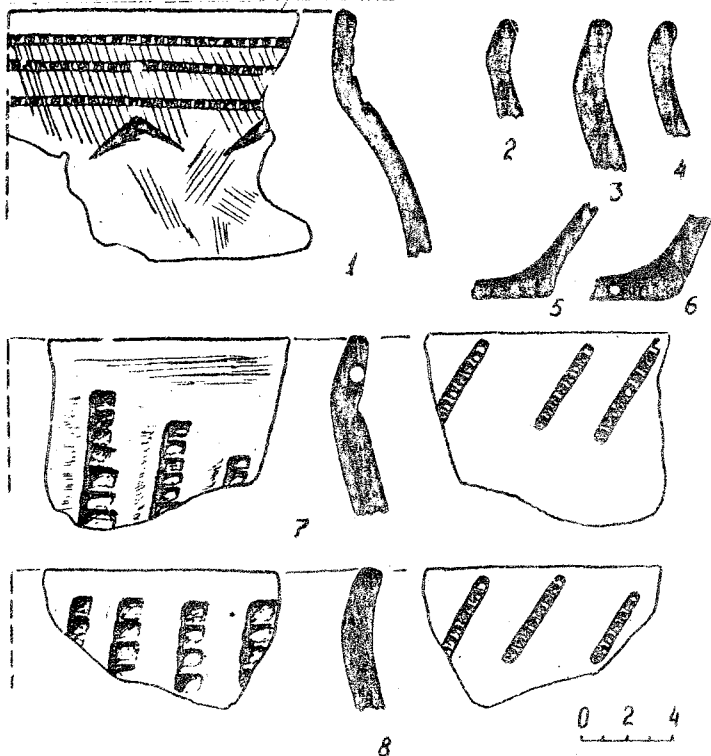

Рис.7. Керамика с поселения на Вихляном овраге в г.Энгельсе

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Пришкин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- 2 Васильев И.Б. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975.
- 3 Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия Краеведческого института Южно-Волжской области. Саратов. 1927. Т.2.
- 4 Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936.
- 5 Смирнов К.Ф. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА.М., 1959. № 60.
- 6 Поёмкина Т.М. О происхождении алакульской культуры в Притомболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- 7 Зданович Г.Б. Основные характеристики Петровских комплексов Урало-Казахстанских степей. // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- 8 Могильников В.А. Курганы Чистосебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- 9 Дрёмев И.И. Раскопки поселения Вишнёвое в г.Саратове // АО.М., 1983.М., 1985.
- 10 Степанов П.Д. Вольские городища // Археологический сборник. Тр. Саратов. обл. музея краеведения. Саратов, 1956. Т.1.
- 11 Васильев И.Б. Загадочная керамика // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.
- 12 Малов Н.М. О загадочной керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- 13 Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- 14 Пятах Г.Г. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- 15 Кузьмина О.В. Взаимоотношения абашевских и срубных племён в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. х. канд. ист. наук. М., 1983.
- 16 Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА.М., 1978. № 3.
- 17 Малов Н.М. К вопросу о памятниках Покровского типа // Науч. тр. КГПИ. Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. Т. 227.

- 18 Его же. Конструктивные особенности пещера из Краснополя // СА. М., 1983. № 4.
- 19 Мерперт Н. Л., Прякин А. Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- 20 Их же. Срубная проблема и лесостепь // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- 21 Качалова Н. К. О взаимоотношении Поволжских срубных и абашевских племен // Крат. тез. докл. науч. конф. отдела истории первобытной культуры "Контакты и взаимодействие древних культур". Л., 1981.
- 22 Её же. О взаимодействии Поволжских срубных и абашевских племен // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 257.
- 23 Её же. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников. АСГЭ. Л., 1979. Вып. 20.

Е. П. Мыськов

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

В 1981 и 1982 гг. экспедицией Волгоградского пединститута проводились раскопки поселения Сухая Мечетка II, расположенного на северной окраине г. Волгограда. Памятник находится в 3,2 км от устья Сухой Мечетки, занимая оконечность невысокого мыса на левом берегу реки. Площадь поселения 8 тыс. кв. м. Мощность культурного слоя достигает 1,25 м, стратиграфический слой не расчленяется. На поселении заложены два раскопа общей площадью 150 кв. м. Кроме этого, в разных частях памятника сделано несколько зачисток культурного слоя и проведен сбор подземного материала.

В раскопе на север-восточной оконечности мыса, выявлены остатки наземной постройки из больших плоских камней. От сооружения сохранилась лишь небольшая часть кладки, поэтому трудно сказать что-либо определенное о его конструкции, форме и размерах, кроме того, что камни здесь располагались в один слой плетня и были хорошо пригнаны друг к другу. Они были уложены непосредственно на культурные напластования без связующего раствора. Размеры этой части кладки 1,2 x 0,5 м. Рядом с остатками наземной постройки находилась округлая хозяйственная яма диаметром 0,7 м, которая

была углублена в материк на 0,3 м. На площади раскопа П в юго-восточной части поселения, никаких сооружений не обнаружено.

Основную массу находок на поселении составляют кости животных (в основном крупный и мелкий рогатый скот) и фрагменты керамики. Кроме них встречены два кремневых резца (рис. I.17,19), две кремневые и одна кварцевая ножевидные пластины (рис. I.16,18,20), несколько костяных тушиков, а также небольшая плитка из ракушечника с сильно сточенной рабочей поверхностью.

Всего на поселении найдены фрагменты от 98 сосудов. Все они лепные, плоскодонные, явно преобладают донныки с хорошо вырезанными закраинами (70%). Глина в изломе черного или темно-серого цвета с примесью намета или песка, только в одном случае отмечена примесь охры. Поверхности большинства сосудов равно сглажены, меньшая часть покрыта равнонаправленными бороздками от сглаживания зубчатым штампом или депой. По форме посуда подразделяется на закрытые и прямостенные банки (75%), профилированные банки (17%) и горшки (8%) (рис. I.1,2,3). В коллекции есть фрагменты сосудов с наделпными валиками и воротничками. Эта деталь отмечена на 10% сосудов. Обычно валики и воротнички имеются на горшках и профилированных банках (рис. I. 1,2,4,5,6,8; 2. I,8; 3.8,10). Кроме сосудов, на поселении найдено несколько фрагментов глиняных крышек и ручек от них.

Около 30% керамики поселения Сухая Мечетка П орнаментировано. Орнамент, как правило, расположен в верхней части сосуда и только в нескольких случаях опускается ниже плечиков. Композиции чаще всего довольно просты и лаконичны — ряды вдавлений, косые насечки или оттиски зубчатого штампа, ромбы и решетки, затрихованные треугольники. Особо следует отметить сосуд с изображением колес, над которыми расположены вертикальные штрихи (рис. 2.5). Возможно, это боевые колесницы. Подавляющее большинство орнаментальных композиций выполнено в технике процерчивания. Орнаментов, нанесенных зубчатым штампом, намного меньше (18% от всей орнаментированной посуды), причем доминируют штампы с крупными и редкими зубцами.

В целом можно отметить, что практически вся глиняная посуда, найденная при раскопках поселения Сухая Мечетка П, однородна по технологии изготовления, системе орнаментации, формам и, несомненно, представляет собой единый керамический комплекс. Заметным своеобразием отличаются лишь несколько фрагментов небольшого высокороглого сосуда с плавным профилем. Поверхность его покрыта слож-

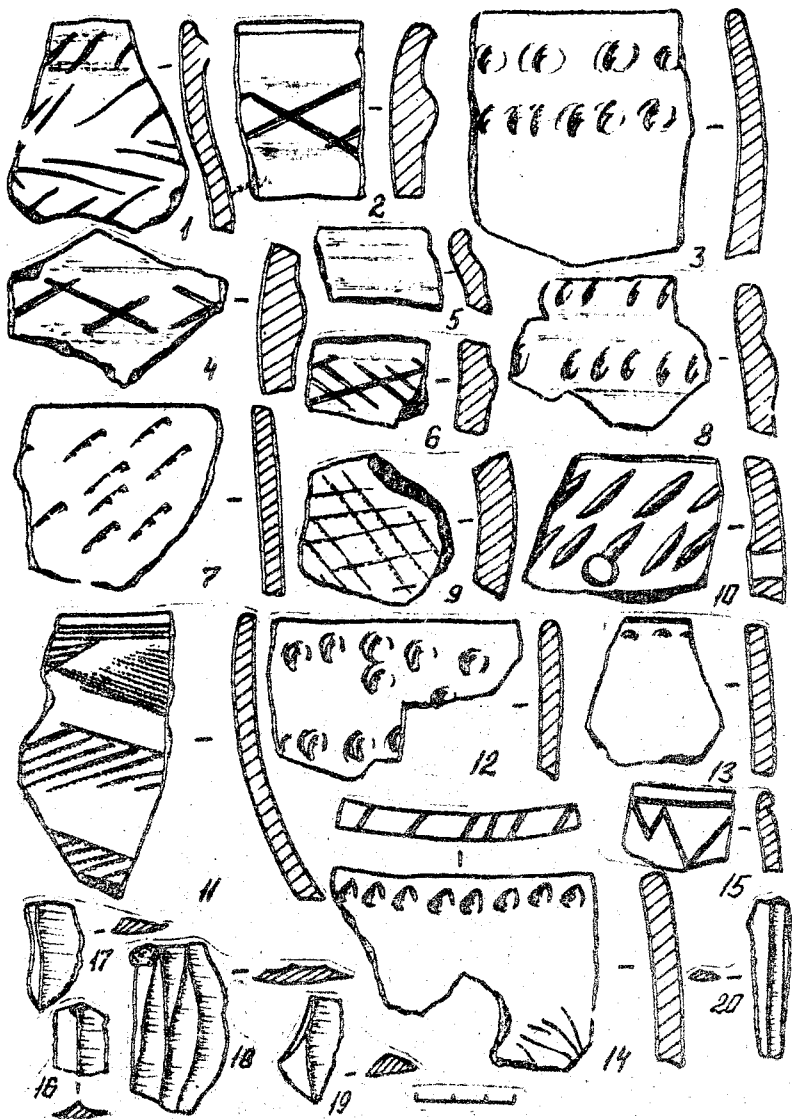

Рис. I. Керамика и каменные изделия с поселения Сухая Мечетка II

ным орнаментом из косых и равнобедренных треугольников, между которыми проходят свободные зоны. Узор нанесен мелкозубчатым штампом (рис. I. II). По форме и системе орнаментации сосуд аналогичен керамике федоровско-чернасккульских памятников Приуралья и Зауралья.

Культурная интерпретация материалов поселения Сухая Мечетка II не вызывает особых затруднений. Судя по процентному соотношению керамических форм и наличию сосудов с валиками и воротничками, оно должно быть включено в число поселений ивановского типа. В настоящее время довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой ивановские комплексы отделяются от срубных древностей Поволжья и включаются в самостоятельную археологическую культуру, хотя прямая генетическая связь срубных и ивановских памятников при этом под сомнение не ставится¹. Ивановские комплексы наряду с алексеевскими, саргарьинскими, белозерскими объединяются в обширную культурно-историческую общность валиковой керамики². Хотя памятники с валиковой керамикой отличаются заметным своеобразием, однако, этих своеобразных черт немного меньше, чем признаков, объединяющих их со срубными. Это хорошо прослеживается и на материалах рассматриваемого поселения. Именно поэтому выводы о самостоятельной ивановской культуре представляются слишком категоричными.

Особо интересен на поселении Сухая Мечетка II сосуд, сопоставимый с посудой федоровско-чернасккульских памятников. Это уже не первая находка такого рода. Аналогичная керамика представлена и на некоторых других нижеволжских поселениях ивановского типа. Целая серия классических чернасккульских сосудов найдена при раскопках поселения Ерзовка I, расположенного в 6 км к северу от Сухой Мечетки. Здесь в комплексе с валиковой керамикой обнаружено несколько фрагментированных горшков и кубок с прорезанной орнаментацией в виде косых заштрихованных треугольников, лент в обрамлении, вдавлений и "елочки", а также полос протасенной гребенки (рис. 4.6, 7, 8). По технологии изготовления эти сосуды не выделяются из общей массы керамики, обнаруженной при исследовании памятника³.

До недавнего времени в Нижнем Поволжье было известно всего одно погребение с сосудом, сопоставимым с Федоровской керамикой. Это погребение из кургана II могильника Потемкино⁴. Здесь был найден дершок с плавной профилировкой и орнаментом из заштрихованных ромбов и треугольников, нанесенных мелкозубчатым штампом. Раскопки

* Выражаю признательность А. Н. Дьяченко за разрешение опубликовать материалы своих раскопок.

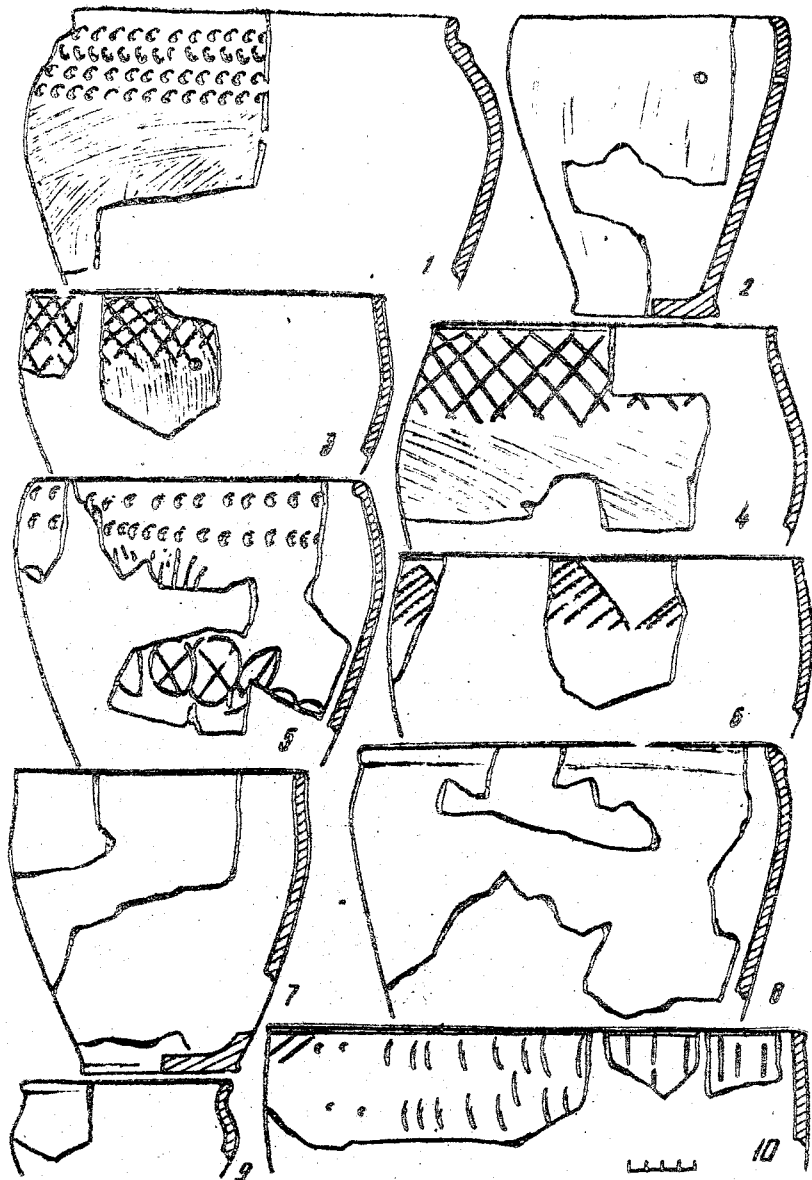

Рис.2. Керамика с поселения Сухая Мечетка II

последних лет позволили выявить в Волго-Донском междуречье еще несколько своеобразных комплексов с федоровской и черкаскульской керамикой. Все эти погребения были основными в курганах.

Одно из них раскопано в могильнике Котлубань I, который находился в Городищенском районе Волгоградской области. Это погребение 2 кургана 6. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,45 м. Оно было совершено в прямоугольной грунтовой яме размером 1,8 x 1,1 м. Глубина ее от материка 0,4 м. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на правом боку, сильно скорченно, головой на восток. Кости предплечий были перекрещены, кисти находились у черепа (рис.4.1). Перед лицом погребенного стоял лепной сосуд с высоким горлом, выпуклыми боками и плоским дном. Поверхность его ровно сглажена, глина в изломе черная без заметных примесей. Сосуд украшен довольно сложным зональным орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом, у дна имеется ряд косых насечек. Высота сосуда 13,5 см (рис.4.2).

В могильнике Первомайский УП, расположенном на реке Мышкове в Калачевском районе Волгоградской области, исследовано одно захоронение с черкаскульским сосудом. Оно обнаружено в кургане 4, диаметр которого был равен 23 м, а высота 1,08 м. Погребение 5 было совершено в большой подквадратной могиле, ориентированной с с-в на ю-з. Длина ее 2,6 м, ширина 2,5 м, глубина от материка 1,72 м. Вдоль северо-западной стенки могилы была оставлена ступенька шириной 0,35 м и высотой 0,6 м от дна. В заполнении ямы встречались куски бревен от перекрытия. На дне ямы, ближе к северо-восточной стенке лежал скелет мужчины 40-45 лет на правом боку, сильно скорченно, головой на с-в, кисти рук находились перед лицом (рис.4.3). У черепа стоял плоскодонный лепной сосуд со слегка выпуклыми боками. Венчик его ровно сглажен, а тулово покрыто разнонаправленными бороздками от сглаживания мелкозубчатым штампом. Глина в изломе, без видимых примесей. Венчик сосуда разделен тремя глубокими горизонтальными желобами. В верхней части сосуд украшен рядками косых оттисков мелкозубчатого штампа и многорядным зигзагом, нанесенным тем же штампом. Высота сосуда 18 см (рис.4).

Еще одно погребение с сосудом федоровско-черкаскульского облика исследовано в могильнике Петропавловка I, который находился в Дубовском районе Волгоградской области на реке Бердия. Это погребение I кургана 4. Диаметр кургана 10 м, высота 0,4 м. Погребение полностью разрушено грабителями. Форму и размеры могильной ямы установить не удалось. Очевидно, она имела прямоугольную форму и была углублена в материк на 0,65 м. В заполнении ямы

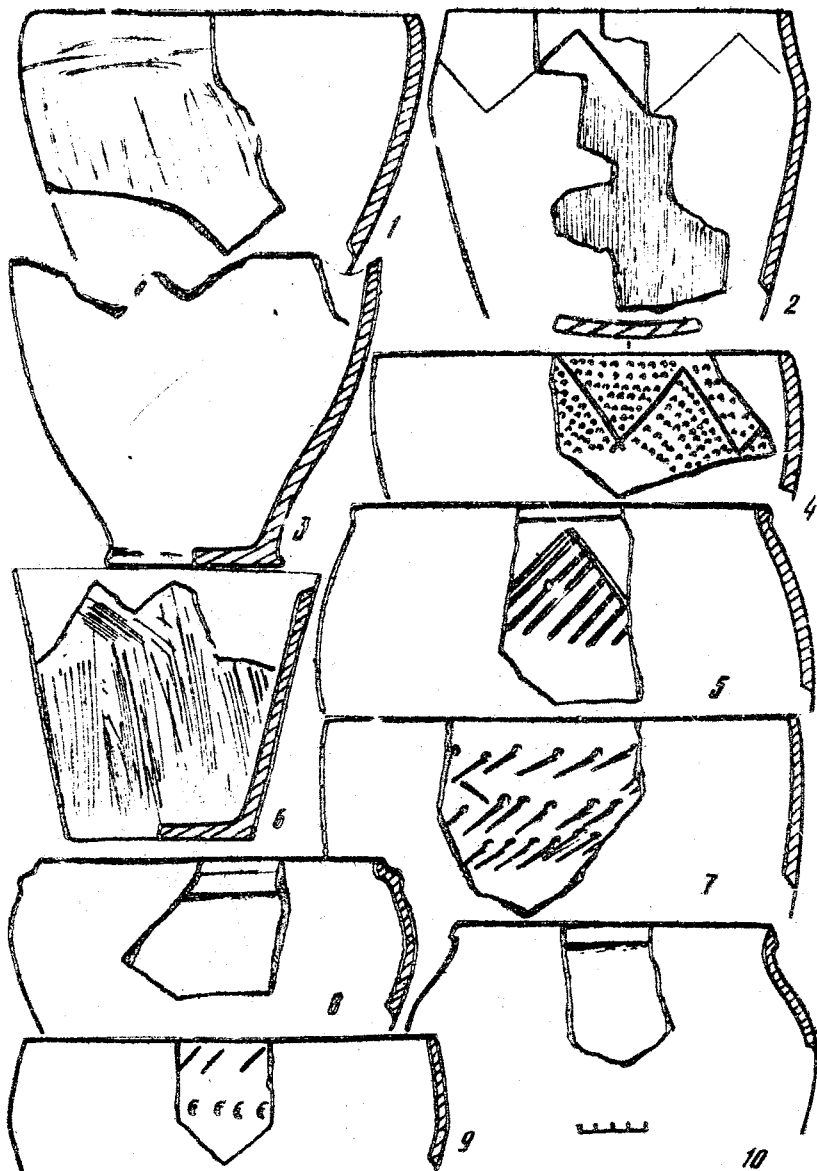

Рис.3. Керамика с поселения Сухая Мечетка II

встречены кости взрослого человека. Из края могилы собраны фрагменты лепного плоскодонного сосуда с высоким венчиком и хорошо выраженными плечиками. Поверхность сосуда ровно отглажена, глина в изломе черная с примесью шамота. В нижней части венчика проходят три глубоких горизонтальных желоба. Туловище сосуда украшает широкий зигзаг из таких же желобов. Все оставшееся пространство заполняют косые и равносторонние треугольники, прерываемые по сырой глине концами острия. Высота сосуда 16 см (рис.4.5).

Проблема взаимодействия срубного и андроновского населения всегда находилась в центре внимания исследователей, занимавшихся изучением культур позднего бронзового века. Этому вопросу посвящена обширная литература, однако, вплоть до настоящего времени многие её аспекты не решены окончательно. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием единых, общепринятых периодизационных схем как для андроновских, так и для срубных древностей. Существенные разногласия по вопросам периодизации и культурной интерпретации андроновских памятников констатировались неоднократно⁵. Серьезные замечания были высказаны и по поводу периодизации срубных памятников Нижнего Поволжья, разработанной Н.К.Качаловой⁶.

В связи с этим особое значение приобретают комплексы содержащие чистые инोकультурные материалы. Такие находки позволяют уверенно синхронизировать памятники различных археологических культур, отметить основные направления их взаимодействия и значительно расширить круг датированных материалов. В этом отношении значение рассматриваемых поселений и погребений трудно переоценить.

Прежде всего, необходимо еще раз подчеркнуть полную тождественность наших материалов классическим федоровско-черкаскульским комплексам. При этом весьма важно, что эта тождественность проявляется не только в формах и орнаментации сосудов, но и в деталях погребального обряда. В погребениях могильников Котлубань I и Первомайский УП зафиксировано положение погребенных в позе адорации, на правом боку, головой на восток. Положение погребенных на правом боку не характерно для срубных захоронений. В Нижнем

Поволжье такие погребения составляют всего 3,5%. Зато эта особенность обряда несомненно отмечалась в могильниках с черкаскуль-

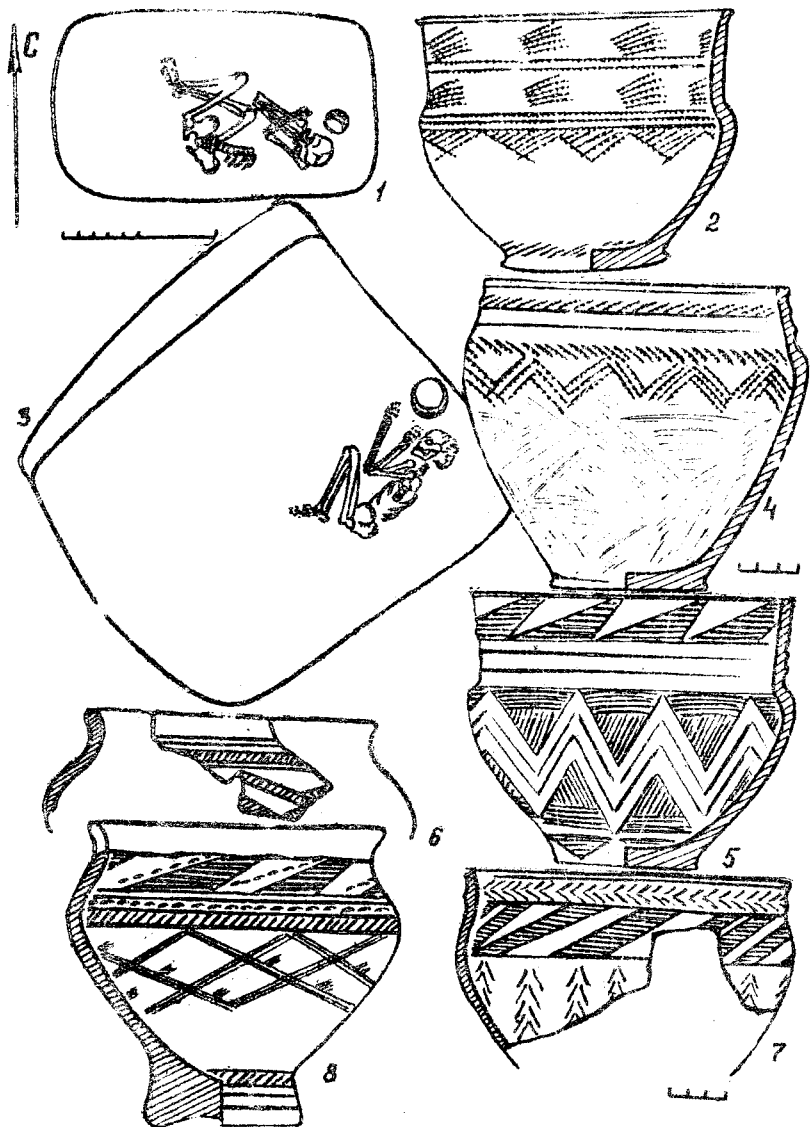

Рис. 4. Материалы памятников Волго-Донского междуречья:
 1, 2 - Котлубань I курган 6 погребение I; 3-4 - Перво-
 майский УД курган 4 погребение 5; 5 - Петропавловка I
 курган 4 погребение I; 6, 7, 8 - Ершовка I

ской посудой в Приуралье и Зауралье⁷. Все эти данные позволяют с полной уверенностью говорить о том, что рассматриваемые памятники появились на Нижней Волге в результате прямой миграции представителей федоровско-черкасульского населения, хотя трудно определить, была ли эта миграция единовременным актом или продолжалась весьма длительное время.

Установить время появления федоровско-черкасульских комплексов в Нижнем Поволжье помогают материалы поселений Сухая Мочетка II и Ерзовка I. Включение их в круг памятников янговского типа вряд ли может вызвать возражения. Формирование янговских комплексов большинство современных исследователей относит к рубежу XIII - XII вв. до н.э. Это, конечно, не означает, что все поселения и погребения с федоровской или черкасульской керамикой должны датироваться после XII в. до н.э., особенно, если принять во внимание датировки федоровских и черкасульских памятников III в. до н.э.⁸ и даже XV - XIV вв. до н.э.⁹ Тем не менее, находки такой керамики именно на валкивых поселениях весьма симптоматичны. Многие раннесрубные комплексы степного Поволжья несут в себе следы алакульского влияния, в федоровские и черкасульские элементы здесь фактически отсутствуют. В позднесрубных памятниках наблюдается обратная картина. Это дает основание считать алакульские, федоровские и черкасульские материалы своеобразными хронологическими реперами при разработке периодизации срубных древностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С.81.
- 2 Черных Е.И. Проблема общности культур валкивой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иттынского междуречья. Челябинск, 1983. С.81-98.
- 3 Выражаю признательность А.Н.Дьяченко за разрешение опубликовать материалы своих раскопок.
- 4 Смицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // ИИА.М., 1959. № 60. С.56.
- 5 Кузьмина Е.Е. О западных связях эндзеновых племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С.50.
- 6 Отрощенко В.В. О возможности участия палеитавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА.1990. № 1. С.108-111.
- 7 Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С.140;

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С.372.

8

Зданович Г.Б. От осяательная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С.18; Косарев М.Ф. Указ.соч.С.141; Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С.93-96.

9 Кузьмина Е.Б. Указ.соч.С.66.

М.А.Изотова, Н.М.Малов

ХВАЛЫНСКАЯ КЕРАМИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТАНАВСКОГО ГОРОДИЩА

При обработке керамических коллекций поселения эпохи бронзы Евразии археологи отводят, как правило, существенное место характеристике её формы и орнаментации, что объясняется целым рядом причин. Прежде всего, керамика на поселениях представляет собой самый массовый и надежный по информативности источник, позволяющий реконструировать не только технологию гончарного производства, но и крупные этнокультурные процессы, разрабатывать периодизацию и хронологию археологических комплексов, решать многие другие проблемы (1).

Основной целью статьи является первичная классификация, анализ формы и орнаментации керамики хвалынской культуры эпохи поздней бронзы, происходящей с Танавского городища. Мы придерживаемся точки зрения В.А.Городцова, впервые выделившего хвалынскую культуру, а также разработок В.В. Гольмстен, О.А.Кривцовой-Граковой и других исследователей, поэтому относим к данной культуре комплексы типа Сосново-Мазинского клада и поселения с валиковой керамикой, которые ранее привлекались для характеристики второго этапа срубной культуры (2.С.621-622.Рис.92-104; 3.С.161; 4.С.154 карта; 5.С.9-82; 6. С.5-7; 7.С.132; 8.С.33-34; 9. С. 159-160).

Танавское городище расположено в 8 км от г.Саратова вверх по Волге, между автодорожным местом и селом Пристанное Саратовского района (10.С.70.л 2; 11.С.19-20). Оно занимает мыс, образованный Танавскими оврагом и р.Гуселкой, представляющий собой хорошо естественно защищенное место, дополнительно укрепленное с западной стороны рвом и валом (рис.1). Поселение имеет в плане несколько вытянутую, подтреугольную форму. Его длина по линии ЮВ-СЗ до центра вала - 110 м, ширина в средней части до 70 м (12.С.3-5). Памятник был обследован многими саратовскими археологами, начиная

с 1928 г. и вплоть до середины пятидесятых гг. (ИЗС. II 2 № 12).

В 20-е гг. площадка городища неоднократно подвергалась расчистке, а в годы Великой Отечественной войны на ней производились земляные работы. Общая площадь поселения достигала 8 тыс. кв. м и практически полностью была исследована в 1960-1965 гг. археологической экспедицией, возглавляемая И. В. Смирновым. В настоящее время на памятнике расположены дача.

Судя по сведениям, имеющимся в архиве И. В. Смирнова, мощность культурного слоя в центральной части городища не превышала 30-40 см, а по краям и ближе к валу достигала 80-120 см. Вал имел длину до 80 м, общую ширину около 8 м, высоту до 2,5 м, уходил вглубь на конус до 1,5 м. Несмотря на то, что Танаевское городище относится к редкому числу полностью раскопанных поселений, отчетная полевая документация о результатах раскопок 1960-1965 гг., в которых принимали участие Ю. В. Деревягин, Л. П. Крылова, В. К. Максимов, В. Г. Миронов, В. А. Фисенко, к сожалению, отсутствует. Возможно, чертежи и дневники сохранились у руководителей раскопок, как публикуемый план городища (рис. 1), любезно предоставленный нам В. Г. Мироновым. Информация, которая имеется в личных архивах И. В. Смирнова, хранящихся в ИА АН СССР и ГАСО, содержит очень краткие сведения о Танаевском детском срубном грунтовом могильнике и рисунки некоторых индивидуальных находок.

По результатам раскопок городища в 1960-1962 гг. имеется только одна публикация тезисов студенческой конференции (II), из которой известно, что нижняя часть слоя относилась к эпохе бронзы, а верхняя - к раннему железу. Стерильные прослойки не зафиксированы. Кроме того, к эпохе бронзы или поздне-срубной культуре (XII-IX вв. до н. э.) принадлежало несколько углублений-землянок, в которых выявлены остатки очагов и скопления керамики. В 1928 г. П. С. Рыков заложил на юго-западном краю городища три шурфа, в двух из которых были зафиксированы довольно большие землянки (42.С. 136). Именно здесь в 1961-1965 гг. были исследованы две постройки, вероятно эпохи поздней бронзы с очагами из камня. Они располагались рядом друг с другом, имели прямоугольную форму и были ориентированы по линии СВ-ЮВ. Судя по плану городища, размеры построек достигали 10 x 7 м. Под валом, в западной части городища располагался грунтовый срубный могильник. Несколько срубных погребений выявлено в центральной части памятника и у вала.

О танаевской поздне-срубной керамике В. Г. Миронов и Л. П. Крылова

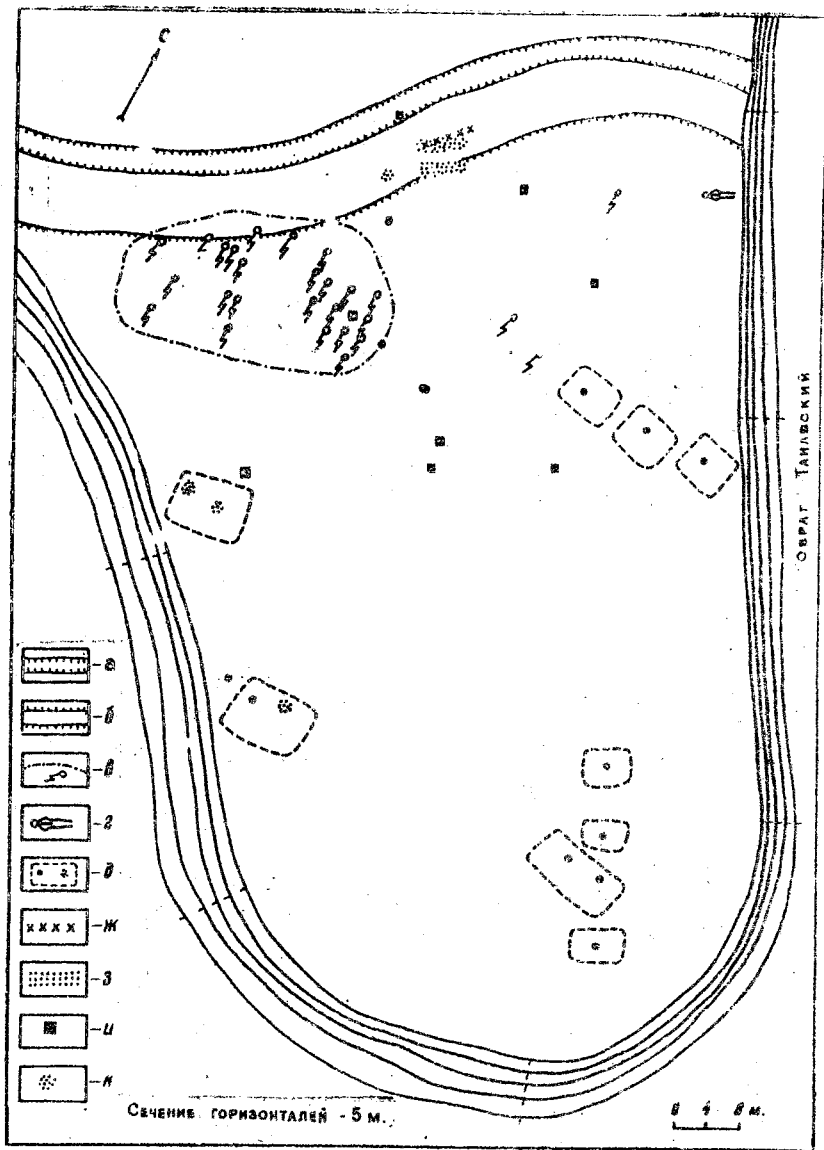

Рис. I. План Танаевского городища: а - ров; б - вал; в - граница
 грунтового могильника; г - погребения; д - постройки;
 и - ямы; з - скопление камней; и - хозяйственные ямы; к - оча-
 ги из камня в постройках

сообщали, что "... в обиходе племени срубной культуры бытовала посуда острооресерной и баночной формы различных размеров (от больших корчаг, высотой до 45 см до маленьких сосудов, высотой до 4 см). Эта посуда украшалась различными приёмами - гребенчатыми вдавлениями, нарезками, наделанными вдавлениями" (И). Присутствие великой керамики эпохи поздней бронзы на Танаевском городище отмечали и другие исследователи (И.О. 218-222). Судя по коллекции, хранящейся в Саратовском областном музее краеведения, раскопки на городище осуществлялись без фиксации находок по квадратам, планам и построениям, что, к сожалению, не позволяет проследить стратиграфическое и планиграфическое распределение керамики хвалчинской культуры, поэтому мы будем её рассматривать суммарно. Кроме того, мы не включали в нашу выборку ценную катакомбно-полтавкинскую и городецкую керамику, а также культурно неопределимые обломки неукрашенных стенок и днищ, имеющиеся в коллекции.

В общей сложности данная керамическая коллекция эпохи поздней бронзы к настоящему времени состоит из фрагментов от 310 различных сосудов, пять из которых восстановлены полностью (рис. 3.3, 6; 4.2, 5; 5.10). Основными примесями в глине являются песок и шлам. Обработка поверхности сосудов достаточно тщательная, чаще всего не имеет видимых расчесов и штрихов от заглаживания. В изломе черепки черные, что свидетельствует о низкой температуре обжига. Поверхность керамики серая или серо-коричневая, редко красная. Толщина стенок в большинстве случаев составляет 9-11 мм, но есть и 5-7 мм.

Форма и размеры сосудов.

Диаметр венчика реконструируется у 90 сосудов и варьирует от 9 до 41 см. Однако чаще всего встречается фрагменты от сосудов средних размеров (55,6%) с диаметром 20-30 см, от крупных - 36 см и более гораздо реже (13,3%), а маленькие до 10 см (2,2%) и 10-15 см (4,4%) представлены единичными экземплярами. Если полагать, что крупные сосуды использовались в хозяйстве для хранения различных продуктов и в качестве кухонной, а маленькие - столовой посуды, то последней будет явно недостаточно для удовлетворения потребностей жителей Танаевского городища. Поэтому следует согласиться с С.Я. Зданович, отметившей близкое процентное соотношение керамики на селищах саргаринской культуры и считающей, что наряду с маленькими в качестве столовых "личных" использовались также сосуды средних размеров (И.С. 86).

Классификация форм керамики была основана на выборке, состоящей из пяти восстановленных полностью сосудов и фрагментов от 65 экземпляров, сохранившихся от венчика и до максимального расширения тулова. Основываясь на визуальном методе, в сочетании с двумя коли-

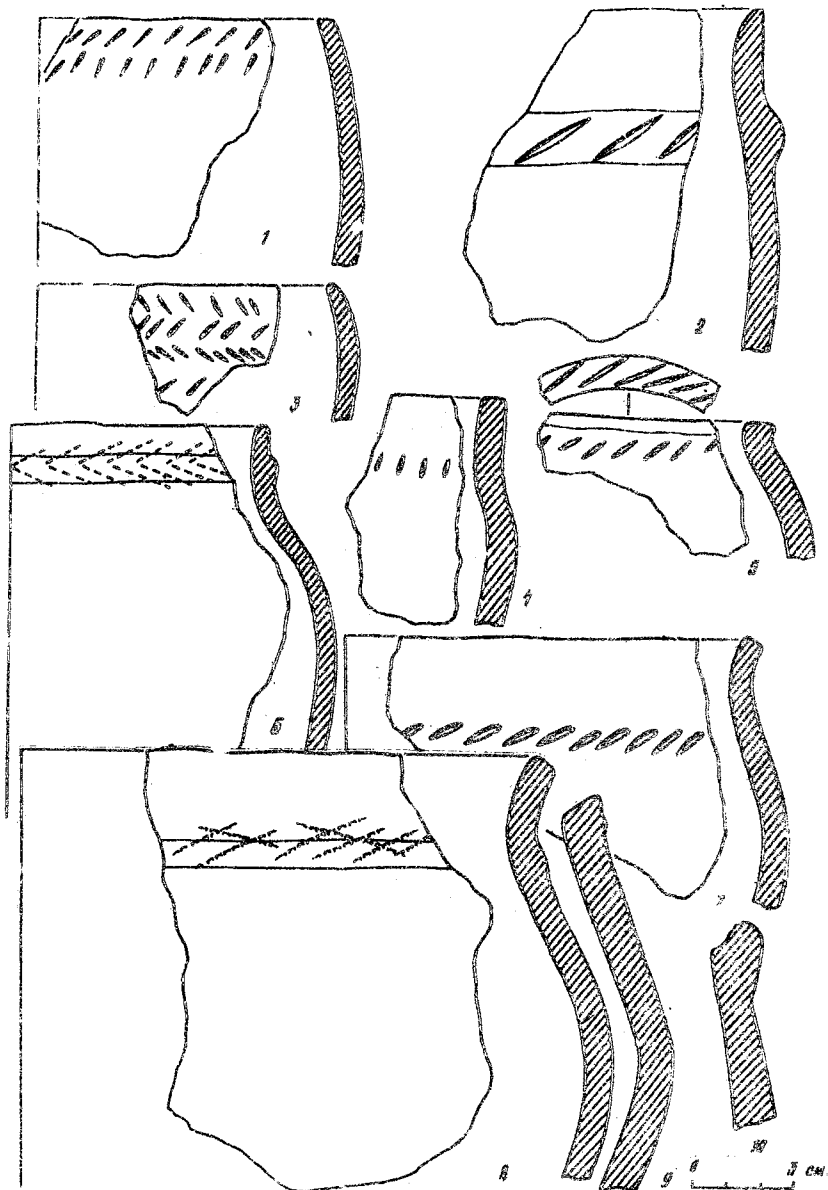

Рис. 2. Керамика Танаевского городища

качественными параметрами (ФБ и ФГ) сокращенной программы В.Ф.Генинга (I6.C.II9-I20), танавская керамика делится по форме на традиционные баночные (I4,3%), округлобюккие (7I,4%) и остросреберные (IO%) сосуды, а также сковороды (4,3%).

Среди округлобюкких и остросреберных сосудов большинство имеет венчик средней высоты (ФБ= 0,6-0,9). В данном случае оппостельный термин "средняя высота венчика" распространяется только на рассматриваемую танавскую коллекцию, поскольку большинство авторов, вслед за В.Ф.Генингом, считают такие венчики "нижними" (I5.C.8I-82; ИС. 27). Среди танавской посуды данных форм высоких венчиков практически нет, а короткие (ФБ= 0,3-0,4) встречаются очень редко. Кроме того, в выборке прослеживается тенденция зависимости высоты венчика от степени его отогнутости. Так, например, у сосудов с коротким венчиком он отогнут сильнее. В то же время, у керамики с относительно более высоким венчиком (ФБ = 0,9-I, I) указатель степени его отогнутости (ФГ) редко превышает 0,22. У целых форм диаметр максимального расширения тулова всегда больше диаметра по венчику и чаще всего равен высоте сосуда. Кроме того, в коллекции есть немного сосудов с относительно высоким (ФБ = 0,7-I,0) овальным отогнутым венчиком, вогнутым или прямым плечом, переходящим в сильно раздутое тулово (рис.4.4,8). Диаметр по венчику здесь колеблется в пределах 9-22 см, и он также всегда меньше максимального расширения тулова, размеры которого из-за фрагментарности не фиксируются. Кроме того, на памятник не найдено несколько верхних частей от сосудов не "стандартной" индивидуальной формы, представленных одним-тремя экземплярами (рис.2.I0; 3.5,9; 4.I,6,9; 5I,2,3,II).

С учетом качественных и количественных показателей, таких, как оформление края венчика, его высота и отогнутость, оформление плеча, наличие ребра на тулове, было произведено членение внутри баночных, округлобюкких и остросреберных сосудов. Предлагаемую классификацию можно в целом считать несколько условной, поскольку источником для нее послужила небольшая выборка из сосудов, в основной своей массе сохранившихся частично.

Банки представлены четырьмя вариантами. Первый - сосуды с закрытым устьем, плоскосрезанным, овальным или приостренным краем венчика (рис.2.I,3). Стенки обычно слабо выпуклые, за единственным исключением (рис.2.5). Второй вариант составляют банки с овальным или приостренным венчиком, прямыми стенками, имеющие орнаментированный валик, расположенный в 2-3 см ниже края венчика (рис.2.2). Банки третьего варианта имеют прямой, плоскосрезанный венчик и уступа-

тое плечико (рис.2.4). Четвертый вариант банок представлен одним биконическим сосудом с воротничком (рис.2.9). Следует отметить, что формы банок первого и третьего вариантов часто встречаются также на собственно срубных поселениях Поволжья и Подонья.

О. округлобокие горшковидные сосуды в зависимости от оформления венчика и плеча делятся на пять групп.

Первую группу составляют сосуды, имеющие, как правило, прямое или возмущенное плечо и плоскосрезанный венчик. Однако высота венчика ($\Phi Б$) и степень его отогнутости ($\Phi Г$) варьируют, что позволяет выделить среди них четыре варианта. Сосуды первого варианта имеют короткий ($\Phi Б = 0,3-0,4$), отогнутый ($\Phi Г = 0,2-0,3$) венчик (рис.2-7). Второй вариант составляют сосуды с более высоким ($\Phi Б = 0,7-1,1$), но практически таким же по степени отогнутости ($\Phi Г = 0,1-0,3$) венчиком (рис.2.8). К третьему варианту относятся сосуды с сравнительно высоким ($\Phi Б = 0,7-1,1$) прямым или слабо отогнутым ($\Phi Г = 0-0,12$) венчиком, часто имеющие на его внешнем крае закраину, а на границе переходе от шейки к плечу орнаментированный валик и уступ (рис.3.1). Сосуды четвертого варианта отличаются наличием прямого ($\Phi Г = 0-0,03$) венчика средней высоты ($\Phi Б = 0,6-0,8$) выпуклого плеча и тонкими стенками (не более 7 мм) (рис.2.6).

Вторая группа состоит из округлобоких сосудов с овальным оформлением верхней части венчика и, как правило, прямым или выпуклым плечом. По высоте и степени отогнутости венчика выделяются два варианта. К первому относятся сосуды со слабо отогнутым ($\Phi Г = 0,03-0,07$) венчиком средней высоты ($\Phi Б = 0,6-0,8$) (рис.3.3,6,7,8). Керамика второго варианта имеет более высокий ($\Phi Б = 1,0$) и отогнутый ($\Phi Г = 0,16-0,2$) венчик, тонкие стенки (6-7 мм) и, в большинстве случаев, орнаментирована одним или двумя горизонтальными рядами "елочки" (рис.3.2). В эту группу входят два целых сосуда. Следует привести размеры данных сосудов. Один из них (рис.3.3) имеет высоту 35 см, диаметр по венчику 35 см, по днущу 17 см. Диаметр шейки составляет 35 см, максимального расширения тулова 39 см, высота венчика 2,5 см, плечика 6 см. Размеры второго (рис.3.6): диаметр венчика 19 см, шейки - 18,5 см, максимального расширения тулова - 26,5 см, дна - 16 см. Общая высота сосуда 28 см, высота венчика 2,5 см, плечика - 5,5 см.

Третья группа включает сосуды с пристроенным, относительно высоким ($\Phi Б = 0,7-1,1$) венчиком, прямыми или выпуклыми плечиками, часто имеющими валик и воротничок. По степени отогнутости венчика и выпуклости плечиков они подразделяются на два варианта. К первому

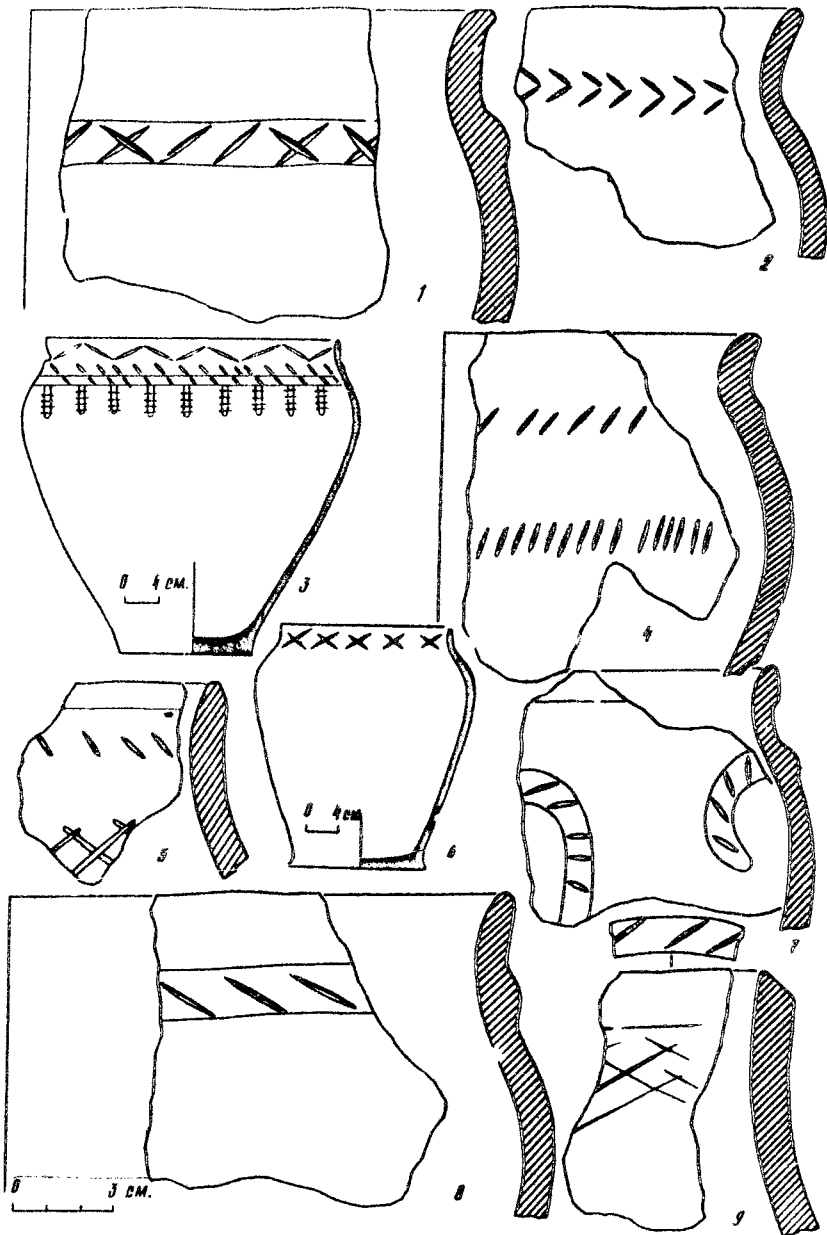

Рис.3. Керамика Танавского городища

относятся сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком ($\PhiГ = 0,14 - 0,23$) (рис.4.3), ко второму – сосуды с отогнутым ($\PhiГ = 0,14 - 0,23$) венчиком, имеющие более выпуклые, по сравнению с первым вариантом, плечики (рис.4.2,5; 5.4). Судя по тому, что сюда вошли два крупных целых сосуда, такая керамика, вероятно, использовалась для хранения продуктов и в качестве кухонной посуды. Один из полностью восстановленных сосудов (рис.4.2) имеет высоту 46 см, диаметр по венчику 11 см, по днищу 20 см. Диаметр шейки 44,7 см, максимального расширения тулова 46 см, высота венчика 3,5 см, плеча 7,5 см. Высота другого (рис.4.5) 41,5 см, диаметр по венчику 33 см, по днищу – 15 см. Диаметр шейки 31 см, максимального расширения тулова 37 см. Высота венчика 3 см, плеча 7 см.

Четвертая группа представлена сосудами с прямым или немного отогнутым ($\PhiГ = 0-0,1$) венчиком средней высоты ($\PhiБ = 0,7-0,8$), оформление верхнего края которого овальное или приостренное. Характерной особенностью этой группы является утолщение венчиков с внутренней стороны (рис.3.4).

Пятая группа включает сосуды с овальным или приостренным отогнутым ($\PhiГ = 0,19 - 0,3$) венчиком средней высоты ($\PhiБ = 0,5-0,9$), имеющим утолщение с внешней стороны (рис.4.7).

Сосуды со сглаженным ребром или остросереберные практически все имеют рельефный "орнамент" (рис.5.5,9,10), приостренный или плоско-срезанный венчик, прямые плечики. Варианты в данной выборке ввиду её малочисленности не выделяются. В эту группу входит один полностью восстановленный сосуд. Его размеры: общая высота 39 см, высота венчика 2,5 см, плечика – 5 см, диаметр венчика 33 см, дна – 16 см, максимального расширения тулова 39 см, диаметр шейки – 32,2 см.

Сковороды представлены фрагментами с различным оформлением дна и, как правило, овальным оформлением верхней части (рис.5.6,7,8). Диаметр по верхнему краю можно реконструировать только у одного экземпляра – 8 см. Скорее всего, сковороды имели небольшие размеры.

Орнамент К сожалению, сильная фрагментированность серии не только не дает возможности судить о сюжетных и композиционных построениях орнамента, но в некоторых случаях не позволяет точно определить границы орнаментальных зон сохранившихся частей сосудов. Поэтому иногда даже о мотивах орнамента следует говорить лишь предположительно. Однако некоторые закономерности в орнаментации можно проследить. При рассмотрении орнамента мы учитывали также неопределяемые по профилировке фрагменты венчиков сосудов и орна-

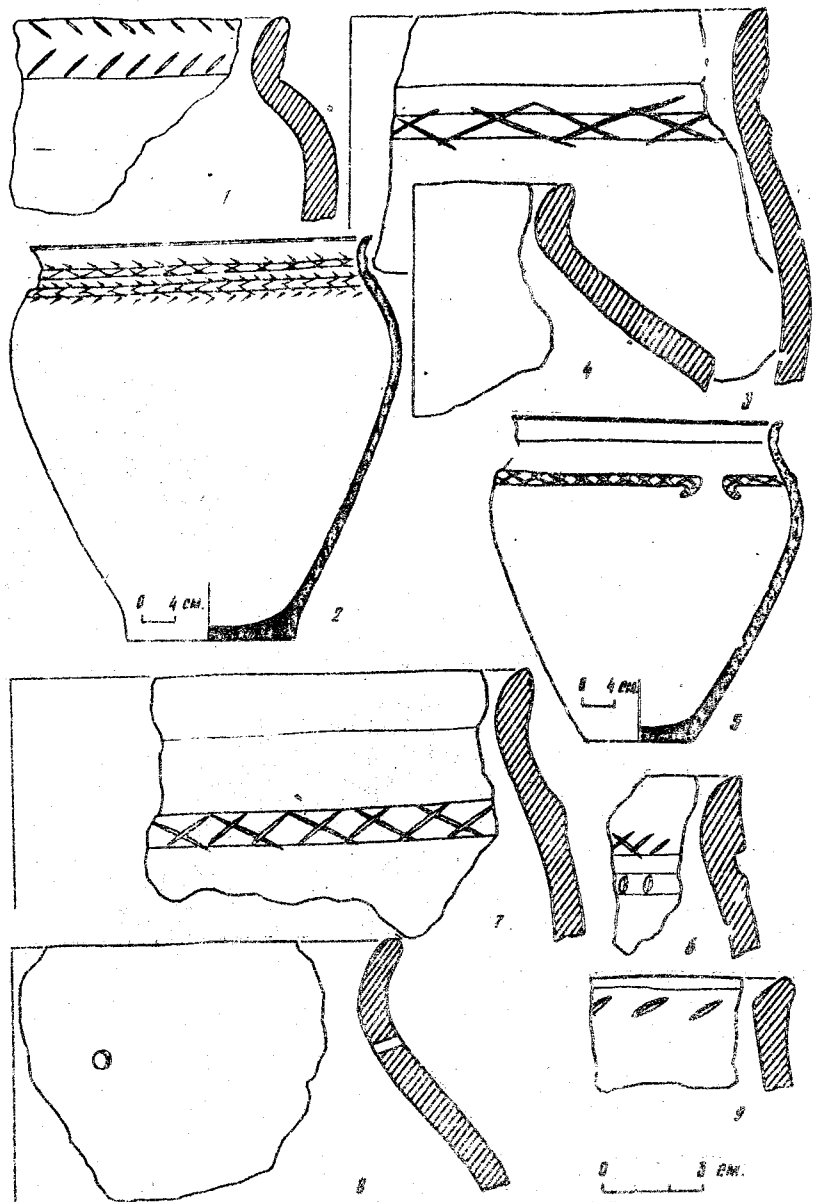

Рис. 4. Керамика Танаевского городища

метризованные стенки. Общая степень орнаментированности комплекса эпохи поздней бронзы Танаевского городища составляет 90%. Из них 5,7% имеют только несрнментированные валики и воротнички. Сковороды также не орнаментированы. Из баночных сосудов орнаментировано 63% , округлобоких - 96% и острооберных или со сглаженным ребром - 100%. Керамика, не имеющая валиков и воротничков, составляет в коллекции только одну треть.

При статистической обработке серии зафиксировано девять элементов (рис.6). Основными среди них являются вертикальные и наклонные, разной величины и конфигурации, насечки (1), прочерченные линии (2). В редких случаях встречается средне- и мелкозубчатый штамп (8), вдавления тупым концом палочки (3), в единичных случаях жемчужины, выдавленные с внешней (6) или с внутренней (5) стороны сосуда, клиновидные вдавления (7), "гребенка" (9), отпечатки пальцев (4).

Среди мотивов преобладают один или два ряда насечек (40,1%), достаточно часто встречаются косые кресты или сетка, образующие один или, реже, два ряда, иногда в сочетании с насечками или жемчужинами (29,4%), а также горизонтальная злочка (9,1%). Значительно реже вносились различные зигзаги, ромбы и треугольники с заполненным пространством, составляющие все вместе 8,1%. Следует отметить, что крестами и ел. кой орнаментировалась, в основном посуда, имеющая валик или воротничок, хотя эти мотивы есть и на керамике без рельефного "орнамента".

Валик и воротничок по своей семантической основе скорее всего полифункциональны и, вряд ли их следует рассматривать только как орнамент, что неоднократно отмечалось исследователями (18.С.81; 19.С.99-101; 20.С.108). Однако эта тема требует специального рассмотрения и выходит за рамки данной статьи. В целом так называемый рельефный "орнамент" имеет 61,2% танаевской керамики и это является наиболее характерным её признаком. Из нашей выборки только валик, иногда двойной, есть у 29,8% посуды, только воротничок - у 13,4%, одновременно ими "орнаментировано" 17,9% керамики.

За исключением 1-2 экземпляров, валик в сечении овальный, расположен только в верхней части сосуда, чаще всего на плече (47,2%) или на границе перехода от шейки к плечу (36,1%), реже на шейке (13,9%) При этом у сосудов с воротничком валик размещается преимущественно на плече. В очень редких случаях валик находится под средом венчика, иногда образуя воротничок. Ширина валиков колеблется от 5 до 15 мм, но чаще всего составляет 9-13 мм. Его высота, с уче-

том толщины стенки сосуда, варьирует в диапазоне от 5 до 15 мм, однако, как правило, составляет 9-12 мм. Девять сосудов имели несомкнутые, свисающие вниз концы валика в виде "усов" (рис.3.7; 4.5), а один был украшен горизонтальным валиком, от которого свисали короткие вертикальные налпы длиной 3-4 см (рис.3.3).

Другой характерной особенностью танавской керамики является такое большое количество сосудов (свыше 30%) с воротничком на венчике, значительная часть которых не вошла в нашу выборку по форме (рис.5.1; 4.6). Верхняя часть воротничковых венчиков в основном приотсрезанная или овальная, реже плоскосрезанная. Причем, плоскосрезанные воротничковые венчики встречаются только у сосудов со сглаженным ребром. Ширина воротничков колеблется от 9 до 25 мм, а высота, с учетом толщины стенки, 8 - 13 мм.

Относительно орнаментации валиков и воротничков следует отметить, что первые орнаментировались чаще (92%), а вторые - гораздо реже (17,7%). Сочетание орнаментированных валиков и воротничков встречено лишь на семи сосудах, три из которых, кроме того, дополнительно сопровождаются другим орнаментом. Набор элементов валиковой и воротничковой керамики практически аналогичен тем, которые встречаются на посуде без рельефного "орнамента". Здесь отмечается только несколько иное соотношение некоторых элементов. На т.н. валиковой керамике реже используются прерывчатые линии и чаще зубчатый штамп и насечки (рис.6). Однако эти отличия, на наш взгляд, не имеют существенного значения, поскольку в целом отражают общую тенденцию, характерную для элементов орнаментации танавской посуды. Вместе с тем, мотивы орнаментации валиков и воротничков, естественно, проще. Валики чаще украшались крестами (58%), рядами насечек (37%) и только в одном случае зигзагом с заполненным пространством. Воротнички же, наоборот, орнаментировались преимущественно рядами насечек (55%), зигзагом (20%) и значительно реже крестами (15%). Елочка и в том и в другом случае не получила большого распространения по сравнению с другими мотивами, и тем не менее воротнички орнаментировались этим мотивом чаще (10%), чем валики (3,7%).

В общей системе орнаментации посуды эпохи поздней бронзы Танава-ского городища наиболее значимой зоной является плечо - здесь орнамент располагается чаще всего (60,5%). Гораздо реже орнаментировались шейка (19,7%), венчик (9,2%) и тулово (7,9%). Срез венчика орнаментировался в единичных случаях (2,7%). Следует также отметить, что шейка чаще всего украшалась валиком (73,3%), венчик

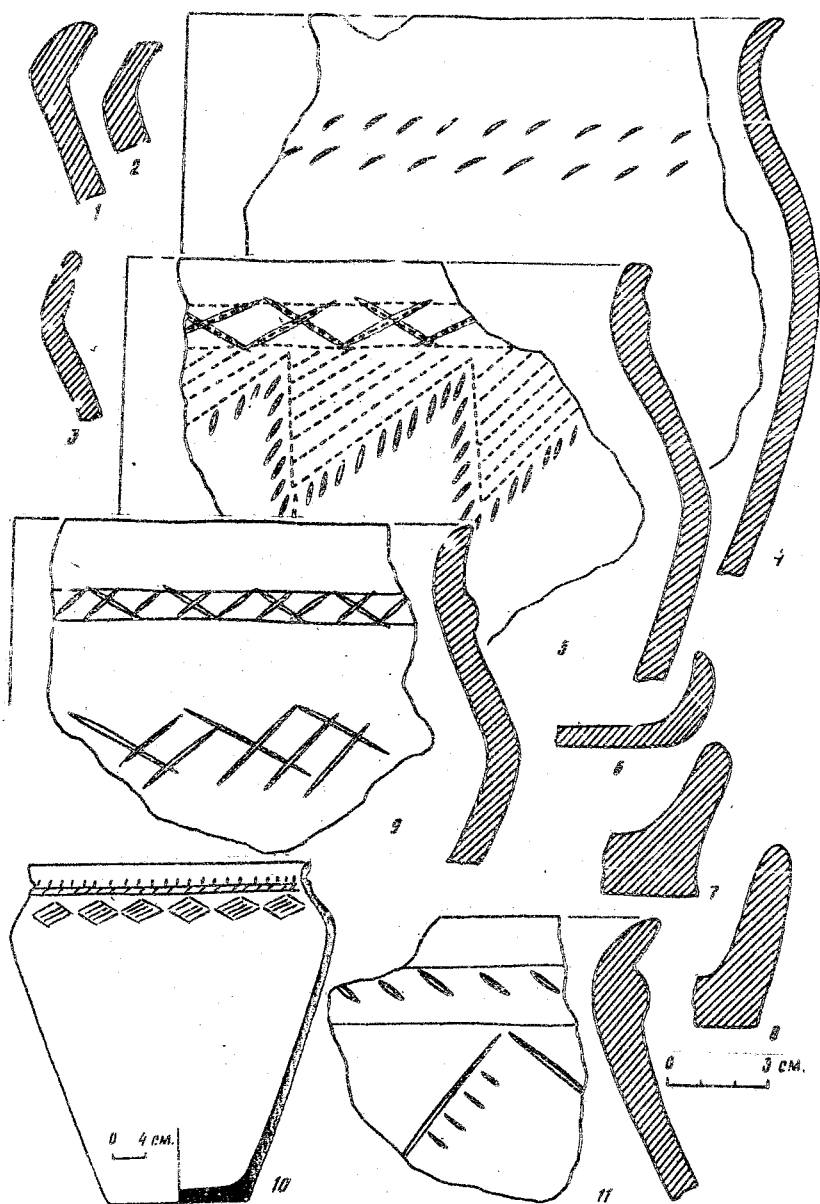

Рис. 5. Керамика Танаевского городища

№	Элемент орна- мента	Керамика без рельефно- го орнамента		Керамика с рельефным орнаментом	
		П	%	П	%
1		73	67,9	156	81,3
2		25	23,2	15	7,8
3		1	0,9	5	2,6
4		-	-	1	0,5
5		1	0,9	1	0,5
6		1	0,9	4	2,1
7		1	0,9	1	0,5
8		3	2,8	9	4,7
9		3	2,8	-	-
	Всего	108	100	192	100

же, за исключе-
нием одного экзем-
пляра, орнаментиро-
вался только в тех
случаях, когда он
сочетается в ворот-
ничком. Плечо в по-
ловине случаев (50%)
орнаментировалось
валиком, иногда в
сочетании с другим,
сопровождающим ор-
наментом. В целом
же на всей совокуп-
ности танавской по-
суды, в том числе
и с валиками и во-
ротничками, чаще
всего встречается
ряды насечек (41%),
резь использовались
кресты (25,1%), зиг-
заги (16,7%), гори-
зонтальные линии
(9,8%) и елочка
(7,4%). Нередко
все эти мотивы со-
четаются на одном
сосуде, хотя в це-
лом преобладает не-
сложные сюжеты.
Первичная класси-
фикация хвалынской
керамики по форме,
а также выявленные
закономерности и
особенности орна-
ментации, позволяют

Рис. 6. Элементы орнамента хвалынской керамики Танавского городища

сделать заключение о ее культурном единстве. Попытка рассмотреть посуду по двум группам — с рельефным "орнаментом" и без него, показав, что как формы, так и орнамент обеих групп практически аналогичны. Кроме того, по характеру обработки поверхности и составу теста керамика визуально не расчленяется на разнокультурную и современную. На двух из четырех, выделенных нами по форме, группам сосудов (баночки и округлобокие) есть экземпляры без рельефного "орнамента" и с ним. При этом группа танавской посуды со сглаженным ребром вся имеет валики или воротнички.

Танавская посуда, за исключением сковород, так же как и срубная керамика, имеет баночные, округлобокие и острореберные формы. Однако аналогичные термины традиционно используются при характеристике не только керамики срубной, но и многих других культур эпохи бронзы Евразии. Производить членение керамики, конечно, желательно по ее функциональному назначению и при этом использовать соответствующую терминологию, но в данном случае это одно из перспективных направлений изучения керамики, которое еще требует разработки. Поэтому мы придерживаемся традиционной терминологии.

Классическую керамику Танавского городища отличает от посуды срубной культуры прежде всего значительное преобладание валиков и воротничков. На срубной керамике рельефный "орнамент" если и встречается, то крайне редко. К тому же среди срубной посуды нет сковород. Срубная керамика, в отличие от танавской, — значительно чаще орнаментирована на зонах шейки и венчика. Кроме того, зона плеча на срубной посуде нередко ограничивалась горизонтальными линиями или рядами по верхнему и нижнему ее краям. У танавской посуды нижний край данной зоны не содержит орнамента совсем, а на верхнем он встречается редко. Общая степень орнаментированности танавской керамики выше, чем на поселениях срубной культуры. Так, в первом случае она составляет 90%, а во втором — 70% (21.С.65,76). Элементы орнаментации танавской керамики не так разнообразны, как на срубной, а процентное соотношение их существенно отличается. В рассмотренной коллекции преобладают насечки и нарезки, редко используются прочерченные линии, зубчатые и гребенчатые штампы. Кроме того, здесь практически исчезает зигзаг, столь характерный для срубной посуды и значительно чаще встречаются косые кресты и сетка. Наиболее частый мотив на танавской керамике — горизонтальные ряды насечек, весьма характерен также для срубной посуды Нижнего Поволжья, однако, не является здесь преобладающим. Мотив в виде гори-

зонтиальной елочкой встречается как на танавской, так и на срубной керамике, но выполнялся он разными элементами. В первом случае это - насечки и прямые линии, а во втором - чаще всего зубчатый штамп. Все сказанное, как нам представляется, не позволяет отождествлять танавскую керамику со срубной.

Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Поволжья, в том числе и танавская, имеет сходство с посудой синхронного блока культур: саргаринско-алексеевской, тазабагъябской (суярганской), межовской, позднеприказанской, сабадиноской, белозерской, а также с трушиковскими и малокрасноярскими древностями (22.С.82-87; 23.С.150; 24.С.17,334; 25.С.7,36; 26).

Практически для всех данных культур эпохи поздней финельной бронзы лесостепной и степной зон Евразии характерен целый ряд общих закономерностей в развитии керамических комплексов: появляются и распространяются новые формы посуды - миски, сковороды, а также "бомбовидные" сосуды с выпуклым туловом и сравнительно узкой шейкой. Среди старых форм наблюдается тенденция к вытянутости, резко уменьшается число баночных и острореберных сосудов и, одновременно, увеличивается численность округлобочных горшков с хорошо выделенной шейкой, получают распространение крупные сосуды-корчаги. Существенные изменения наблюдаются в орнаментах - происходит всё упрощение и обеднение, резко сокращается использование традиционных для предшествующей эпохи элементов и мотивов. Преобладающим становится резной орнамент, а зубчатый вообще и крупнозубчатый в частности становятся непопулярными. Получают распространение валики, среди которых появляются экземпляры с "усами". Керамика значительно чаще орнаментируется крестами и сеткой, реже встречаются такие мотивы, как ромбы, треугольники, зигзаги. Все эти признаки в основном характерны и для рассматриваемой танавской хвалынской посуды, что позволяет включать ее в круг культур валиковой керамики эпохи поздней финельной бронзы Евразии.

Наибольшее сходство танавская коллекция, на наш взгляд, обнаруживает с алексеевско-саргаринской керамикой Центрального и Северного Казахстана, особенно с той, которая представлена на поздних памятниках (15.С.79-96). Совпадают такие показатели, как высокий процент общей орнаментированности, соотношение элементов и мотивов, большое число посуды с рельефным "орнаментом", орнаментированность валиков, а также то, что они довольно часто являются единственным украшением на сосуде. Очень большое соответствие наблюдается также в формах керамики - многие танавские сосуды находят прямые аналогии среди сар-

гаринских. В сравниваемых комплексах явно преобладают округлобокие горшки. Прослеживаются также близкие тенденции зависимости степени отогнутости венчика от его высоты. Все это еще раз подтверждает превосмерность включения хвалыньских памятников Поволжья и алексеевско-саргаринских в восточную зону КВН (22.С.82-87; 9.С.159-160; 37.С.141-143). Вместе с тем, имеются некоторые отличия алексеевско-саргаринской и танавской керамики, что с учетом значительной территориальной отдаленности и культурного своеобразия, является вполне естественным. Так, на саргаринской посуде воротнички встречаются реже, и они чаще всего не приотсранные. На танавской керамике нет каннелуров, пальцевых задигов и ногтевых вдавлений, иногда они присутствуют на других валиковых памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (Новая Покровка-I, Сметовка-I). Кроме того, процент различных вдавлений, жемчужки и елочка в саргаринских коллекциях несколько выше, чем в танавской. В целом же керамика эпохи поздней бронзы танавского городища обнаруживает значительно большее сходство с саргаринской, чем со срубной посудой Поволжья.

Некоторые танавские сосуды (рис. 4.4, 8) находят аналогии среди амирабадской керамики (38.С.84.Рис.38.2; 9.70.Рис.23.1; 9.64.Рис.16.1).

Преобладание горшковидных форм над бочончыми, высокий процент валиков, наличие воротничков позволяют сделать заключение о культурной близости танавской керамики с посудой таких поселений Поволжья и Подонья, как Кайбелы, Осиновые Ямы, Садовое VI, Шосейное (39.С.104-136, 149-150; 40.С.120, 131; 31.С.153-163; 41.С.144). вполне вероятно, что памятники с валиковой керамикой этих регионов могут представлять локальные варианты в пределах одной хвалыньской культуры, условная западная граница которой, скорее всего, проходила в районе Северского Донца. Не исключено, что некоторые отличия в керамике этих памятников могут иметь также хронологический характер.

В настоящее время в Поволжье одним из авторов данной статьи выделены две хронологические группы поселений хвалыньской культуры, где танавский комплекс относится ко второй, более поздней, датированной XI-X вв. до н.э., являясь здесь одним из эталонных (9.С.159-160; 37.С.141-143). Учитывая круг приведенных аналогий танавской керамики, а также наметившуюся тенденцию удревнения культур эпохи бронзы степной Евразии, такую датировку следует пока считать наиболее приемлемой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Керамика как исторический источник. Новосибирск 1989.
- 2 Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР //СВ.М.,1927. Т.7.
- 3 Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ.М.,1948.Вып.17.
- 4 Артемонов М.И., Гракова О.А. Бронзовый век на территории СССР// БСЭ.М.,1951.Т.6.
- 5 Кривцова-Гракова О.А. Стопное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА.М.,1955.№ 46.
- 6 Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии //Материалы по изучению Самарского края. Самара, 1928.
- 7 Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии//ТСА РАНИОН.М.,1928.Т.4.
- 8 Гольмстен В.В. Серпы из Сосновки Мезы // ПИМК.".1933 № 5.
- 9 Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы Поволжья (по материалам поселений) // Тез.докл.Всесоюзной археологической конференции "Задачи советской археологии в свете решений XXV съезда КПСС". Суздаль, 1987.
- 10 Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928.
- 11 Крылова Л., Миронов В. Танавское городище (по раскопкам 1960-1962 гг.); Сб.тез.докл. на IX Всесоюзной археологической студенческой конференции.М.,1963.
- 12 Архив И.В.Сивичина. ГАСО.Ф.3712.Оп.№ 1.Ед.хр.№ 42.
- 13 Миронов В.Г. Очерк истории исследования городищных поселений в Саратовском Поволжье в 1918-1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989.
- 14 Деревягин Ю.В., Симонов Р.М. Великовая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья // СА.М.,1972.№ 1.
- 15 Зданович С.Я. Керамика саргеринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- 16 Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.М.,1973.№ 1.
- 17 Обьденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа,1986.
- 18 Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э.// МИА. М., 1958.№ 68.
- 19 Шилов Ю.А. Физико-химическая характеристика керамики и развитие степных культур эпохи неолита-бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван,1982.

- 20 Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.
- 21 Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников рубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- 22 Черных Е.И. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы. Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- 23 Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.
- 24 Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- 25 Чередниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1973.
- 26 Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. М., 1980. Вып. В I-24.
- 27 Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- 28 Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Поселения эпохи бронзы на юго-западе Куйбышевской области // Неолит и бронзовый век Поволжья. Куйбышев, 1977.
- 29 Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- 30 Шарфутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобальевская культура) // САИ. М., 1980. Вып. I-II.
- 31 Екимов Ю.Г. Позднесрубное поселение Садовое У1 на р. Битуг // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- 32 Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. М., 1971. № 77.
- 33 Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.
- 34 Прякин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973.
- 35 Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- 36 Шорин А.Ф. К вопросу об относительной хронологии черкаскульских памятников Южного Зауралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- 37 Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Тез. докл. обл. науч. конф. "М.П. Грязнов и его место в археологии, теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема". Омск, 1987.
- 38 Атина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

- 39 Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА.М., 1958. № 61.
- 40 Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
- 41 Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Поселения эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА.М., 1984. № 4.
- 42 Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // ИНВИК. Саратов, 1929. Т. III.

А.Н. Дьяченко

ПОСЕЛЕНИЕ ЕРЗОВКА-I И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 1985-86 гг. Волгоградский университет проводил раскопки поселения Ерзовка-I, расположенного на территории Городищенского района Волгоградской области, в 10-12 км севернее г. Волгограда (рис. 1). Физико-географические условия района исследования следующие. Памятник находился на южном пологом склоне Ерзовской балки, в 5 км на запад от правого коренного берега Волги. Сформированная в плейстоцене, балка имела широкую долину (до 100 м), по которой протекал ручей Малая Личуга. Как показали палеопочвенные изыскания, за последние 3500-3000 лет профиль долины балки не изменился. В примыкающих к главному руслу балках Сухая Яранцева и Мокрая Яранцева отмечены выходы кирпичных глин и мощных пластов серо-розового кремня. В многочисленных оврагах и балках произрастают кустарниковые и древесные породы.

Для выявления границ поселения использовались приёмы зондирования по методике Д. Веллесте¹ и Г. Г. Штобе². Таким образом, максимальная площадь поселения была определена в пределах 3000-3500 кв. м.

В течение двух полевых сезонов было вскрыто более 1200 кв. м, изучены места наибольшего скопления культурных остатков. Основная масса находок концентрировалась в центральном и северном участках поселения в районе двух жилищных впадин, на площади 750-800 кв. м. Мощность культурного слоя: 1,2 м - в центре, 0,45 м - на периферии.

Оба жилища - полуземляночного типа. Жилище I представляло собой заглубленный на 0,4-0,7 м в материк котлован прямоугольной формы

размером 5,0 x 3,0 м, длинной осью ориентированный по линии ССВ-ЮЮЗ. В северо-западную сторону был вырыт выход размером 3,0 x 3,0 м. Жилище 2 находилось в 2,5 м к северу от жилища 1, в плане имело подовальную форму, вытянуто по линии С-Ю. Глубина котлована незначительна (0,2 м), размеры: 14,5 x 9,0 м. В период функционирования данное жилище, видимо, также имело выход, прилегающий с запада. Оба жилища были разрушены вероятно, в результате пожара. Заполнение имело черный цвет, резко контрастирующий со светло-серым оттенком почвы, сформировавших культурный слой на остальной территории поселения. Об этом же свидетельствуют встреченные в заполнении глиняные обожженные кости животных и мелкие угли.

Вещевой материал поселения представлен керамическим боем, предметами каменной индустрии и костями домашних животных (всего - 12 тыс. единиц находок). Изделия из камня невыразительны и малочисленны, ведущее положение в этой коллекции занимают ножи и скребки на кварцевых и кремневых отщепах. Изделия традиционны для бытовых памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья.

Остеологический материал (более 7 тыс. единиц) требует отдельного исследования. Следует отметить, что в совокупном стаде преобладали мелкие и крупный рогатый скот, а также лошадь.

Небольшой интерес, на наш взгляд, представляет керамическая коллекция памятника. Всего собрано 4165 единиц керамики во фрагментах и развалах. Небольшая часть толстостенной лепной керамики характерных форм и орнаментальных решений с примесью толченой раковины в тесте отнесена к эпохе энеолита. Данная керамика обнаружена на различной глубине в пределах раскопов 2-6 и, вероятно, в результате денудационных процессов была смещена с более южных участков склона балки.

Основная же масса керамики (95,5%), отнесенная к позднему этапу срубной культурно-исторической общности, связана с основным периодом функционирования поселения. Выделено 4 группы керамической посуды, очень близкие друг другу в культурно-хронологическом отношении.

I группа. Сюда включено небольшое число (не более 20 фрагментов) профилированных сероглиняных сосудов "инокультурного круга", близких по форме и орнаменту к федоровским образцам (рис. 2.1-5). Посуда данной группы тонкостенна, с поддошением, ровного обжига (видимо, не кострового). В хорошо отмученном тесте - примесь мелкозернистого песка и шмота. Пропорции скорее горизонтальные, тулово округлобочное с плавным перегибом в верхней части. Венчик слегка отогнут. Вы-

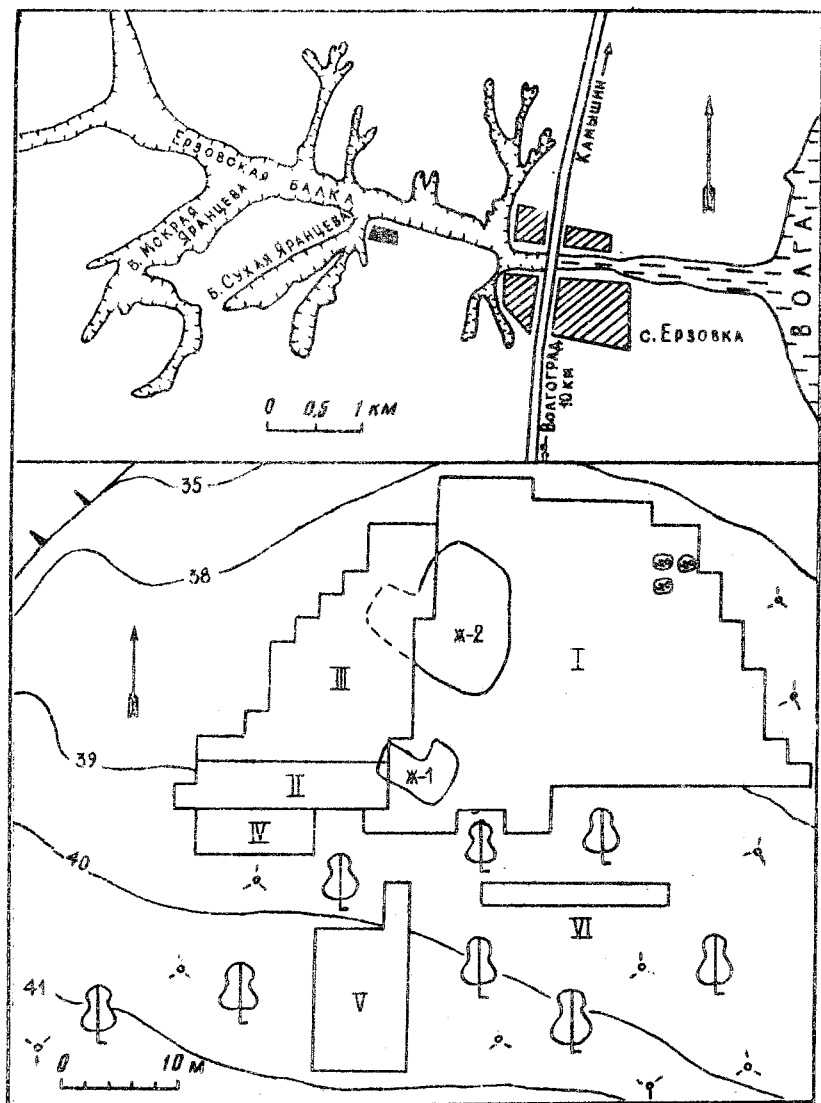

Рис. I. План поселения и раскопов

делается практически полностью восстановлений кубковидный горшок на высоком коническом поддоне с рельефным плавным ребром и резко расширяющимся устьем. Сосуд украшен тремя орнаментальными зонами. Под венчиком нанесены заштрихованные косоугольные треугольники, сочетающиеся с рядами ногтевых вдавлений. По ребру прочерчены 3 горизонтальные линии, пространство между которыми заполнено косой штриховкой и ногтевыми вдавлениями. Ниже ребра тулово украшено пересекающимися тройными линиями, выполненными заостренной гранью тонкого япателя. Эти линии образуют ромбы, внутри которых от одной из сторон отходят короткие пучки параллельных насечек. Поддон орнаментирован круговыми врезными линиями и горизонтальным рядом косых штрихов (рис.2.1). Второй сосуд - с округлым дном и выпуклыми боками, в исполнении орнамента близок к первому (рис.2.2). Третий сосуд - сочетающий орнаментальные традиции андронидных горшков с типично "квадрийскими" приемами оформления шейки в виде сформованного кругового валика (рис.2.3). Данная группа "позднефедоровской деградировавшей керамики"³ не только выделяется чисто внешне, но и обозначает нижнюю границу позднерубного культурно-хронологического горизонта поселения (XIII в. до н.э.)

2 группа. Замая обширная по количеству керамики (98%). Включает в себя 2 основных типа позднерубной бытовой посуды. Тип I объединяет слабопрофилированные тождественные горшки вертикальных пропорций с узким дном, в большинстве случаев выделенном круговым зашипом. Тулово в верхней части "раздуто", устье широкое, открытое (рис.2.8, 10). Высота сосудов варьирует в пределах 15-35 см. Сосуды данного типа либо не орнаментированы, либо имеют невыразительный узор в виде прочерченных полос и насечек. Поверхность шероховатая, серого цвета, лощение отсутствует. Тесто рыхлое, обжиг слабый, неровный. В изломе черепка заметна обильная примесь льномота и песка. Развалы двух подобных сосудов больших размеров обнаружены в округлых лунках около западной границы жилища 2 (рис.2.8). Тип 2 представлен самым массовым керамическим материалом - сосудами баночных форм. Высота банок колеблется в пределах 5-37 см. Наиболее крупный экземпляр встречен также в районе жилища 2 (рис.2.9). Все сосуды этого типа плоскодонны (как правило, дно выделено круговым зашипом), грубо сформованы, слабого неровного обжига. Около 40% баночных сосудов имеют "закрытое" устье, остальные - либо прямые стенки, либо слегка расширяющееся вверху тулово. В рыхлом тесте отмечен песок и льномот. Подавляющая часть банок не орнаментирована, орнаментированные же фрагменты выделяются простотой композиции: прочерченные по

верху тулова полосы, насечки, редко встречаемые оттиски ногтевых вдавлений или отпечатки мелкозубчатого штампа. Обращает на себя внимание отсутствие в указанной группе керамики остророберных форм и практически полное отсутствие геометрического орнамента. Какой-либо зависимости между формой, размерами и зональным размещением узоров не выявлено. В эту же группу керамики включены фрагменты двух небольших профилированных горшков, найденных в нижнем горизонте культурного слоя в районе жилища 2. Оба горшка отличаются тщательностью формовки и подложенной внешней поверхностью серого цвета (рис.2.6,7). Один из сосудов украшен глубокими врезными пересекающимися линиями, нанесенными по шейке и тулову (рис.2.6). Банчик, шейка и плечо второго сосуда украшены круговыми зонами оттисков мелкозубчатого штампа (рис.2.7).

Кроме названных форм, ко второй группе керамики поселения относятся небольшие плоскодонные банки, сопровождавшие 3 детских погребения, обнаруженных на северо-восточном участке раскопа I в слое 0,6 - 0,8 м (рис.5.1-3). Погребенные дети (2-3 года) были положены в небольшие подквадратной формы ямы, скорченно на левый бок. Головой погребенные ориентированы на восток. Банки находились у головы. Сформованы сосуды грубо, обжиг неравный, в черепке - примесь песка и шамота. Днища выделены круговым защипом. Одна из банок была украшена круговым поясом оттисков гладкого штампа, образующим зигзаг, ниже которого тулово было украшено круговым рядом наколов палочкой (рис.5.2). Материал погребений близок к позднесрубным подкурганам комплексам Нижнего Поволжья, отнесен к III этапу срубной культуры (по периодизации Н.К.Качаловой ⁴) и датирован XIII-XII вв. до н.э.

3 группа. Небольшая по количеству фрагментов группа включает валиковую (хвалыинскую) керамику. Собрано около 50 обломков с валиком, что составляет 1,3% от общего числа позднесрубной керамики (рис.2.4,3. 1-10; 4. 1-3). Форма сосудов с валиком - вытянутая горшковидная. Валик размещается либо на шейке, непосредственно под венчиком, либо под шейкой, образуя плечо. По способу выделки валика всю керамику группы можно разделить на 3 типа. Первый тип объединяет фрагменты с гладким сформованным из стенки (оттянутым) круговым сплошным валиком треугольного или полусферического профиля. Валики данного типа почти всегда украшены. Технические приемы орнаментации следующие: нанесение косых насечек и пересекающихся линий, оттиски гребенчатого и мелкозубчатого штампов, ногтевые вдавления. Во второй тип включено несколько сосудов с "разор-

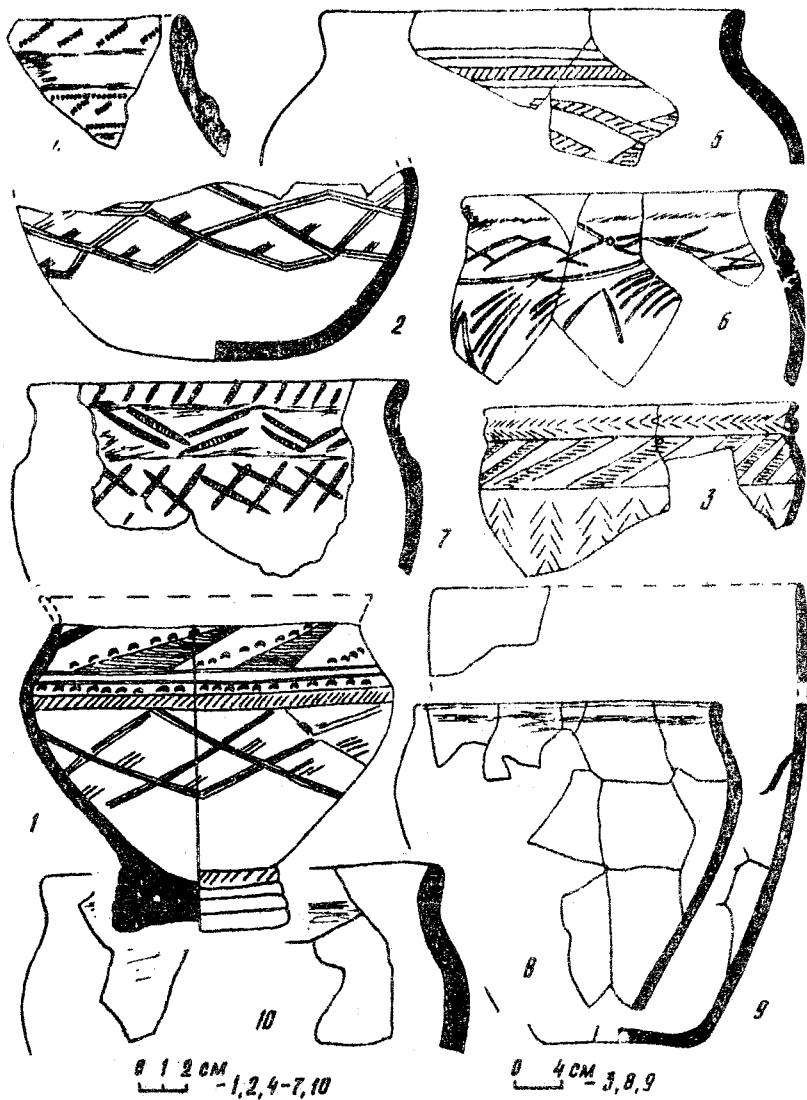

Рис. 2. Керамика поселения Ерзовке I

ванним "валиком, у которого концы оформлены в виде свисающих "усов". В данном случае валики украшены пересекающимися резками, оттисками мелкозубчатого и крупнозубчатого штампа (рис. 3.5, 6, 9). Наконец, к третьему типу отнесены 3 обломка средней части тулова сосудов, имеющих на лепной валик, орнаментированный пальцевыми зацепами (рис. 4.2).

Вся валиковая керамика хорошо сформована, тщательно выделен и заглажен валик. Поверхность серого и светло-коричневого цвета в ряде случаев имела следы лощения. Обжиг неровный, иногда очень слабый, в изломе черепка отмечена примесь шамота и песка. Следует отметить, что многоэлементные орнаментальные композиции для валиковой керамики поселения, в целом, не характерны.

4 группа. В данную группу, с известной долей условности, были включены фрагменты сосудов, по форме, технологии и орнаментальным решениям отнесенные к т.н. "нурской" керамике (рис. 4.4-15). Число таких фрагментов не более 25. Указанная керамика представлена толстостенными профилированными горшками значительных размеров с поверхностью серого цвета и банками в основном "закрытого" типа. Обращает на себя внимание наличие в данной группе сильно профилированных горшков с раздутым туловом, не характерных для срубной посуды форм (рис. 4.5, 6, 8-10). Край венчиков этих горшков либо закруглен и отогнут, либо "оттянут" и имеет грибовидное утолщение⁵ (рис. 4.9, 10). В изломе черепка, как и во всей керамической коллекции поселения, отмечен шамот и песок. Внешняя поверхность "нурской" керамики шероховатая, со следами грубых заглаживаний, лощение отсутствует. Банки в отличие от горшков имеют более плотный черепок и ровный, сильный (высокотемпературный) обжиг. Орнамент прост. Профилированные горшки или не орнаментированы, или украшены по венчику и горлу пальцевыми зацепами и оттисками ногтевых вдавлений (рис. 4. 4, 5, 7, 9). Сосуды баночных форм орнаментированы глубокими ногтевыми вдавлениями (рис. 4.12, 14), глубокими неколами палочкой (рис. 4.13) и оттисками гладкого овального штампа (рис. 4.15).

В 4 группу керамики включен также сосуд, верхняя часть тулова которого была обнаружена в заполнении жилища 2 (рис. 4.16). Сосуд имел массивный, оформленный в виде воронничка венчик и постепенно расширяющееся к низу тулово. Под венчиком и по перегибу тулова орнаментировано двумя зонами пересекающихся оттисков очень мелкого зубчатого штампа, образующего круговую сетку. Некоторые параметры сосуда: диаметр тулова - 24,0 см, диаметр устья - 13, 0 см, толщина стенки -

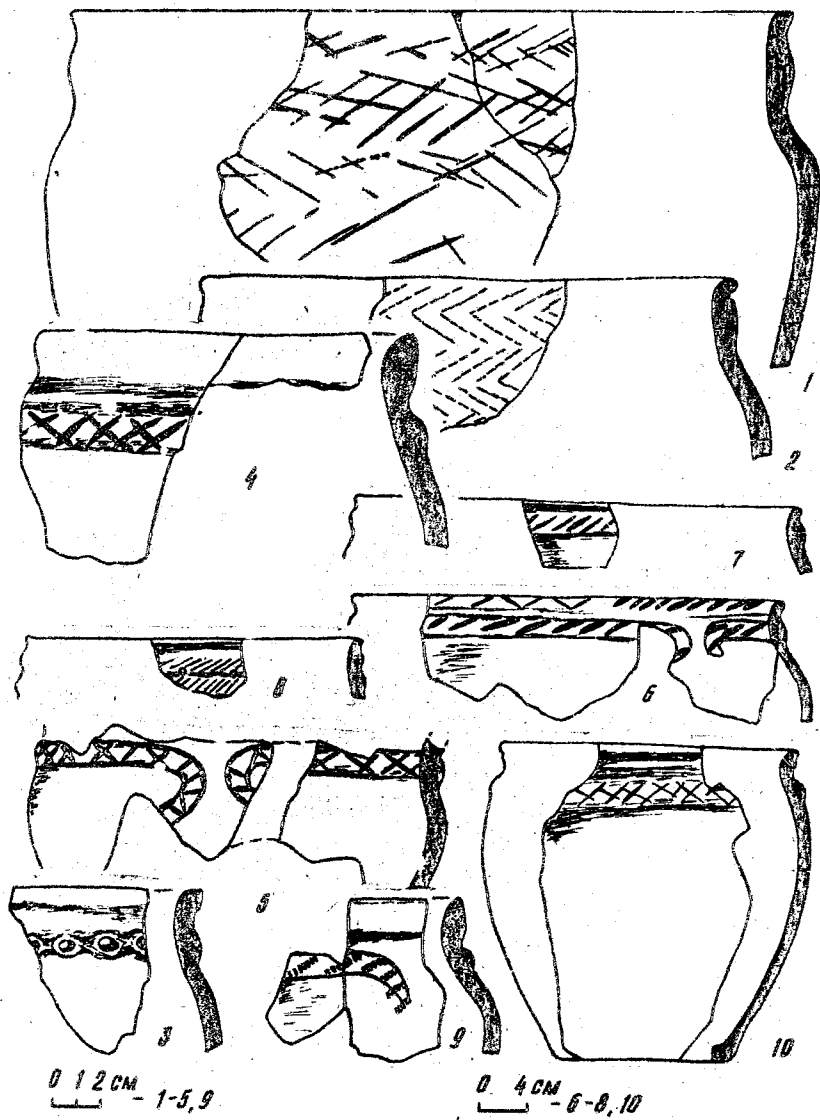

Рис. 3. Керамика поселения Ерзовка I

- 0,8 см. Типологически этот сосуд выпадает из общей серии поздне-срубной керамики поселения, хронологически, видимо, близкой к "нурским" материалам, а возможно, и к отдельным комплексам киммерийского пласта.

Описанный материал поселения Ерзовка I позволяет сделать следующие выводы.

1. Выделенные керамические группы, на наш взгляд, составляют общий культурно-исторический пласт, охватывающий широкий хронологический диапазон. Присутствие в одном комплексе Федоровской, поздне-срубной и валяковой керамики не случайно. С одной стороны, данный факт отражает сложные этно-культурные процессы, имевшие место в регионе (и во всей степной зоне) в эпоху поздней и, особенно, финальной бронзы. И в этом отношении поселение Ерзовка I не является "уникальным" памятником. В Поволжье известны стационарные комплексы, в которых названные виды керамики со-существуют в едином горизонте⁶. С другой стороны, в материале поселения Ерзовка I особенно отчетливо выражен процесс "размывания" срубного элемента в инокультурных (или стадияльных) новациях.

2. Если нижняя дата основного периода функционирования поселения не вызывает сомнений - XII - первая половина XI вв. до н.э., то верхняя хронологическая граница весьма аморфна. Наличие валяковой керамики, которую принято связывать с постсейминским хронологическим горизонтом, намечает временной ориентир - XI - IX вв. до н.э. В то же время присутствие вместе с валяковой т.н. "нурской" керамики и некоторых форм, типологически близких к савроматской керамике (рис.4.4,7), отодвигает верхнюю за пределы IX в. до н.э.

3. Здесь уместно отметить одну интереснейшую находку, сделанную при расчистке жилища 2 (слой 5). Речь идет о единственном металлическом изделии в обширной вещевой коллекции поселения - литой бронзовой конусовидной трубке с тремя парными рельефными ободками на концах и по середине (рис.4.17). Длина изделия - 6,0 см. Подобные предметы отсутствуют в материале погребальных и бытовых памятников срубной культуры Нижнего Поволжья. И до последнего времени не встречались в погребениях "переходного типа". В 1988 г. А.В.Лукашев исследовал на территории Калмыцкой АССР у пос.Озерный курган эпохи средней бронзы, в котором было обнаружено впускное погребение, отнесенное автором раскопок к памятникам "переходного типа"⁹. В широкой прямоугольной яме находился скелет человека, положенный на правый бок в полускорченном состоянии и ориентированный черепом на запад. Перед грудью погребенного лежала бронза

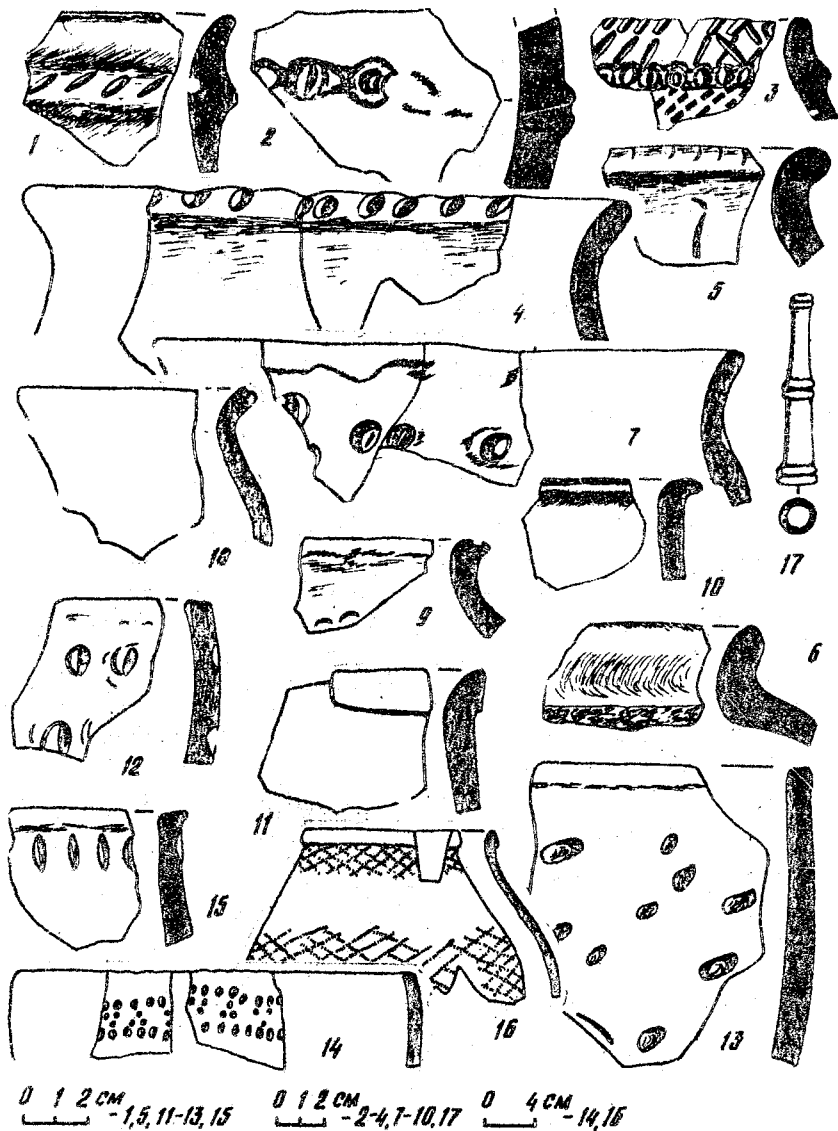

Рис 4. Поселение Врзовка I. I-16 - керамика; 17 - бронза

вая трубка, аналогичная найденной на поселении Ерзовка-I. Непосредственные аналоги этим изделиям имеются в рамбанабаньенских комплексах Болго-Камья, в частности, в материале Тетовского могильника, где "трубчатые привески" или "массивные трубчатые провисы" являлись элементами украшения головного убора⁹. А.Х.Халиков считает Тетовский могильник наиболее ранним ананьинским могильником, т.е. его следует датировать в рамках УИ - УІІ вв. до н.э.¹⁰

Таким образом, позднейшая дата поселения Ерзовка I и всего керамического комплекса устанавливается рамками ІХ-УІ вв. до н.э.

4. В достаточной степени обоснованной представляется выветившаяся линия синхронизации между "нурскими" памятниками, комплексами "переходного типа" и ранне-савроматским материалом¹¹. В определенной мере эта связь находит отражение и в материале поселения Ерзовка I.

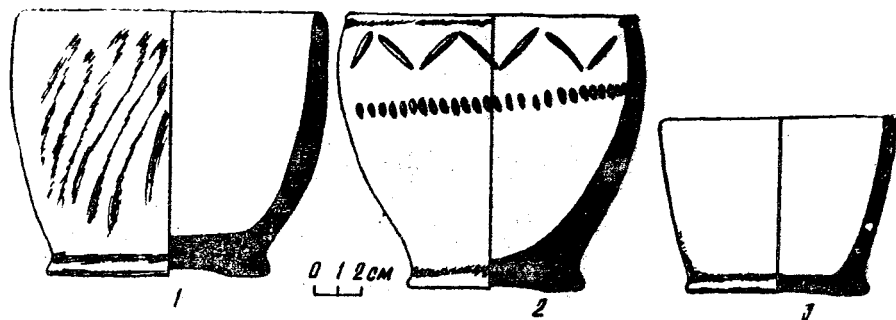

Рис.5. Сосуды из погребений поселения Ерзовка I

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Валлесте I. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК. 1952. Вып. 42.
- ² Итобе Г.Г. Применение методов почвенных исследований в археологии. С.М., 1959. № 4.
- ³ Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 66.
- ⁴ Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 28-59.
- ⁵ Аганов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в

- Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С.121.
- 6 Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения... С.113-136; Васильев И.Б. Раскопки курганов на р.Кондурче // Наш край. Куйбышев, 1975. Вып.2. С.30; Непочатых В.А. Следы восточных связей срубного и селения Саратовского Побережья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С.61, 62.
- 7 Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С.95.
- 8 Материал не опубликован, отчет хранится в научной библиотеке археологической лаборатории Волгградского университета.
- 9 Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (УШ-УП вв. до н.э.). М., 1977. С.30, 31, 59, 61.
- 10 Халиков А.Х. Волго-Камье... С.74.
- 11 Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА.М., 1989, № I. С.43.

Миронов В.Г.

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918-1953 ГОДАХ

Городецкая культура раннего железного века, занимавшая огромное пространство лесной и лесостепной зон Среднего и Нижнего Поволжья¹, относится к кругу специфических археологических культур с неустановленным обрядом погребений. Памятники её представлены поселениями (городища и селища) и местонахождениями основного этнокультурного определителя - псевдорогойной керамики.

Поскольку в [имеющихся] обобщающих исследованиях² история изучения памятников данной культуры освещена явно недостаточно и со значительными погрешностями в источниковедческой основе, в своё время нами была предпринята попытка дать более полный источниковедческо-историкографический обзор дореволюционного этапа их исследований³. Предлагаемый очерк является продолжением указанной темы и посвящён ретроспективно выделенному первому этапу⁴ изучения городецких поселений в советский период. Хронологические рамки его охватывают время от начала исследований памятников до выделения новой - городецкой - культуры в ряду других культур раннего железного века Европейской части СССР⁵.

Рассматриваемый этап в целом определяется дальнейшим накоплением материалов о памятниках "городецкого типа" как местным краеведами, так и специалистами центральных археологических учреждений: Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), Института истории материальной культуры (ИИМК), Центрального бюро краеведения (ЦБК), Государственного Исторического музея СССР (ГИМ) и т.д. Ретроспективно же выделяются исследования памятников по десятилетиям - с 20-х по начало 50-х годов.

Местные учреждения, преимущественно возникшие на базе дореволюционных губернских Учёных Архивных Комиссий (областные и республиканские музеи, Общества и Институты краеведения и т.п.), благодаря поддержке Советской власти получали возможность более масштабных, чем прежде, археологических исследований памятников и территорий. Руководили этими работами как бывшие члены Учёных Архивных Комиссий (почти все они приняли победу Октябрьской социалистической революции и встали на путь активного сотрудничества с Советской властью), так и новое поколение учёных, подготовленное в 20-30-е годы.

В данной статье обзор дается по выделенным нами регионам памятников городецкой культуры. Особое внимание уделяется неопубликованным полевым отчётам исследователей, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. И хотя в архивных материалах и в большей части публикаций того времени специально не рассматривались ключевые вопросы городецкой культуры (поскольку она ещё не была выделена), а именно: её этногенез, хронология, особенности материальной культуры по регионам, характер взаимоотношений с соседними синхронными культурами, этническая судьба и др., - всё же отдельные гипотезы их авторов по тем или иным проблемам в совокупности готовили почву для последующих обобщений и выводов. Все привлечённые источники просмотрены автором. Материалы из фондов Рязанского областного музея краеведения ввиду их исключительной важности даны в приложении.

Исследования памятников по регионам

Бассейн Средней Оки. Изучение памятников в 20-е гг. вло по двум направлениям. Во I-х, местные краеведы объединились на базе Рязанского областного Средне-Окского краеведческого музея (РОСОМ) в Общество исследователей Рязанского края (ОИРК), воспринявшее лучшие традиции прежней Рязанской Учёной Архивной Комиссии; кроме этого центра работали сотрудники Зарайского и Муромского районных краев-

ведческих музеев и просто отдельные любители археологии. Вся их работа сводилась в основном к выявлению памятников, наблюдению за их сохранностью, составлению археологической карты местности, редко - к небольшим по масштабам раскопкам. Полевое изучение городищ и селищ ведут в это время Ф.А.Данков, И.А.Китайцев, А.Ф.Фёдоров, П.П.Ефименко, А.В.Дмитриевская, Н.И.Лебедева, А.А.Мансуров¹⁰, Н.П.Мгличев¹¹, и другие. Материал о памятниках появился в местной периодической печати и краеведческой литературе¹². Во-2-х, в тесном сотрудничестве с местными краеведческими организациями стали действовать такие крупные археологические центры, как ГАИМК, ГИМ, ЦБК и другие. Широкие поисковые работы ведут в это время О.Н. Бадер¹³, В.А.Городцов¹⁴, Б.А.Куртин, Г.П.Гроздилов, П.Н.Третьяков, Н.И.Чернягин, П.П.Ефименко¹⁵. Значительные по тем временам раскопки были проведены на городищах Выигородском, Новосёлковском и Троице-Деленицком (Остролицком). Материал о них до сих пор использует специалисты.

В 30-е гг. изучение памятников продолжалось по тем же направлениям. Из рязанских исследователей можно отметить Н.В.Говорова¹⁶, А.А.Мансурова¹⁷, Н.Н.Милонова¹⁸, И.И.Проходцова¹⁹, из московских - О.Н. Бадера²⁰ и В.А.Городцова²¹. Сколько-нибудь значительных раскопок поселений в это время не отмечается. Некоторые итоги исследований 20-30-х гг., преимущественно картографического характера, были подведены в сводных работах А.А.Мансурова, П.П.Ефименко и П.Н.Третьякова²².

В 40-50-е гг. масштабы изучения городищ Средней Оки значительно снижаются. Можно отметить лишь рекогносцировочные разведки сотрудника Рязанского областного краеведческого музея В.И.Зубкова²³ и преподавателя Рязанского пединститута И.П.Милонова²⁴, а также руководителей отдельных археологических отрядов и экспедиций НИИК АН СССР А.В.Никитина²⁵ и А.Л.Монгайта²⁶. Последний основное внимание сосредоточил на славянском Старо-Рязанском городище, сохранившем кое-где на окраинах предшествующий городищный слой. Материал о памятниках в местной периодической печати редки²⁷. Итоги исследований городищных поселений за предыдущие годы были обобщены в статье А.Л.Монгайта²⁸, не потерявшей своей справочно-информативной ценности до настоящего времени. В частности, в ней были поставлены вопросы о генезисе культуры городищ, их хронологии и многие другие. Публикации А.Л.Монгайта заложили общее представление о специфике рязанских городищных поселений.

В бассейне Цны, притока Мокши, в 20-30-е гг. разведки городищ-

ких памятников вели директор Моршанского районного краеведческого музея П.П.Иванов²⁹ и отряды Мордовской экспедиции под руководством М.В.Воеводского и А.Е.Алиховой³⁰. На Нижней Оке в пределах Рязанской области в 40-е гг. отдельные памятники обследовались Н.П.Никоновым³¹ и В.И.Зубковым.³² Материалы исследований пинских памятников (в 50-е гг. выявления их практически не было) остались до сегодняшнего дня не опубликованными.

В бассейне собственно Мокши в 20-е гг. некоторые городишки поселения обследовали А.А.Кротков³³, Б.С.Жуков³⁴ и Н.В.Говоров³⁵.

В предвоенные годы, преимущественно на территории Мордовской АССР, памятники раннего железного века изучались А.Е.Алиховой³⁶, Е.И.Горюновой³⁷ и П.Д.Степановым.³⁸ В научный оборот был введен ценный материал раскопок Теньгушевского и Нароватовского городищ.

В 40-50-е гг. исследования здесь были продолжены П.Д.Степановым³⁹ отдельные памятники обследовались И.М.Корсаковым⁴⁰ и М.Е.Фосс⁴¹. Раскапывались Итяковское, Каргашиновское, Павское и другие городища.

Материал памятников бассейна Мокши в дальнейшем был обобщен в сводных работах А.Е.Алиховой, Е.И.Горюновой и П.Д.Степановым.⁴² Всё более ясной для исследователей становилась связь мордовских поселений с городишками памятниками сопредельных территорий,

На Нижней Оке в 20-е гг. выявляли городишки поселения муромские краеведы И.П.Гусев и Ф.Н.Селезнев.⁴³ Отряд О.Н.Бадера в составе Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ МГУ) провел небольшие по масштабам раскопки Кондраковского городища⁴⁴.

В 30-е гг. разведочные работы здесь продолжили сотрудники местных краеведческих музеев: Дзержинского - Б.А.Сафонов и Муромского - И.П.Богатов.⁴⁵ Руководивший разведочным отрядом Окской экспедиции студент Института краеведческой и музейной работы при Наркомпросе РСФСР (НИИКИМР) Ю.П.Медведев выявил и осмотрел несколько городищ и селищ с городищенским слоем по берегам Оки.⁴⁶

В 40-50-е гг. рекогносцировочные разведки берегов Оки провели Б.А.Сафонов⁴⁷ и В.Ф.Черников.⁴⁸ Выявленные на Нижней Оке памятники не получили должного освещения в литературе.⁴⁹

В Марийско-Чувашском и Горьковском Поволжье с преимущественным обследованием правого берега Волги в 20-е гг. довольно широкие по тем временам работы развернула Средне-Волжская экспедиция ГАИМК. Отряды П.П.Ефименко⁵⁰ и Е.И.Горюновой⁵¹ обследовали ряд памятников с городищевой керамикой; раскапывались городища Копань и Малахай. Разведки местных музеев в те годы не отличались качеством.⁵²

Чувашская экспедиция в 30-е гг. продолжила эти исследования, и их обобщенные результаты получили отражение в монографиях по древнему прошлому марийского и чувашского народов у А.П.Смирнова⁵³ и П.Н.Третьякова⁵⁴.

На территории Горьковского Поволжья в 30-40-е гг. проводились только разведочные работы, однако, исследования В.А.Тихомировой и В.А.Сафьянова⁵⁵ остались неопубликованными.

В начале 50-х гг. Марийский научно-исследовательский институт языка литературы и истории совместно с Республиканским музеем организовал Марийскую археологическую экспедицию. Руководившая ею Р.В.Чубарова провела обследование ряда правобережных поволжских городов в связи с киевских слоев с городоцкой керамикой⁵⁶.

В бассейне Суры в начале 20-х гг. отдельные памятники были зафиксированы в пензенских сводках А.К.Хвоцева⁵⁷ и А.А.Спицына⁵⁸. В конце 20-х гг. количество их значительно увеличилось благодаря работам АКЭ МГУ, Средне-Волжской экспедиции ГАИМК-ГИМ и экспедиция Саратовского областного музея краеведения. Поселения с городоцким слоем открывались и обследовались М.В.Воеводским⁵⁹, П.П.Ефименко⁶⁰, П.Н.Третьяковым⁶¹ и П.С.Рыковым⁶². Широких раскопок не было, но уже тогда становилась ясной хронологическая contemporaneity памятников Нижней и Верхней Суры.

В 30-е гг. исследования здесь были свернуты, но материалы предыдущих лет изучения легли в основу монографических работ по этногенезу народов Поволжья А.П.Смирнова⁶³ и П.С.Рыкова⁶⁴. В рецензиях на популярный очерк П.С.Рыкова по истории мордвы М.Куликовский⁶⁵ и Е.Дейбович⁶⁶ не могли не обратить внимания на принципиальный тезис автора о том, что истоки древнемордовской культуры могильников следует искать в предшествующих памятниках и культурах раннего железного века на данной территории.

В 40-50-е гг. обследование памятников бассейна р.Суры в пределах Мордовской и Чувашской АССР возобновил П.Д.Степанов⁶⁷, итоги их были частично отражены в его сводке⁶⁸.

Правобережные районы Среднего Поволжья. На территории Татарской АССР отдельные памятники с городоцкой керамикой были выявлены только в 40-е гг. разведками Н.Ф.Калинина⁶⁹.

В Куйбышевской и Ульяновской областях в 20-е гг. ряд поселений с псевдорогожной керамикой был открыт и обследован экспедициями Самарского университета под руководством В.В.Гольмстен⁷⁰, ею же сделана первая попытка исторических обобщений по керамике изученных памятников⁷¹.

В 30-е гг. в связи с подготовительными работами в зоне будущей Куйбышевской ГЭС ряд городецких памятников был открыт и обследован отрядами ИИМК под руководством А.В.Збруевой⁷², Г.П.Гроздилова⁷³ и Н.Ф.Калинина⁷⁴. Работок почти не было.

В 40-е гг. исследования городецких поселений здесь не производились, и только в начале 50-х гг. в связи с возобновлением работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС отдельные городища Самарской Луки осматривались А.Е.Алиховой, А.В.Збруевой и И.В.Трубицкой⁷⁵.

В Нижнем (Саратовском) Поволжье, включая бассейн притоков Дона, изучение отдельных памятников с псевдорогожной керамикой в 20-е гг. вели бывшие члены местной Учёной Архивной Комиссии Б.В.Райковский, А.А.Кротков, В.Ф.Орехов⁷⁶, С.Н.Чернов, П.И.Шилкин и другие⁷⁷. Общее руководство ими на первых порах осуществляло возникшее на базе Саратовской УАК Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), затем - Саратовский университет, Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК, Краевой институт изучения Нижне-Волжской области (КИИВНО) и, наконец, Нижне-Волжский институт краеведения (НВИК); все эти учреждения тесно сотрудничали с Саратовским областным музеем краеведения (СОМК). Некоторые памятники были осмотрены профессором СГУ Ф.В.Баллодом⁷⁸ вместе с Б.В.Зайковским, но исключительно большая роль в организации целенаправленного археологического изучения Нижнего Поволжья, в том числе и интересующих нас памятников, в 20-30-е гг. принадлежит профессору СГУ П.С.Рыкову и его ученикам: Н.К.Арзгтову, А.Н.Кушевой, Т.М.Мингезой, П.В.Свищину, П.Д.Степанову. В ходе их разведок были открыты новые поселения городецких племён, стационарно раскапывались Алексеевское (Саратовское) и Чардымское I городища. Кстати, именно с тех пор Чардымское I городище неправомерно стало восприниматься исследователями как эталонный для Нижнего Поволжья городецкий памятник. В архиве Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР имеются полевые отчёты⁷⁹, а в местной и центральной печати - публикации как по отдельным памятникам, так и по некоторым вопросам городецкой проблематики в целом⁸⁰. П.С.Рыков в своих работах с позиций археологической науки того времени, отталкиваясь от принципов автохтонности, пытался осмыслить генезис поволжских финно-угорских племён от культур эпохи поздней бронзы, основные направления их хозяйственной деятельности и культуры, датировку памятников и т.д.; воззрения его во многом определили последующую интерпретацию городецких памятников Поволжья. Из работ 20-х гг. можно выделить сводку А.А.Спицына⁸¹ и статьи Н.К.Арзгтова о характере псевдорогожной керамики⁸²; из работ 30-х гг. - программ-

ную публикацию П.С.Рыковым материалов Чардымского I городища⁸³ и его монографию по истории Нижнего Поволжья⁸⁴. В последних работах изложена суть воззрений П.С.Рыкова на происхождение и значение городецких памятников.

В 40-50-е гг. масштаб изучения городецких поселений резко снизился, выявлением и осмотром их занимаются только П.Д.Степанов и И.В.Смирницкий⁸⁵.

Этим, пожалуй, и исчерпывается изучение городецких памятников в довоенное и первое послевоенное время. Предварительное их изучение дало возможность исследователям ставить вопросы о роли городецких племён в этнических процессах в Поволжье. Этому, например, посвящён ряд исследований А.П.Смирнова по истории волжских булгар⁸⁶ древних марийцев⁸⁷ и чуваш⁸⁸; работ Н.Ф.Калинина по истории татар⁸⁹ П.Н.Третьякова - по истории народов Среднего Поволжья.⁹⁰ А.Д.Монгайт в рецензии⁹¹ на работу А.П.Смирнова "Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья" дал положительную оценку автору по таким ключевым проблемам, как хронология городецких памятников, их генетическая связь с могильниками, генезис их от памятников эпохи Бронзы и неолита. Для того времени выводы эти не вызвали сомнения. Как и П.С.Рыков, Д.Н.Третьяков и А.П.Смирнов привлекали материалы поселений с псевдорогожкой керамикой для выяснения вопроса происхождения городецких племён, конкретного вклада последних в культуру других этносов Поволжья, пытались выявить особенности локальных вариантов материальной культуры и т.д. и т.п.

Накопление фактического материала по городецким памятникам (см. табл.) поставило на повестку дня необходимость более чёткого и широкого обобщения его и на этой основе - выделения и обоснования городецкой культуры раннего железного века Восточной Европы, чего до сих пор сделано не было. Эту задачу взяла на себя Н.В.Трубинкова, но это уже следующий этап, чему будет посвящена очередная публикация.

Приложение

Архивные источники о городецких памятниках

Дела из научного архива Рязанского обл.краеведческого музея:

№ 479. Бадер О.Н. Дневник палеоэтнологического обследования реки Прони в июне 1926 года.

№ 410. Говоров Н.В. Предварительный отчёт об исследованиях летом 1930 года.

Состояние изученности памятников городецкой культуры
по регионам их распространения к 1953 году

Регионы по бассейнам рек	Выявлено и обследовано				Общее количество памятников и % их выявления	
	к 1918 году		к 1953 году		Горо- дищ	Селищ и место- нахож- дений кера- мики
Горо- дищ	Селищ и место- нахож- дений кера- мики	Горо- дищ	Селищ и место- нахож- дений кера- мики	Горо- дищ		
Средняя Ока	42	21	25	7	67(37)	28(35)
Нижняя Ока	2		15	10	17(88)	10(100)
Мокша и Цна	22		6	16	28(21)	16(100)
Нижняя Волга (с дигулями)	31	4	6	5	37(16)	9(56)
Средняя Волга (включая Суру)	5		17	4	22(77)	4(100)
Верхний Дон (с притоками) (*)	3		2	11	5(40)	11(100)
Итого:	105	25	71	53	176(40)	78(68)

*О памятниках Подонья см.: С.А.М., 1976, № 2.С.17-32.

№ 411. Говоров Н.В. Обследование археологических памятников у сел Шумош, Дубровичи и Алканово.

№ 417. Говоров Н.В. Предварительный отчет о поездке в Кадомский район.

№ 665. Говоров Н.В. Предварительный отчет об археологических исследованиях в 1932 году. Л.37-56.

№ 152. Городцов В.А. Дневник археологических раскопок Старо-рязанского городища в 1926 году.

№ 1279. Городцов В.А. Дневник раскопок 1939 года в селе Борки и на Канищевском городище.

№ 34. Ефименко П.П. Дневник раскопок П.П.Ефименко в 1920 году 17-31 августа в окрестностях с.Вышгород, Рязанской губернии и уезда. Опись предметов древности, добытых П.П.Ефименко в 1920 г. из раскопок в Рязанской губернии.

№ 677. Ефименко П.П., Третьяков П.Н., Чернягин Н.Н., Гроздилов Г.П. Материалы по археологическому обследованию долины реки Оки.

№ 1472. Зубков В.И. Отчет о разведках археологических памятников на территории Рязанской области в 1949 году.

№ 1573. Зубков В.И. Археологические разведки в Ерахтурском районе.

№ 1574. Зубков В.И. Исследование памятников культуры в Мервинском районе Рязанской области в 1950 году.

- № 1576. Зубков В.И. Археологические разведки в Солотчинском районе.
- № 1577. Зубков В.И. Экскурсия по берегам Оки.
- № 1578. Зубков В.И. Памятники культуры в Шелуховском районе.
- № 1579. Зубков В.И. Памятники культуры в Шиловском районе.
- № 1580. Зубков В.И. Археологическая карта Рязанской области.
- № 12. Лебедева Н.И. Инвентарная опись археологического отдела Рязанского музея.
- № 615. Лебедева Н.И. Стоянка у озера Подборное близ Касимова. (Дневник раскопок).
- № 184. Лебедева Н.И. Отчёт об археологических работах в Рязанской губернии летом 1925 года.
- № 237. Лебедева Н.И. Археологическая карта Рязанской губернии.
- № 306. Мансуров А.А. Разведки по нижнему течению реки Прони.
- № 309. Мансуров А.А., Милонов Н.П. Разведки по среднему течению реки Прони.
- № 557. Мансуров А.А. Отчёт об археологических разведках по Верхней Прове за лето 1930 года.
- № 647. Мансуров А.А. Результаты археологических обследований в окрестностях г. Касимова летом 1932 года.
- № 2554. Мансуров А.А. Археологические памятники по реке Прове (от Пронска до устья).
- № 905. Мансуров А.А. Список археологических памятников, находящихся на территории Рязанского края (бассейн Средней Оки), по номерам листов Основной топографической карты СССР.
- № 308. Милонов Н.П. Отчёт о палеонтологических исследованиях (археологических раскопках) Пронского городища, осуществлённых летом 1929 года.
- № 1303. Милонов Н.П. Археологические, архивные и литературные данные по истории металлургии и о рудах в Окском и некоторых других районах Московской области.
- № 1374. Милонов Н.П. Дневник и описание турпохода по научные историко-археологических памятников близ г. Рязани 28-29 августа 1948 года.
- № 1417. Милонов Н.П. Историко-археологические исследования в Рязанской области за 30 лет (1917-1947 гг.).
- № 1513. Милонов Н.П. Отчёт об историко-археологической экспедиции кафедры истории СССР (Рязанского педагогического института), проведённой летом 1950 года.

№ 1448. Монгайт А.Л., Милонов Н.П. Исследование в Старой Рязани и Переяславле Рязанском в 1945-1946 гг.

№ 1292. Монгайт А.Л. Раскопки в Старой Рязани 10-19 августа 1945 года.

№ 1302. Монгайт А.Л. Предварительный отчет о раскопках в Старой Рязани 1946 года.

№ 1306. Монгайт А.Л. Отчет о раскопках в Старой Рязани.

№ 1307. Монгайт А.Л. Отчет о раскопках в Старой Рязани.

№ 1422. Монгайт А.Л. Дневник раскопок в Старой Рязани в 1948 г.

№ 1464. Монгайт А.Л. Предварительный отчет о раскопках в Старой Рязани в 1949 году.

№ 1488. Монгайт А.Л. Отчет об археологических раскопках в Старой Рязани в 1949 году.

№ 1837. Монгайт А.Л. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области.

№ 2663. Монгайт А.Л. Отчет о полевых работах Рязанской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР и Рязанского областного краеведческого музея.

№ 1099. Проходцов И.И. Дневник раскопок И.И.Проходцова и пионеров Юры Кубышкина и Славы Зубкова на Жемчужном бугре близ с.Борок 30 июля 1937 года.

2

Архив ДЮИА АН СССР. Полевые отчеты.Ф.2.Оп.1: Рязанский край

Бадер О.Н. Отчет о работах Окской археологической экспедиции в 1937 году.1937.Д.№ 194.Л.58-88.

Дмитриевская А.В. Отчет о раскопках Полецкого городища летом 1925 года. 1925.Д.№ 183.

Дмитриевская А.В. Описание вещей из раскопок Полецкого городища летом 1926 года.1926.Д.№ 127.

Дмитриевская А.В. Отчет о раскопках Полецкого городища близ д. Городища, Духовичской вол.,Зарайского уезда, Рязанской губ. летом 1926 года. 1927.Д.№ 171.

Ефименко П.П. Дневник раскопок П.П.Ефименко в 1920 году 17-31 августа в окрестностях с.Вышгород, Рязанской губернии и уезда. Описание предметов древности, добытых П.П.Ефименко в 1920 году из раскопок в Рязанской губернии. 1920.Д.№ 65.Л.:4-12, 72-74. Идентичный текст//НАРМ. Д.34.

Лебедева Н.И. Отчет об археологических работах летом 1923 года. 1923.Дело № 104.

Лебедева Н.И. Дневник рекогносцировок и раскопок в окрестностях

г.Касимова, Рязанской губернии, произведенных Н.И.Лебедевой летом 1924 года.1924.Д.№ 180.

Лебедева Н.И. Отчет и дневник рекогносцировок и раскопок в Рязанской губернии летом 1925 года.1925.Д.№ 209.Идентичный текст // НАРМ.Д.№ 184.

Мансуров А.А.Разведки по нижнему течению р.Прони. 1930.Д.№ 165. Д.33-53. Идентичный текст // НАРМ.Д.№ 306.

Мансуров А.А., Милонов Н.П. Разведки по среднему течению реки Прони 1930.Д.№ 165.Д.73-91. Идентичный текст // НАРМ.Д.№ 309.

Милонов Н.П. Археологические исследования в Скопинском (укрупнённом) уезде Рязанской губернии летом 1925 года. 1925.Д.№ 171. Д. 18-23.

Милонов Н.П. Отчёт об археологических исследованиях в Скопинском уезде Рязанской губернии, производившихся действительным членом Общества исследователей Рязанского края Н.П.Милоновым...1927. Д.№ 182.Д.4-14.

Милонов Н.П. Отчёт о палеоэтнологических исследованиях в Скопинском уезде Рязанской губернии, осуществлённых Н.П.Милоновым летом 1927 года...1927.Д.№ 182.Д.21-58.

Милонов Ч.П. Отчёт о палеоэтнологических исследованиях (археологических раскопках) Пронского городища, осуществлённых летом 1929 года. 1930.Д.№ 165.Д.6-32. Идентичный текст//НАРМ.Д.№ 308.

Милонов Н.П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. 1931.Д.№ 806.

Отчёт о полевых археологических исследованиях Института Истории материальной культуры за 1939 год // Архив ДИА.Ф.35.Оп.1.1939. Д.№ 80.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левенок В.П., Миронов В.Г.: К вопросу о новом районе городищ-кой культуры на Дону // СА.1976.№ 2.С.17-32 (карта).

² Смирнов А.П., Трубишкова Н.В. Городецкая культура // САИ.Д.1-14.№.,1965.

³ Миронов В.Г. Изучение городищных памятников Нижнего и Среднего Поволжья в дореволюционный период (историографический очерк). Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории // Проблемы отечественной и всеобщей истории Д.,1978.Вып.4. С.126-136.

⁴ Об этапах см.: Миронов В.Г. Памятники городищной культуры и проблема её локальных вариантов: Автореф.дис.... канд. ист.наук М., 1976.С.3-5.

Труоникова Н.В. Племена городецкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист.наук.М., 1951. Её же. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. М., 1953. Вып. XXII. С. 63-96. См. также: архив Института Археологии АН СССР (в дальнейшем - архив ИА АН СССР). Р.2.1953. Д. № 1053.

⁶ Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры ... С. 5-6.

⁷ См.: архив ЛОИА АН СССР. Ф.2. Оп.1. 1920. Д. № 65. Л. 4-12, 72-74 (то же - НАРМ. Д. № 34). Ефименко П.П. Летние работы 1922 года в Рязанской губернии // ВРязК. 1923. № 1. С. 12-13. Его же. Рязань и ее могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // МЭ., 1926. Том. 3. Вып. 1. С. 59-84.

⁸ Архив ЛОИА. Ф.2. Оп.1: 1925. Д. № 183; 1926. Д. № 127; 1927. Д. № 171.

Ирошников Н.В. Из деятельности Зарайского краевого музея за 1925-1926 гг. // Труды ЗарКМ. 1927. Вып. 1. С. 47-49.

⁹ Архив ЛОИА. Ф.2. Оп.1: 1923. Д. № 104. Л. 5-8; 1924. Д. № 180. Л. 6-9; 1925. Д. № 209. Л. 10-11. НАРМ - под № 184, 675. Лебедева Н.И. Городок у деревни Новосёлки, Рязанского уезда // ВРязК. 1924. № 4. С. 13-15. Её же. Современное состояние Вожской засеки // ВРязК. 1925. № 4. С. 1-13. Её же: Отчёт о летних работах 1924 года по археологии в окрестностях г. Касимова // ВРязК. 1925. № 1(5). С. 1-3.

¹⁰ НАРМ Д. под № 306, 309, 557. Архив ЛОИА. Ф.2. Оп.1. 1930. Д. 165. Л. 33-53, 73-91. Мансуров А.А. К восстановлению границ Касимовского кремля // ВРязК. 1924. № 3. Его же. Исследования Рязанской губернии за лето 1925 года // Наше хозяйство. 1925. № 10. С. 65-68. Его же. Описание рукописей этнологического архива. Вып. 1 // Труды ОИРК. Рязань, 1928. Вып. XV.

¹¹ Архив ЛОИА. Ф.2. Оп.1. 1925. Д. № 171. Л. 18-23, 1927. Д. № 182. Л. 4-14, 21-58, 1930. Д. 165. Л. 6-32. НАРМ. Д. № 308. Милонов Н.П. Археологические открытия в Пронске // Нит. 1927. № 49. С. 23. Его же. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии. (Районы течения рек Вёрды и Прони) // Труды ОИРК. 1928. Вып. XII. С. 1-16.

¹² Ковалёв М. Пещера Чортово Урочище // Рабочий клич. Рязань, 1924. № 163. Мансуров А.А. Загадки давно минувшего // Красный восход. Касимов, 1924. № 62. Его же. Прошлое нашего края. С раскопок Остролицкого городища // Рабочий клич. Рязань, 1926. № 194. См. также: Рязанский государственный областной музей. Путеводитель. Рязань, 1926. С. 28.

¹³ НАРМ. Д. № 479. Бадер О.Н. Краткий очерк археологических работ в довоенный период на Оке. Древности Восточной Европы. Сборник в честь А.П.Смирнова // МИА. М., 1969. № 169. С. 22-28. Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 253-323.

14. НАРМ. Д. № 152. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 431. Д. № 78. Гордцов В. А. Результаты археологических исследований Трище-Пеленицкого городища-холмища. в 1926 году // ИМ ГОСОМ. Рязань, 1930. Вып. 5.
15. НАРМ. Д. № 677.
16. НАРМ. Д. под № 410, 411, 417, 665.
17. НАРМ. Д. под № 647, 905, 2554. Архив ИА АН СССР. Ф. 5 (личный фонд А. А. Мансурова). Оп. I. д. под № I-24, 26. Мансуров А. А. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология). Часть I. Вып. I // Труды ОИРК. Рязань, 1930. Вып. XXXI. Его же. Описание рукописей этнологического архива. Вып. 3. Труды ОИРК. Рязань, 1930. Вып. XXXVI. Его же. Описание рукописей этнологического архива. Вып. 4. // Труды ОИРК. Рязань, 1930. Вып. XXXIX. Его же. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология). Часть 2. Вып. I. // Труды РязБК. Рязань, 1932. Вып. 5/46. Его же. Описание рукописей этнологического архива. Вып. 5. // Труды РязБК. Рязань, 1933. Вып. 7/48. Его же. Археологическая карта р. Прони // СА. М., 1937. IV. С. 211-238.
18. Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. I. 1931. Д. № 806.
19. НАРМ. Д. № 1099.
20. Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. I. 1937. Д. № 194. Д. 58-88. Бадер О. Н. Краткий очерк археологических работ... Мансуров А. А., Бадер О. Н. Археологическая карта окрестностей Касимова...
21. НАРМ. Д. № 1275.
22. Мансуров А. А. Археологическая карта р. Прони... Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам // СА. М., 1937. II. С. 39-58. Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМ. М., Л., 1935. Вып. 106. С. 97-180.
23. Архив ИА АН СССР. Р-1. 1950. Д. № 304. НАРМ. Д. под № 1573, 1574, 1576-1. 80.
24. Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. под № 2, 99, 128, 509. НАРМ. Д. под № 1303, 1374, 1417, 1513. Милонов Н. П. К изучению археологических памятников и истории сёл и городов Рязанской области (в помощь учителю-краеведу). Рязань, 1949. Его же. Основные источники и приёмы изучения истории сёл и городов Рязанской области. Рязань, 1950.
25. Архив ИА АН СССР. Р-1, 1948. Д. № 220. Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI-XVII вв. // МИА. М., 1955. № 44. С. 129-132.
26. НАРМ. Д. под № 1292, 1302, 1306, 1307, 1422, 1448, 1464, 1488. Архив ИА АН СССР. Р-1. 1950. Д. № 379. Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. // СА. Л.; М., 1953. XУШ. С. 151-189. Его же. Старая Рязань // МИА. М., 1955. № 49. Его же. Рязанская земля. М., 1961.

- 27 Кленов Л. О чём рассказывают раскопки// Большеви́стский путь. Касимов, 1949. № 137. Его же. Основание Касимова// Большеви́стский путь. Касимов, 1949. № 142.
- 28 Монгайт А. Л. Из истории населения ...
- 29 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. I. 1928. Д. № 131; 1929. Д. № 230; Ф. 35. Оп. I. 1939. Д. под № 40 и 257.
- 30 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. 1938. Д. № 84. Д. 16-20; 1939. Д. № 257.
- 31 НАРМ. Д. под № 1417 и 1515. Архив ИА АН СССР. Д. под № 4 и 509.
- 32 Архив ИА АН СССР. Р-Г. Д. № 304. НАРМ. Д. № 1472.
- 33 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. I. 1927. Д. № 183.
- 34 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. I. 1927. Д. № 113. Д. 35-39. Жуков Б. С. теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения гравитики// СЭ. Л., 1929. № I. С. 54-77.
- 35 НАРМ. Д. № 417.
- 36 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. 1938. Д. № 85. Алихова А. Е. Некоторые древние городища Мордовской АССР// Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 98-116.
- 37 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. 1939. Д. под № 25 и 25-а; 1940. Д. № 21. Горюнова Е. И. Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 году// КС ИИМК. 1940. Вып. У. С. 76-79. Её же. Теньгушевское городище. Результаты археологических исследований 1939 года// Записки МНИИ. 1947. Том. 9. История и археология. Саранск, С. 170-199. Положительную рецензию на последнюю публикацию см.: В. И. М., 1949. № 8. С. 138.
- 38 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. 1940. Д. № 34. Степанов П. Д. Краткий отчет о работе археологической экспедиции 1940 года// Записки МНИИСК. Саранск, 1941. Вып. 2. Его же. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940-1941 гг.// Записки МНИИЛИЭ. Саранск, 1946. Том. 6. С. 64-93. На слабый информативный уровень последней работы обратил внимание рецензент В. Пашуто. См.: В. И. М., 1949. № 8. С. 139.
- 39 Архив ИА АН СССР. Р-Г. Д. под № 68 и 454. Степанов П. Д. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940-1941 гг. Его же. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945-1949 гг.// УЗ СаратовПИ. Саратов, 1956. Вып. 22. С. 61-142. Его же. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья// МИА. М., 1962. № III. Труды ИАЭ. Том IV. С. 221-272. Его же. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н.э. - XVIII в. н.э.). Саранск, 1969.
- 40 Архив ИА АН СССР. Р-Г. Д. под № 457, 458, 459.

- 41 Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 647. Фосс М.Е. Поселения на дюне Ози-
женки // КС МИМК. 1959. № 75. С. 4-16.
- 42 Алихонч А.Е. Некоторые древние городища... Горюнова Е.И. Этни-
ческая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94. Сте-
панов П.Д. Материалы для археологической карты... Его же.. Археоло-
гические памятники на территории Мордовии...
- 43 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. № 166. Л. 27-28; 1925. Д. № 101; 1925.
Д. № 121. Л. 26-27. Селезнёв Ф.Я. Археологические исследования в окре-
стностях Мурома. Куль тура фминов Средней Оки. Материалы по изуче-
нию Владимирской губернии // Труды ВладимирГОМ. Владимир, 1926. Вып.
2. С. 36.
- 44 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. № 129. Л. 3-7; 1930. Д. № 128. Л. 6-9; 1937.
Д. 194. Л. 58-88. Бадер О.Н. Краткий очерк археологических работ...
- 45 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. № 14. Л. 3-41.
- 46 Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 1; 1939. Д. 154. Л. 3; 1939. Д. под № 84 и 84-а.
Бадер О.Н. краткий очерк археологических работ...
- 47 Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. под № 100, 250, 318, 442, 626.
- 48 Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 1990. Здесь имеются сведения и о рабо-
тах первых послевоенных лет.
- 49 Сафонов Б.А. Археологическая работа Дзержинского краеведческого
музея в 1940-1944 гг. // КС МИМК. 1947. ЖУП. С. 176-179.
- 50 НАРМ. Д. № 677. Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция 1926-1927
гг. // СТАИМК. Л., 1929. Том. 2. С. 166-167.
- 51 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. № 128. Л. 61-66; 1929. Д. № 129. Л. 43-44.
- 52 Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 108. Л. 5-6.
- 53 Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа § до монгольского
завоевания. Чебоксары, 1948. Его же. Археологические памятники на тер-
ритории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья.
Тольмодемьянск, 1949. Его же. Очерки древней и средневековой истории
народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. Гл. 2.
- 54 Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья.
Чебоксары, 1948.
- 55 Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 318.
- 56 Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. под № 540 и 1343. Асылбаев А. Краткие ито-
ги экспедиции МарНИИ 1952 года // УЗ МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1953.
Вып. 5. С. 281-282. Чубарова Р.В. Археологические памятники на терри-
тории Горно-Марийского района Марийской АССР // УЗ МарНИИЯЛИ. Йошкар-
Ола, 1953. Вып. У. Язык, литература, история. С. 177-196. Её же: Археоло-
гическая экспедиция МарНИИ 1952 года. (В публикации - 1953 года, но
это левая опечатка = В.М.). // УЗ МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1953. Вып. У.

С.285-291. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Железный век Марийского края // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1962. Том 2. С.7-187. Архипов Г.А. Городища первой половины I тыс. н.э. в Марийской АССР. Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. С.206-231.

⁵⁷ Хвоцев А.К. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922.

С.1-3.

⁵⁸ Спицын А.А. Древности Пензенской губернии // Труды ПОДБИК. Пенза, 1925. Вып.7. В рецензии на эту работу В.Ф.Смоляна (ИОАИЭКазанГУ.1925. Том 33. Вып.2-3.С.190-191.) интересующим нас памятникам не уделено должного внимания.

⁵⁹ Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1927.Д.№ 204; 1929.Д.№ 129. Л.25-28.

⁶⁰ Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1927.Д.№ 97.Л.2-4. Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция 1926-1927 гг.

⁶¹ Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1931.Д.№ 774.Д.3-6; 1932.Д.№ 253.Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья ...

⁶² Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1927.Д.187. Рыков П.С. (При участии Н.К.Арзютова и Т.М.Минаевой). Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928. Его же. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 году // Человек. 1928. № 2-4. С.278-279. Его же. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-27 гг. М., Саратов, 1929. С.12-13. Его же. Очерк по истории мордвы. По археологическим данным. М., 1933.

⁶³ Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа... Его же. Очерки древней и средневековой истории...

⁶⁴ Рыков П.С. Нижнее Поволжье по археологическим данным... Его же. Очерк по истории мордвы... Его же. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.

⁶⁵ См.: Советское государство, 1934. № 2. С.119-121.

⁶⁶ См.: Исторический сборник. 1934. Том.1. С.331-333.

⁶⁷ Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. под № 34, 68, 235, 340, 438, 454, 854.

⁶⁸ Степанов П.Д. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945-1949 гг...

⁶⁹ Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып.1. С.23-96. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФ АН СССР, Серия исторических наук. Казань, 1954.

⁷⁰ Архив ЛОИА.Ф.44. (фонд В.В.Гольмстен). Оп.1. Д. под № 1-4, 6, 9. Матвеева Г.И. Поселения раннего железного века на Самарской Луке (Самарская Лука в древности // КЗ. Куйбышев, 1975. Вып.3. С.93-104. Её же.

Изучение археологических памятников Куйбышевской области. Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сборник в честь Е.И.Медведева. Куйбышев, 1975.С. 5-21.

71 Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии.(2). Керемца древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень ОИИЭСамарГУ.1925. № 3.С.5-16. Её же. Археологические памятники Самарск и Луки // ТСА РАНИОН.М.,1928. IV.С.125-137.

72 Архив ЛОИА.Ф.35.Оп.1.1938.Д.№ 38.Л.2-29; Д. № 128. Л.2-13; Д.№ 206.Л.12-13.

73 Гроздяков Г.П. Лигульевский массив // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.М.,1936.С.147.

74 Калляни Н.Ф. Древнейшее поселение на территории Татарии...

75 Архив ИА АН СССР.Р-1.Д.№ 815.

76 Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1927.Д.№ 140.Л.23-29.

77 Более подробно об этом см.: Миронов В.Г. Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918-1977 гг. (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов,1989.С.106-122.

78 Баллод Ф.В. Приволжские "Помпеи". Опыт художественно-археологического исследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы. М. .,1923. В рецензии на эту работу Н.Н.Пальмова (НК.Астрахань, 1924. № 3. С.101-108) материалы раннего железного века на золотоординских памятниках не рассматриваются.

79 Архив ЛОИА.Ф.2.Оп.1.1922.Д.№ 87; 1923.Д. № 116;1925.Д.под № 99 и 204; 1927.Д.№ 187; 1928. Д.№ 154; 1929.Д.№ 189; 1931.Д.№ 795; 1932.Д.под № 128 и 253.

80 Арятов Н.К. К вопросу о так называемой "рогожной" керамике//Труды ИВОНОК.Саратов, 1926. Вып.35. Часть I.С.79-84. Его же. Древние финны Нижнего Поволжья // Листовка СГОМ, № 18. Саратов, 1928. Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижне-Волжской области// Труды ИВОНОК.Саратов, 1926. Вып.35.Часть I.С.41-49. Его же. К вопросу об экономических взаимоотношениях Нижнего Поволжья с древним миром// ИИ.Саратов, 1927.№ 5. С.90-101. Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923года// УЗ СГУ.1926. Том 3.Вып.3. С.35-51. Его же. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 году // Труды ОИАЭСаратК.1923. Вып.34.Часть I.С.3-19. Его же. Древние культуры Нижнего Поволжья // ИИ.Саратов, 1924. № 2.С.44-51. Его же. Археологическая экспедиция // ИИ.Саратов, 1924. № 3.С.83. Его же.Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Ураль-

- ском крае летом 1926 года (предварительный отчет) // ИКИИУВО.Саратов, 1926. Том I. С. 89-134. Его же. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // ИКИИУВО.Саратов, 1927. Том 2. С. 79-100. Его же. Культурно-исторические (археологические) экскурсии... Его же. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 году... Его же. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-1927 гг... Его же. Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году // ИСаратНВИК. 1929. Том 3. С. 129-155. Его же. Археологическая экспедиция по Хопру // СТАИМК. Л., 1931. № 8. С. 30-35. Его же. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 года // ИСаратНВИК. 1931. № 4. С. 49-79. Его же. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР // ИСаратНВИК. 1931. Том 4. С. 38-47. Его же. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье в 1917-1932 гг. (К 15-летию Октябрьской революции) // ИСаратНВИК. 1932. Том 5. С. 7-16. Его же. Чардымское городище // ИСаратНВИК. 1933. Том 6. С. 51-88. Его же. Очерк по истории мердвы... Его же. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам...
- 81 Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды ОИАЭСаратК. 1923. Вып. 34. Часть I. С. 32-38.
- 82 Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой "рогожной" керамике...
- 83 Рыков П.С. Чардымское городище...
- 84 Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья...
- 85 Архив ИА АН СССР. Р-1. д. 433. Синицын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 году // КС ИИМК. Саратов, 1947. ЖП. С. 173-175. Его же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КС ИИМК. Саратов, 1952. № 45. С. 72-73. Степанов П.Д. Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. I. Археологический сборник. С. 5-6.
- 86 Смирнов А.П. Очерки по истории волжских булгар // ВДИ. М., 1938. № 2(3). С. 99-112. Его же. Волжские булгары // Труды ГИМ. М., 1951. Вып. XIX.
- 87 Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР....
- 88 Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа... Его же. Очерки древней и средневековой истории...
- 89 Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии...
- 90 Трегьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья... Его же. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. М., 1941. № 5. Его же. Памятники древнейшей истории Чуваш-

ского Поволжья... Его же. Восточнославянские племена. М., 1953.
91 ВАН СССР. М., 1953. № 2. С. 101.

А. Д. Матюхин

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ I - IV ВВ. САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ (краткий обзор материала)

На сегодняшний день относительно хорошо изучены сарматские древности степной зоны Европейской части СССР, представленные подкурган-ными захоронениями и грунтовыми могильниками. На их фоне пограничные территории сарматского мира остаются как бы в "тени". Одним из таких регионов является лесостепное Правобережье Волги, до недавнего времени остававшееся "белым пятном" в отношении сарматских памятников, хотя в сопредельном регионе лесостепного Подонья они встречены уже в значительном количестве ¹

Проникновение сарматских племён в лесостепь не было случайным и выражало, вероятно, изменение политической обстановки в Северном Причерноморье и новой перегруппировки сил внутри кочевого общества. С другой стороны, через лесостепь, видимо, осуществлялись взаимные контакты сарматских и соседних оседлых племён лесной зоны, отразившиеся в материальной и духовной культурах двух обществ. Однако слабая изученность сарматских памятников региона не позволяет сейчас подойти к решению этих проблем.

Первым исследованием в регионе можно считать раскопки курганной группы из 176-ти насыпей, произведённые А. И. Волковым у с. Большая Дмитриевка Аткарского уезда Саратовской губернии. За два года работ (1887-1888) в группе им было исследовано 8 курганов, давших яркий разновременный материал. Единственное сарматское погребение кургана 96 выделялось западной ориентировкой скелета и большим количеством импортных вещей: бронзовые котелок-ведро, ковш, литое кольцо с изображением верблюдов и ряд других вещей ². Если Е. К. Максимов отнес данное захоронение к позднесарматскому времени, то В. П. Шилов, на основании глиняной посуды, датировал его средне-сарматским временем - концом I - началом II в. н.э. ³

В 1895 г. профессором А. А. Спициным был раскопан ряд позднесарматских погребений у с. Машевка на р. Аркадак ⁴. В конце 20-х - начале 30-х гг. полевые работы в Саратовском Правобережье проводили П. Д. Рау, Н. К. Арзютов, И. В. Сеницын, открывшие и исследовавшие ряд сарматских памятников у с. Каменка и Ершовка, у г. Аткарска ⁵. В 1966 г.

Е.К.Максимовым изучен курган варматского времени у с.Таптулино в Ртищевском районе ⁶Около 20-ти сарматских погребений Правобережья в последние годы раскопаны Н.М.Маловым, В.А. Дюпальным, Г.Д.Якубовским, С.И.Четвериковым и автором.

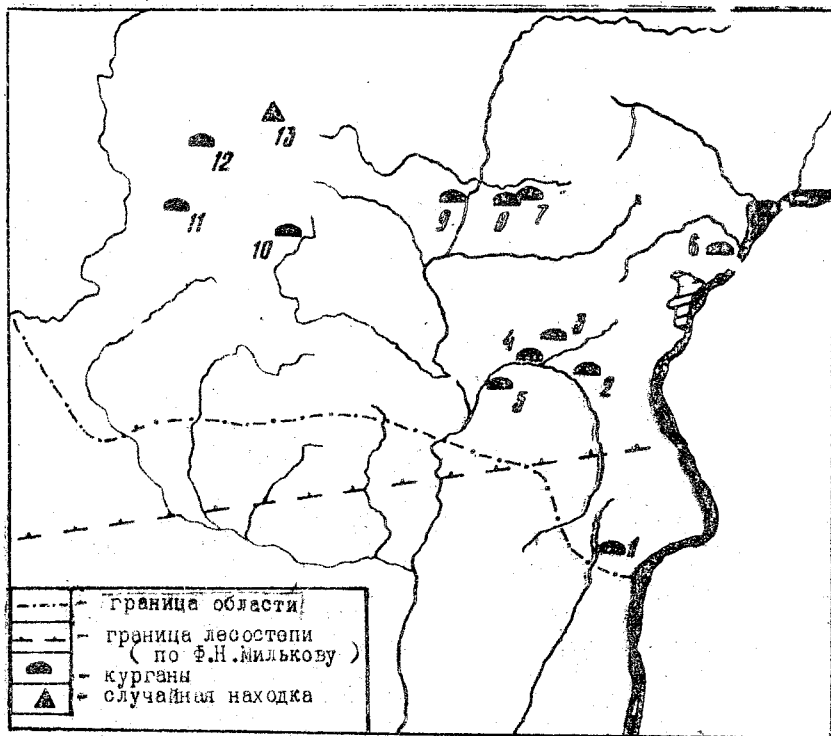

Рис. 1. Сарматские памятники Саратовского Правобережья: 1 - Каменка; 2 - Рыбушка; 3 - Двоенка; 4 - Большая Дмитриевка; 5 - Широкий Карамыш; 6 - Усть-Курдюм; 7 - Верхний Колышлей; 8 - Ершовка; 9 - Аткаря; 10 - Радужинка; 11 - Машевка; 12 - Таптулино; 13 - Елань

Настоящая работа ставит задачу систематизировать материал эпохи раннего железа Саратовского Правобережья, большая часть которого не опубликована.

Планиграфия сарматских комплексов в Правобережье классифицируется: 1) одиночными впускными погребениями (Широкий Карамыш, Усть-Курдюм); 2) сарматскими одиночными курганами (Двоенка, Таптулино); 3) сарматскими родовыми кладбищами (Рыбушка, Большая Дмитриевка,

Ершовка и др.). Последние, как правило, продолжают планиграфию могильников эпохи бронзы.

Курганы (8 - 20 м, при высоте 0,3 - 1,5 м) расположены на второй надпойменной террасе или на водораздельном участке. О первоначальной форме сарматских насыпей судить сложно вследствие их интенсивной распашки; лишь у немногих, задернованных зафиксирована округлая в плане насыпь.

В Саратовском Правобережье выявлено четыре основных типа могил: 1 - широкие подквадратные могилы; 2 - узко прямоугольные; 3 - подбойные, 4 - катакомба.

Широкие подквадратные могилы обнаружены в трех курганах у сс. Каменка и Рыбушка. В двух случаях погребенный лежал по диагонали, головой на Ю-З, в одном от умершего сохранился лишь череп у южной стенки могилы. Все погребения совершены под индивидуальной насыпью (рис. 3.12). Подобный тип захоронений широко известен в ранне- и среднесарматское время в Нижнем Поволжье ⁷.

Узкопрямоугольные могилы (21) являются ведущим типом сарматских захоронений в Саратовском Правобережье. Размеры могил колеблются в пределах от 1,50 до 2,20 м в длину и от 0,50 до 1,20 м в ширину при глубинах от 1,10 до 2,30 м от уровня современной поверхности. Ориентировка погребенных в южный сектор круга отмечена 14 раз (рис. 3.1; 16). В семи случаях умершие лежали головой на С и С-З (рис. 2.1; 3.4). В двух узкопрямоугольных могилах с восточной стороны имелся небольшой подбой с погребением ребенка. В одном случае в подбойнике находился глиняный кувшин (рис. 3.16) ⁸. Данный тип захоронения широко распространен в среднесарматское время, а в позднесарматское был одним из ведущих, постепенно вытесняя погребения в широких подквадратных могилах ⁹.

Подбойные захоронения (9) обнаружены в сарматских могильниках у сс. Ершовка, Верхний Кошлылей, Большая Дмитриевка (рис. 2.16, 3.2, 3.4; 2). В подавляющем большинстве имеют персональные насыпи. Подбой делался под одной из длинных стенок: в 7 случаях в западной и двух - в восточной стороне. Устье подбоя перекрывалось деревянным накатником. Южная ориентировка зафиксирована в погребениях Верхний Кошлылей 1 и 2; Усть-Курдюм 2/4, северная присутствовала в курганах Ершовки 1 и 2 и Большой Дмитриевки 5/1. В двух случаях погребения были полностью ограблены в древности. В захоронениях этого типа в большом количестве найдены кости животных. Подбойные захоронения становятся ведущим типом погребений в позднесарматское время ¹⁰.

Катакомба встречена однажды в кургане 24 у с. Большая Дмитриевка

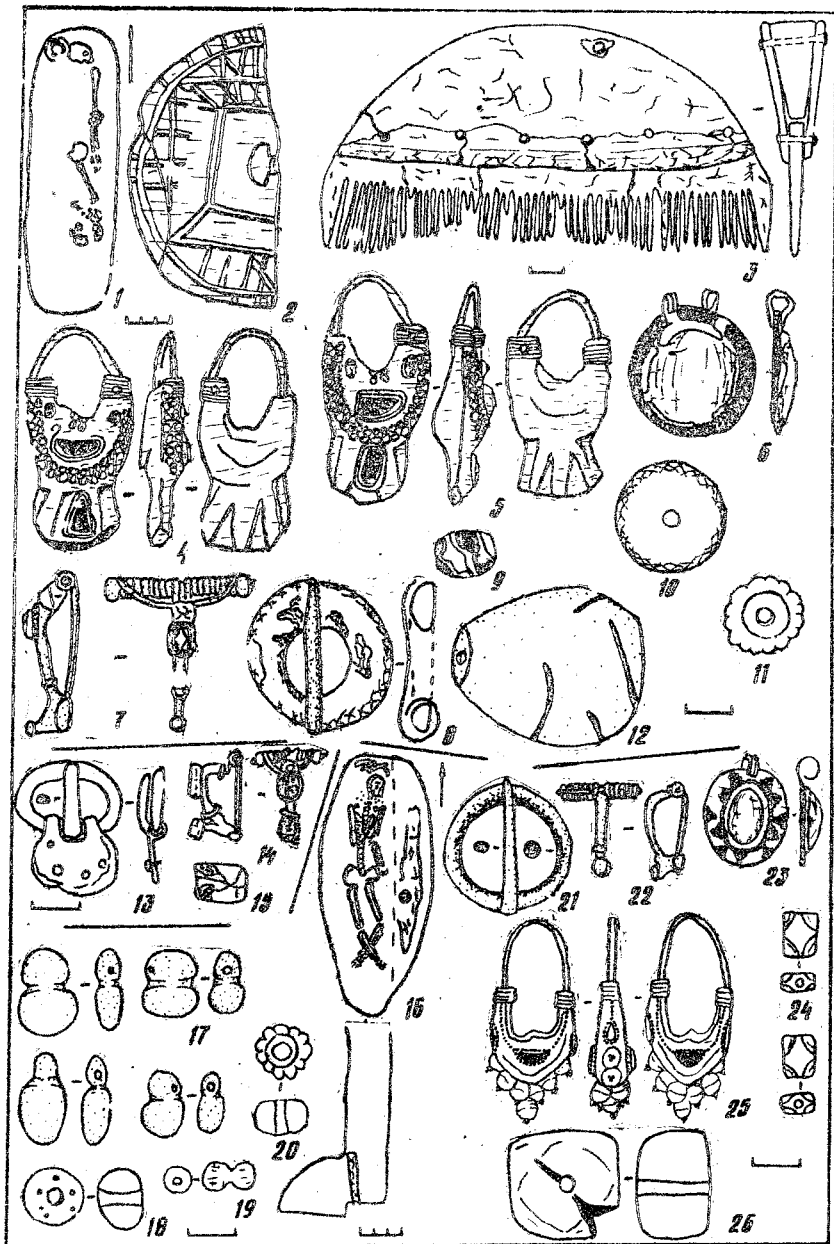
(рис. 4.8). Погребение ошло совершено под индивидуальной насыпью. Неходки данного типа захоронений в Нижнем Поволжье единичны. Все они выделяются обилием и богатством погребального инвентаря. В данном случае катакомба была полностью ограблена, остался только железный меч с халцедоновым навершием, спрятанный в туннике на краг могилы. Узкая входная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела три ступеньки, спускающиеся ко дну. В северной стенке устроен узкий корсткий лаз, заканчивающийся широкой подквадратной могилой.

В целом для захоронений в широких подквадратных могилах характерна южная ориентировка, в узкопрямоугольных эта ориентировка встречается в два раза чаще, чем северная. В подбойных погребениях южная и северная ориентировки примерно равны (4 к 3). Для подбойных захоронений характерно присутствие органических подстилок, а также мела или серы. Кроме того, захоронения с искусственной деформацией черепа встречены преимущественно в узкопрямоугольных и подбойных могилах с северной ориентировкой погребенных.

Среди погребального инвентаря найдены фибулы, зеркала, а также некоторые другие предметы, позволяющие относительно точно датировать анализируемые комплексы.

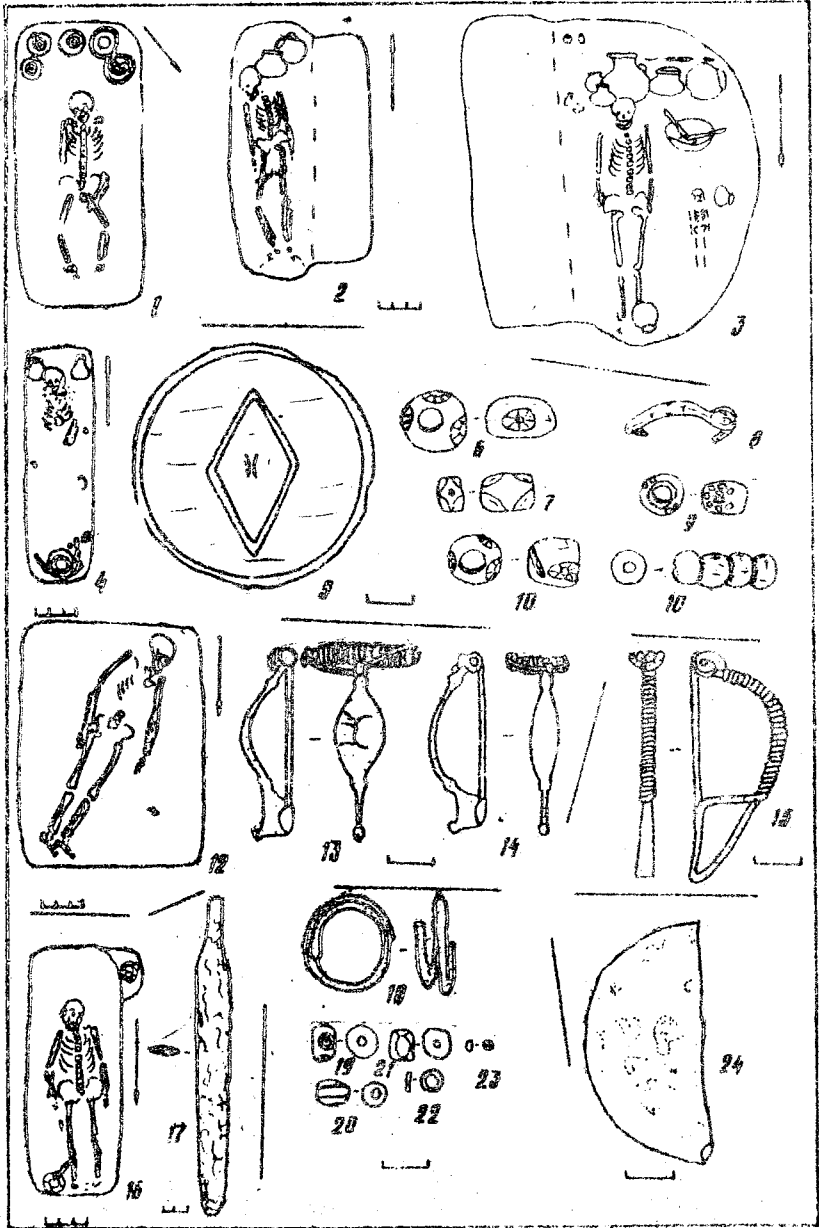
Фибулы в Саратовском Правобережье представлены двумя типами: сильнопрофилированными и лучковыми с подвижным приемником, которые встречены в восьми погребениях. Среди сильнопрофилированных выделяются три варианта ¹¹. 1. Две сильнопрофилированные фибулы с крючком для тетивы и длинной пластинчатой спинкой (Каменка 9/1) (рис. 3.13, 14). Данный вариант широкое распространение получает во II - III вв. н.э. в Северном Причерноморье ¹². 2. Сильнопрофилированная фибула с нижней тетивой и с короткой круглой спинкой (Большая Дмитриевка 5/1) (рис. 2.22). Ряд исследователей считают данный вариант северо-кавказским, поскольку большинство подобных фибул обнаружено именно там в III в. н.э. ¹³ 3. Сильнопрофилированная фибула с нижней тетивой и удлиненной круглой спинкой (Большая Дмитриевка 13/2) (рис. 2.7). на спинке фибулы имеется золотое гнездо со вставкой четырнадцатигранной сердоликовой бусины, являющейся, вероятно, позднейшей доработкой изделия. Аналогичные фибулы известны пока только в северном районе междуречья Волги и Дона (Котово, Новая Норка) ¹⁴. Ряд авторов считает данный вариант переходным между сильнопрофилированными фибулами с крючком для

Рис. 2. Сарматские комплексы из курганов у с. Большая Дмитриевка (1-12 - к. 13 п. 2; 13-15 - к. 1 п. 2; 16-26 - к. 3 п. 1)

тетивы и аналогичными с нижней тетивой и короткой круглой спиной ¹⁵.
Время распространения этого варианта - II в.н.э. Вероятно, еще одним
вариантом сильнопрофилированных фибул можно считать золотую фибулу
из разграбленного погребения (Большая Дмитриевка I/2) (рис.2.14).
Внешне она близка фибулам второго варианта, хотя и имеет весьма
существенные отличия: спинка короткая, колечко изогнутая, на место
бусы - две круглые плоские шайбы, приемник узкий, длинный. На мес-
те кнопки и на спинке фибулы установлены золотые гнезда со вставка-
ми красных полудрагоценных камней (гранат Ф). Найденная вместе с
фибулой серебряная пуговица с обойной позволяет датировать ее концом
III - началом IV в.н.э. К типу сильнопрофилированных мы относим также
железную фибулу из II Аткарского могильника ¹⁶. Тип 2 представлен
лучковыми фибулами с подвижным приемником. Выделяются два варианта.
1. Лучковая проволоочная одночленная фибула (Каменка 8/ I) (рис.3.
15). Характеризуется четырехвитковой пружиной и верхней тетивой. Но-
жка раскована, спинка обвита проволоочной обмоткой. Аналогичные встре-
чены в памятниках степной зоны Юго-Восточной Европы второй половины
II в.н.э. ¹⁷ 2. Двучленные лучковые бронзовые фибулы с рельефной но-
жкой найдены в курганах 4 и 6 у с.Машевка. Получают широкое распростра-
нение в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Поволжье во II - III вв.
н.э. ¹⁸ В целом фибулы Саратовского Правобережья появляются в кон-
це среднесарматского периода.

Зеркала представлены тремя типами: 1. Половинка плоского бронзо-
вого зеркала диаметром 7 см из Радужки (рис.3.24). Этот тип бытует
фактически во всех сарматских периодах и лишь в позднесарматское
время сменяется другими типами зеркал. Обнаружено в простой и не уз-
копрямоугольной, формы с юго-восточной ориентировкой умершего. 2.
Бронзовые зеркала с боковым ушком (Рыбушка 6/I; 24/I; Каменка 9/I).
Диаметр зеркал от 4,5 до 5 см, по краю проходит валик, в центре име-
ется коническая выпуклость, либо утолщение. Зеркала этого типа (IX
по А.М.Хазанову) появляются и распространяются в сарматских памят-
никах Заволжья в I - II вв.н.э. ¹⁹ 3. Зеркала с центральной петель-
кой (Аткарск IO/I; Большая Дмитриевка I3/2). Первое - бронзовое диа-
метром 5 см, по краю проходит рельефный валик, петелька окружена ре-
льефным ромбом (рис.3.5). У второго вокруг центральной петельки впи-
саны две квадраты с прерывающимися их и расходящимися во все стороны
радиальными лучами (рис.2.2.). Зеркала этого типа (X по А.М.Хазанову)
появляются на Нижней Волге в позднесарматский период и становятся
особенно популярными на территории Восточной Европы в раннем средне-
вековье. В Саратовском Правобережье эти зеркала в обоих случаях

найлены в узкопрямоугольных могилках с погребенными, лежащими головой на север и деформацией черепа. В захоронениях они находились вместе с сильнопрофилированными фбулами, что позволяет датировать эти комплексы второй половиной III в. н.э. ²¹

Самую многочисленную группу находок в женских погребениях составляют бусы, медаллоны и серьги. Среди бус выделяется большое количество стеклянных одноцветных (рис.2.18, 26). Определенный процент составляют бусы из янтаря (рис.2.12, 17), горного хрусталя (рис.2.10), сердолика (2.24), египетского фаянса (рис.2.11, 15, 20). Одни бусы имеют широкие хронологические рамки, появляясь ещё в раннесарматское время: пастовые, рубленый бисер, стеклянные бусы с внутренней позолотой (рис.2.19, 3.11, 20-23). В ряде погребений встречаются глазчатые бусы (рис.2.9, 3.6, 9, 10.19). Однако некоторые типы бус существовали на довольно ограниченном отрезке времени. Четырнадцатиградные сердоликовые бусы становятся популярными лишь со II в. н.э. ²² Со второй половины III в. и особенно в IV в. в Северном Причерноморье распространяются янтарные грибовидные подвески (рис.2.7) ²³ Часто в одном ожерелье присутствует сочетание бус из различных материалов: янтаря и стекла, сердолика и янтаря и т.д. Вероятно, бусы также выполняли сакральномагическую функцию оберегов своих владельцев, поскольку янтарю, горному хрусталю, сердолику и другим минералам приписывались свойства исцеления от всевозможных болезней ²⁴.

Золотые медаллоны найдены в двух погребениях (Большая Дмитриевка 5/1; 13/2). Первый - округлой формы со вставкой в центре овального темного полудрагоценного камня. Вокруг вставки напаяны мелкие шарики, образующие форму пирамидок вершинами вверх и вниз (рис.2.23). Медаллон занимал центральное положение в ожерелье из бус. Второй входил в ожерелье из 14-ти медаллонов округлой, прямоугольной и овальной формы. На медаллоне напаяны два ушка из тонкой золотой пластинки. Вставка овальной формы из красного полудрагоценного камня (сердолик). Инкрустирован тонкой золотой проволокой в несколько рядов в виде "елочки" (рис.2.6). Подобные украшения, являющиеся разновидностью полихромного стиля, хорошо известны в Северном Причерноморье в I-III вв. н.э. ²⁵

Рис.3. 1 - Таптулино; 2 - Ершовка к.1 п.1; 3 - Верхний Кошлялей к.1.п.1; 4-11 - Аткарси к.П п.1; 12-14 - Каменка к.9 п.1; 15 - Каменка к.8 п.1; 16-17 - Усть-Курдом к.2 п.11; 18 - 23 - Усть-Курдом к.2.п.5; 24 - Радушкина

Серьги представлены тремя экземплярами: 1. Бронзовая серьга из круглой бронзовой проволоки в 1,5 оборота (Усть-Курдюк 2/5) (рис. 3,18). 2. Золотые серьги - лунницы (Большая Дмитриевка-13/2) (рис. 2.45). Серьги состоят из двух половинок тонкого листа, полые внутри, заполненные серой массой. В нижней части имеется трапециевидный уступчик, лицевая сторона украшена вставками из полудрагоценных камней красного (сардолик) и синего (жазурит) цвета. Три вставки помещены в лунницу и одна - в центре уступчика. Гнезда для вставок обвиты тонкой золотой проволокой. Из нее же выполнен орнамент в виде "восьмерок", идущих по краю лунницы. 3. Золотые серьги - лунницы (Большая Дмитриевка 5/1) (рис. 2.25). В центре лунницы расположено полуовальное гнездо, заполненное мастикой белого цвета. Два гнезда со вставками красного стекла находятся с боков изделия. Вокруг центральной и боковых вставок напаяны мелкие золотые шарики, "усами" идущие к дужке. Обратная сторона орнаментирована так же. Снизу на лунницу напаяны в виде виноградных гроздей золотые шарики. Серьги-лунницы получают распространение в архаическое скифское время и продолжают существовать вплоть до раннего Средневековья. По многоцветию и перегруженности вставками первая из них близка подобным изделиям из погребений эпохи переселения народов (Покровск, Беляус) ²⁶. Вторая находит прямые аналогии с серьгами из Средней Азии и Северного Причерноморья ²⁷.

Пряжки в погребальных комплексах Саратовского Правобережья представлены четырьмя экземплярами. 1. Железная круглая пряжка с подвижным язычком (Машевка 4/4). 2. Бронзовая круглая пряжка с подвижным язычком (Большая Дмитриевка 5/1) (рис. 2.21). 3. Круглая пряжка из зеленого стекла с подвижным бронзовым язычком (Большая Дмитриевка 13/2) (рис. 2.8). 4. Серебряная пряжка с овальной дужкой и такой же обоймой (Большая Дмитриевка 1/2) (рис. 2.13). Если три первые имеют широкий хронологический и территориальный диапазон существования в рамках средне- и позднесарматского времени, то последняя получает распространение в конце III - начале IV вв. н.э. ²⁸

Костяной гребень изготовлен из нескольких пластин, скрепленных между собой железными штифтами. Форма спинки полуовальная. Длина 13 см, высота в наивысшей точке 6,5 см (Большая Дмитриевка 13/2) (рис. 2.3). Аналогии трехчастному одностороннему гребню (IВ₂ по классификации Г.Ф.Никитиной ²⁹) известны в городах Северного Причерноморья: в некрополях Пантикопея (II-IV вв.), Ольвии (III-IV вв.), в культурных слоях Танаиса (IV в.) ³⁰. Однако большинство подобных ³¹ гребней происходит из могильников черняховской культуры (III-IV вв.).

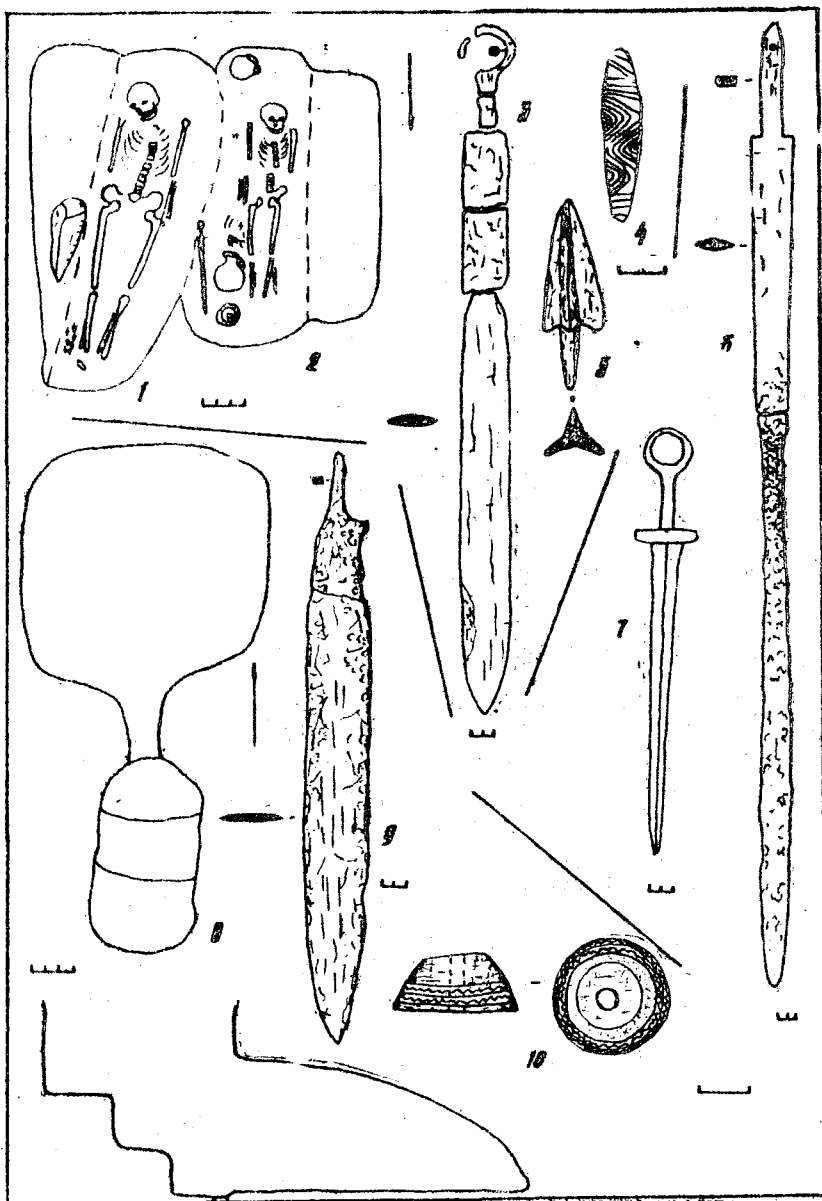

Рис. 4. 1-5 - Верхний Колышлей к.2 п.2; к.2 п.3; 6 - Двоенка; 7 - Елань; 8-10 - Большая Дмитриевка к.24 п.1

Вооружение. Находки оружия в Саратовском Правобережье относительно малочисленны. Связано это, вероятно, с тем, что большинство исследованных сарматских погребений здесь (по количеству украшений, предметов утвари и т.д.) можно интерпретировать как женские. Нами выделяются два вида оружия ближнего и дальнего боя. К первому относятся мечи и кинжалы, ко второму — наконечники стрел. Железные мечи и кинжалы представлены двумя типами: с кольцевым навершием и прямым перекрестием и вооружением без металлического навершия и перекрестия. 1. Мечи с кольцевым навершием. Железный меч данного типа находился в захоронении с подобным и клинкой ориентированной погребенного (Верхний Колышлей 2./2) (рис.4.3). Общая длина сохранившихся частей 58 см, ширина лезвия 4 см, сечение линзовидной формы. Перекрестие не сохранилось. Железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестием обнаружен случайно у с.Влань Ртищевского района (рис.4.7). К сожалению, об истинных размерах этого предмета вооружений судить трудно, поскольку позднейшей завожкой и шлифовкой изменены его параметры. Длина сохранившейся части 36,5 см. Мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием являются характерным оружием кочевых племен в среднесарматское время и в позднесарматское постепенно вытесняются мечами без металлических навершия и перекрестия ³². 2. Мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия. Длинный меч (102 см) найден в одиночном кургане у с.Двоевка. Длина клинка 90 см рукоятки 12 см (рис.4.6). Клинок переходит в рукоятку под прямым углом. На ручке имеется железный штифт для крепления деревянных накладок. Ширина лезвия 4 см, сечение линзовидное. Большинство исследователей считает данный тип распространенным в наиболее поздних сарматских комплексах ³³. Железный кинжал без навершия и перекрестия (Усть-Курдюм 2/II) (рис.3.17). Длина сохранившейся части 26,5 см. Чучка оружия плавно переходит в клинок, сечение линзовидной формы. Появляются аналогичные мечи и кинжалы еще в среднесарматское время, но особенно распространены лишь со II в.н.э. ³⁴ Железный меч с ручкой-штифом без перекрестия найден в тайнике на краю могилы (Большая Дмитриевка 24/I) (рис.9.10). Длина клинка 43 см, ручки 6 см, ширина лезвия 5 см, сечение лезвия плоское. Около рукоятки найдено халцедоновое, подтрапециевидной округлой формы, навершие. Орнаментировано красными и желтыми линиями. В целом железные мечи и кинжалы с навершием из халцедона, стекла, кости, алебаstra хоть и появляются в позднесарматское время, но в течение всего периода встречаются довольно редко ³⁵. Железные трехлопастные, с коротким черешком, наконечники стрел (Верхний Колышлей 2/I ; Рыбушка 10/I, 11/1) (рис.4.5). Длина

головки первого достигает 4 см, двух других - не превышает 1,5 см. Тип бытовал на протяжении всей сарматской культуры, но на позднем этапе сменяется стрелами с более крупной головкой.

Исследование сарматских комплексов позволило наметить два этапа проникновения кочевых племен в лесостепь. (Рамок статьи не позволяют рассматривать глиняную посуду, встречаемую в большинстве сарматских комплексов. Для анализа этой категории инвентаря необходимо специальное исследование.) Первый характеризуется погребениями в подквадратных и узкопрямоугольных могилах с южной, юго-западной, западной и юго-восточной ориентировкой умерших. В захоронениях присутствуют лучковые фибулы, зеркала с боковым ушком, круглые курительницы, гончарная посуда и вооружение среднесарматского времени. Позднесарматское влияние выразилось в погребальном инвентаре (зеркала с боковым ушком, квадратные курительницы, сероглиняные тарелки и другие предметы импорта). Наиболее ранним и хорошо датированным погребением этой группы является захоронение в кургане 96 у с. Большая Дмитриевка. Сюда же входят сарматские курганы Рыбушки, Усть-Курдюма, Машевки, Кривовки и ряда других комплексов. Хронологические рамки этапа - вторая половина I в. н. э. - начало II в. н. э. Начало его совпадает с новой перегруппировкой сил в Северном Причерноморье в результате сирако-аорокой войны и появления здесь аланских племён. Наверное, в связи с этими событиями часть сарматских племён была вынуждена отойти в более северные районы. Наличие большого количества кочевнических погребений I-II вв. н. э. на сопредельной территории лесостепного Подонья подтверждает эту гипотезу.³⁶ Видимо, сарматский напор приводит к постепенному вытеснению городецких племён с территории лесостепи во II в. н. э.³⁷ Второй этап следует за вторжением готских племён в Северное Причерноморье. Они разгромили целый ряд городов Боспора, в том числе такой важный экономический центр кочевников, как Танаис. Под давлением готских племён часть сарматского населения Северного Причерноморья перемещается в Запорожские степи и лесостепь Правобережья. Это нашло отражение в погребальном обряде: северная ориентировка умерших становится основной, подобой и узкопрямоугольные или - главенствующими - появляются катакомбы (Аткарск к. 11; Большая Дмитриевка к. 1, 6, 13, 24 и др.), чашечки погребенных носят следы искусственной деформации. Этот период характеризуется сильнопрофилированными фибулами, зеркалами с центральной петелькой, вооружением, типичным для позднесарматского времени. Постепенно исчезает сероглиняная посуда. Особенно в этом плане показателен сарматский комплекс из кургана 13 Больше-Дмитри-

евского могильника. В инвентаре погребенной полностью отсутствует глиняная посуда кавказского типа, зато встречено большое количество дорогих импортных вещей, среди которых выделяется западно-римская стеклянная фиала и черняховский трехсоставной гребень. Видимо, готское движение нарушило традиционные торгово-экономические связи сарматских племен в лесостепном Правобережье, вынудив их переориентировать и наладить торговые отношения с другими регионами.

Таким образом, наличие с дольных курганов и сарматских могильников в Саратовском Правобережье позволит отнести данный регион к ареалу распространения сарматских племен и включить лесостепную зону Нижнего Поволжья в границы кочевого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мелведев А. . . Сарматские памятники в лесостепном Подонье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- 2 Волков А. А. Большие-Дмитриевские курганы // Труды СУАК. 1888. Т. I. Вып. 3.
- 3 Максимов Е. К. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. М., 1957. № 4. С. 157; Шилов В. П. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. М., 1974. № 4. С. 252.
- 4 Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний в областях России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗРАО. СПб., 1896. Т. УШ. Вып. I и 2.
- 5 Спицын И. В. Сарматская культура Нижнего Поволжья // СА. М., 1946. Т. УШ; его же. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья // СНВКМ. Саратов, 1932; Арзатов Н. К. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. // ИВНИК. Саратов, 1936. Т. УП.
- 6 Максимов Е. К. Ртищевские курганы // КСИА. М., 1974. № 140.
- 7 Шилов В. П. Калининский курганный могильник // МИА. М., 1959. № 60. С. 454.
- 8 Материал находится в обработке у автора раскопок.
- 9 Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 67.
- 10 Там же. С. 61.
- 11 Варианты выделяются условно, для Саратовского Правобережья. Это разделение не противоречит основной классификации фибул, принятой в работах: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. М., 1966. Д 1-30; Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. М., 1977. № 2.

- 12 Амброз А.К. Указ.соч.С.41.
- 13 Там же. Табл.20.4.
- 14 Берхин И.П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. М.; Л., 1962. Вып. 2. С. 142-143.
- 15 Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА.М., 1989. № 3. С. 173.
- 16 Арзютов Н.К. Указ.соч.С.92.
- 17 Амброз А.К. Указ.соч. С.50.
- 18 Там же. Табл.22,3.
- 19 Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркала //СА.М., 1963. № 4.С.64.
- 20 Там же.С.65
- 21 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье ... С.52.
- 22 Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.М., 1989.С.202.
- 23 Античные государства Северного Причерноморья.М., 1984.С.239.
- 24 Чурсин Г.Ф. Амулеты и та-лсманы кавказских народов.Махачкада, 1929.С.19-22.
- 25 Берхин И.П. Указ.соч.С.141.
- 26 Синицын И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // ИВНИК.Саратов, 1936. Отдельный оттиск. С.81. Рис.10; Дешевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма//Древности Восточной Европы.М., 1969.С.56.Рис.3.1.
- 27 Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы.М., 1973.Вып.3.С.33-34; Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ.М. Л., 1962.Д.3-9.С.22-23.
- 28 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье.,С.53.
- 29 Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА.М., 1969. № 1. С.147.
- 30 Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья.М., 1986.С.176.Табл.13,6; Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.//ИАК.Спб., 1903. Вып.8.С.72.Рис.73; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э.М., 1972.С.322-323.
- 31 Могильники черняховской культуры.М., 1979.
- 32 Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья //Вооружение скифов и сарматов.Киев, 1984. С.142.
- 33 Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов.М., 1971.С.20.
- 34 Там же. С.18-21.
- 35 Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе "Четыре брата" на Нижнем Дону//Вопросы древней и средневековой археоло-

- логии Восточной Европы. М., 1978. С.74.
- ³⁶ Медведев А.П. Указ. соч. С.104-117.
- ³⁷ Миронов В.Г. Памятникигородецкой культуры и проблема её локальных вариантов: Автореф.дис. ... канд.ист.наук.М., 1976.

С.В.Ляхов

НОВЫЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САРАТОВСКОГО ЗАВОДЬЯ

За последнее десятилетие (1982-1990 гг) усилиями археологов Саратовского госуниверситета Лопатина В.А., Дремова И.И., Ляхова С.В., Юдина А.И.¹ получен новый золотоордынский материал, обнаруженный у сс. Мирный (Фриденберг) Ровенского района (МРН), Березовка (БРЗВ), Новопривольное (НВПРВЛ), Зауморье (ЗМР), Кочетное (КЧТН) Энгельсского района Саратовской области. В данной статье публикуется основная его ² часть - 21 комплекс.

Погребальный обряд анализировался методом, предложенным В.Ф.Генягом и В.А.Борзуновым.³ Кроме песчаной насыпи у с.Новопривольного, остальные памятники расположены на высоких террасах Волги (Березовка, Зауморье, Кочетное) и Крусяна(Мирный). Компактные группы насыпей, вытянутые с С на Ю, выявлены у МРН, ЗМР. Курганы МРН и БРЗВ находятся обособленно от памятников более ранних эпох (рис. 1,2;8,1). Разрушению подверглись только 3 комплекса. Все 14 курганов однотипны по своему сооружению и форме. Насыпь сложена из чернозема, форма округлая. Овальная форма отмечена только в к.12 ЗМР. Преобладают курганы с диаметром от 6 до 8 м и от 10 до 12 м, с наименьшим до 4 м. Высота колеблется от 0,03 до 0,39 м, преобладает 0,06 - 0,2 м. Так как насыпи курганов сосредоточены на склонах террас, то и высоты их не одинаковы по отношению к В и З, С и Ю, разница которых составляет 0,01-0,3 м.

Всего раскопано 15 памятников, 2 из которых содержали (НВПРВЛ, КЧТН) погребения различных эпох, остальные насыпи имели от 1 до 3 одновременных могил. Восемь курганов дали 1 захоронение (66,5% от 12 курганов); два кургана - 2 захоронения (17%); два кургана - 3 захоронения (17%). При вскрытии двух насыпей ЗМР не выявили захоронений: к.П содержал только фрагмент лепной керамики на уровне погребенной почвы, а к.13 - совершенно пустую яму. Их можно интерпретировать как кенотафы. Преобладают только одиночные погребения. Лишь однажды отмечено парное (БРЗВ).

Доминируют подпрямоугольные формы могильных ям, один раз зафиксирована трапециевидная (12/1 ЗМР). Конструкции ям распадаются следующим образом: простые - II (55% от 20 могил); простые с небольшими нишами по углам - 2 (10%); с заплечиками - 4 (20%); по разу - яма со ступенькой вдоль северной стенки (5%); с подбоем в северной стенке (5%) и со ступенькой вдоль южной стенки и нишей (5%).

Длина могильных ям колеблется от 1,1 до 2,8 м, ширина от 0,47 до 1,8 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,3-1,1 м (преобладает 0,45-0,56 м). Глубина от уровня материка 0,3-1,0 м: В большинстве случаев размеры могил зависят от роста умерших и от конструкции ям.

Ориентировка погребений прослежена во всех случаях. Здесь выявлены следующие признаки. По линии В-В - В раз (40% от 20 ям); ЮВ-СВ - Ю раз (50%); ЮВВ-СВВ-1 раз (5%); ЮВ-СВ - I раз (5%).

В 13 захоронениях (65% от 20 могил) обнаружены деревянные внутри-могильные конструкции, из них: гробы и их остатки - 3 (23% от 13 неогрabenных погребений); колоды - 3 (23%); рамы - 2 (15,5%), вкладыши - 3 (23%); остатки дерева - 2 (15,5%).

Остатки органических подстилок под скелетами зафиксированы в 4 могилах - 20% от 20 ям. В 10/2 ЗМР под черепом умершего обнаружен уголь.

Все умершие погребены по способу труположения.

Из 17 неразрушенных захоронений ориентировка скелетов отмечена в 16 погребениях (80%), из них: 3-8 раз (47% от 17 скелетов); ЮВ - 3 раза (18%); СВ - 4 раза (23%); ЮВ - I раз (6%); ЮВВ - I раз (6%). Анализ пола погребенных произведен предварительно. Выявлены взрослые и детские захоронения. Детских - 4 (24% от 17 скелетов.).

Преобладающая поза умерших - вытянута на спине - 17 (85% от 20 погребений); скорчены на левом боку - I (5%); неопределимо - 2 (10%).

В 10 случаях (58% от 17 скелетов) кости рук вытянуты вдоль корпуса; в 2 случаях (12%) левая согнута; в 2-х случаях (12%) правая согнута. Обе согнуты: левая кисть на тазе, правая на груди (6%); обе согнуты - кисти на тазе (6%). В 7/3 ЗМР руки вытянуты в левую сторону и скрещены между собой в районе локтей (6%).

Ноги умерших в 15 случаях (88%) вытянуты. По р у (6%) зафиксировано согнутое положение обеих ног. В погребенного в 7/2 ЗМР отсутствуют ступни ног.

Остатки трезн прослежены только в курганах ЗМР: следы кострищ (кк.7,10), кости животных (кк.7,8,10,12,14), керамика (кк.1, 8,10-12), железная мотыга (к.9), окатанный камень, необгоревшее дерево, охра (?) (и.12). Большая часть находок располагалась на уровне погребенной почвы, около могильных ям. В 12/2 ЗМР кости барана обнаружены

на груди умершего. Красная краска зафиксирована на тазе скелета в 7/1 ЗМР. В 4 могилах (7/1; 10/2,3; 12/2 ЗМР) под скелетами прослежены остатки кожи и шерсти. В 7/3 в надмогильном холмике обнаружено железное кресло.

Надмогильный холмик (светложелтая супесь) выявлен в 7/3 ЗМР. Форма прямоугольная, ориентирован по линии СВ-ЮЗ. Размеры немного больше могильной ямы.

В двух курганах обнаружены внутрикурганые сырцовые сооружения: вымостка (к.7 ЗМР и к.2 БРЗВ) и кладка над погребением 2 к.7 ЗМР. Вымостки в плане подквадратной (6 x 6,5 м) и полупрямоугольной (5,5 x 3,5 м) форм ориентированы по сторонам света. Центр вымостки к.7 имеет куполообразную форму. С южной стороны вымостки пристроена кладка прямоугольной формы (3,2 x 0,9 м), ориентированная по линии В-З. Эти сырцовые сооружения строились из кирпичей, уложенных от 1 до 4 рядов. Преобладают кирпичи квадратных и прямоугольных пропорций. Вымостка к.7 выложена темносерыми кирпичами, в к.2 кирпичами аналогичного цвета выложен только центр. Светло-желтыми кирпичами обложены внешние стороны вымостки к.2 и кладка в к.7. Аналогичные внутрикурганые сырцовые сооружения (УП тип по Г.А.Федорову-Давыдову) (5.С.120) известны в Н.Новоляе (4.С.122, Табл.10, С.162, рис.24), в Заурьяе (5.С.6, рис.24, 12-14), на Н.Дону (?). Ряд памятников (Великиллер I группы, к.4/7, С.9, Караул-обе I, к.1 5.С.46, рис.13, Зауморье, к.7) имеет характерную особенность - "маскировка могилы", - подмеченную Н.К.Араповым (8.С.9). Это смещение места захоронения по отношению к центру и под насыпь или в край вымостки.

Преобладающими категориями среди погребального инвентаря являются бытовые вещи и орудия труда. Оружие и конская упряжь единичны, что, вероятно, объясняется ограблением богатых мужских захоронений. Данное предположение подтверждается на примере к.12 и 14 ЗМР. Здесь при вскрытии двух погребений под одной насыпью, разрушены только мужские, тогда как женские, с большим количеством инвентаря, не тронуты. Более того, в запознании ограбленных могил обнаружена не только часть вооружения, но и дорогие вещи - серебряные дирхемы и серьга, бусы.

Местонахождение инвентаря прослеживается практически у всех частей скелета. В богатых захоронениях вещи концентрируются в основном у черепа, предплечья и голеностопов.

Среди бытовых вещей и орудий труда особенно многочисленны железные ножи, положенные как мужчинам, так и женщинам. Нож, как правило, выявлен с одной из сторон умершего. В 12/2 ЗМР нож найден у черепа (рис.5.2, Б), в п.36 (НБЛРВЛ) - между ног (рис.11,5).

В 3 погребениях железные кресала обнаружены у бедра (7/1 ЗМР) (рис. I, 4 Б), черепа (4/1 МРН) (рис. 9.2, 3), скелетов и в заполнении ямы (I 4/2 ЗМР).

Стандартные наборы вещей (зеркало, гребень, ножицы) встречены исключительно в женских погребениях, уложенные у черепа (10/2, 12/1, 14/1 ЗМР; 3/1, 4/1 МРН) (рис. 4.1, 5.3, 6.3, 8.3, 9.2). В минимальном количестве в этих же могилах представлены железное шило, свинцовое пряслице (грузик), раковины каури, бронзовые сальгамы, оставленные в тех местах, где их носили при жизни.

В мужских могилах (9/1, 10/1 ЗМР; 2/1 БРЗВ; ИВРВЛ) (рис. 2.5, Г; 3.2, Б; II, 5, Б) единичными экземплярами представлены железные струган, рыболовный крючок, гвозди, привески, кольцевое навершие платки, обнаруженные в основном в районе пояса и бедренных костей. Два бронзовых кольца найдены в районе груди и ног - 7/1 ЗМР (рис. I.4, Г). На одном из них сохранился белый органический тлен (холст?) (рис. I. Г).

Ткань (холст, шелк, парча) характерна для женских комплексов. Шелк и парча использовалась для пошива одежды и савана - 4/1 МРН (рис. 9.2). Холст практиковался для шитья мешочков, в которых хранились различные вещи.

Остатки кожи зафиксированы у погребенных различных полов. Кожа использовалась для изготовления обуви (7/1-3; 10/2-3 ЗМР) или чехлов-мешочков для вещей (10/1 ЗМР). В 9/1 ЗМР (рис. 2.5, Б) сохранилась плеточка (4 узелка), сплетенная из тонких кожаных ремешков.

Фрагменты гончарной красноглиняной керамики (рис. 2.1. Д. 4.5) обнаружены поверх правой кисти (7/2 ЗМР) и в заполнении ямы (12/1 ЗМР).

Берестяная коробочка для хранения бытовых вещей и украшений выявлена у черепа женщины - 4/1 МРН (рис. 9.2, В).

Среди предметов украшения наиболее многочисленны бусы и бисер, лежащие в районе груди, черепа и предплечий - 12/2; 14/1 ЗМР; 4/1 МРН (рис. 5.3, В; 6.3, Г; 9.2, И). Единичными экземплярами представлены жемчужины, серебряная бляшка, костяной медальон, белила и кусок мела, бронзовое с позолотой украшение - 7/2, 14/2 ЗМР; 4/1 МРН (рис. 2.1, А; 6.3, В, З, И; 9.2, Д, И, Ж). Бронзовое украшение состоит из двух вогнутых пластин, внутри которых обнаружен кусочек дерева и ткани. Форма дерева повторяет форму пластин. Серьги найдены в основном у черепа (10/2; 14/1 ЗМР; 3/1 МРН) (рис. 4.1, А; 6.3, И; 8.3, Б) и лишь однажды - в заполнении могилы 14/2 ЗМР. Интересен факт, отмеченный в 10/2 ЗМР, - бронзовое проволочное колечко, с заходящими концами,

надето на один из пальцев (рис.4.1.В). Возможно, это имитация перст.я.

Игральные кости (оварья альчики) лежали у бедра (10/1 ЗМР -рис. 3,2,В) и правого плеча (7/2 ЗМР - рис.2.1,А) подростков.

Предметы вооружения и конской упряжи сконцентрированы в 5 могилах. Больше всего предметов этой категории обнаружено в 2 женских погребениях. Это фрагмент от обобоострого клинка (3/1 МРН - рис. 8.3,Д), зрочные стремени, верхняя часть сабли (4/1 МРН - рис.9.2, К,Д). Их местонахождение - в районе голени, груди и плеча. В мужских могилах найдены: железные кинжал, черешок стрелы (?), пластина защитная (?), подпругные пряжки и кольца - 8/1; 12/1; 14/2 ЗМР.

В большинстве комплексов сохранились неопределенные кусочки железа. Кроме того, встречены вещи неясного предназначения - в заполнении на поверхности доски (12/2 ЗМР) и у бедра погребенного (9/1 ЗМР - рис.2.5,А).

Погребальный инвентарь. Ножи железные однолезвийные с утолщенной опичкой. На отдельных экземплярах сохранились деревянные рукояти. По характеру перехода от лезвия к черешку выделяется тип, по форме спинки-вид. Всего 9 экз. (рис.1,Б; 2,В; 3,А; 3: 4,Д; 5,Б; 9,Б; 11,Б) из них типологии поддаются 7. Первый тип - ножи с плавным переходом от лезвия к черешку. Длина клинка 11-15 см. Ширина лезвия практически равна ширине черенка. I вид - спинка слегка согнута. Пропорция длины лезвия к черешку 3:1 (рис.3.3). II вид - спинка прямая. Соединение лезвия и рукояти под тупым углом. Пр порция 3:2 (рис.1.В). Второй тип - ножи с четким уступом. На рукоять иногда одевалась бронзовая или костяная обжимочка. Черешок тонкий, плавно сужающийся к концу. Длина лезвия не более 10 см. I вид - спинка прямая. Пропорции 3:1; 4:1 (рис.3.А; 9,Б; 11,Б). II вид - спинка согнутая. Пропорции 3:1; 3:2 (рис.2.Б; 5,Б).

Ножницы железные шарнирные. На отдельных экземплярах видны остатки дерева и ткани. Всего 4 экз.(рис.4.Г; 5,Б; 7,Б;8В,Г) из них типологии поддаются 3. Все ножницы с отогнутыми скобами овально-каплевидной и округлой формы. По сечению лезвия выделяются виды. I вид - широкое лезвие (1,5 - 5 см) каплевидное в сечении. Длина изделий 19-21 см (рис.5,Б; 7,Б). II вид - тонкое лезвие (4мм) ромбическое сечение. Длина изделия 16,5 см (рис.4.Г). Аналогичные ножницы имеют широкий хронологический и территориальный диапазон. Фрагменты ножниц из 3/1 МРН близки к современному типу (Ш тип по Г.А.Федорову-Давыдову (4.С.84) датируемые ХІУ веком.

Кресала железные одно-двулезвийные, на некоторых видны остатки

дерева и ткани. Всего 4 экз. (рис. I.Б; 2.2; 7. II; 9.3). Из них типологии поддаются 3. Однолезвийное "калачевидное" с плохо выраженным внутренним треугольным выступом и с загнутыми наружу концами (рис. I.Б). Двухлезвийные кресала по форме и прорези выделяются в типы, которые совпадают с классификацией Г.А.Федорова-Давыдова (4.С.84). Тип I. Прямоугольное с прямоугольной прорезью (рис. 2.2). Тип II. Овальное с овальной прорезью (рис. 9.3). "Наиболее хронологически определенный предмет - кресало II типа, датируемое XIII-XV вв. (4.С.84).

Гребни деревянные трапециевидной формы - 2 экз. (рис. 5.Г; 9.Б). Одна из сторон имеет частые зубцы, другая - редкие. На их поверхности видны остатки ткани (рис. 5.Г) или геометрический орнамент (рис. 9.Б).

Привески железные сердцевидной формы, с верхней петлей - 5 экз. (рис. 3.Б). Передняя часть слегка выпукла, задняя прямая. На отдельных экземплярах зафиксированы остатки дерева.

Кольца бронзовые литые - 2 экз. (рис. I.Г). На одном имеется расширение в нижней части. Их диаметры 2,5 см.

Смьлганы бронзовые литые - 2 экз. (рис. 4.Б; 6.А). Форма круглая. Концы загнуты в спираль. Смьлгану 10/2 ЗМР (рис. 4.Б) имеет игловидный подвижный язычок. На поверхности ее приварена небольшая тонкая бронзовая пластина с точечным орнаментом, образующим concentрические круги. Диаметры изделия 25-34 мм.

Струган железный со слегка изогнутой спинкой и с двумя ручками (рис. 3.Г). На поверхности ручек видны следы дерева. Сечение лезвия каплевидное. Длина ручек 5,5-5,7 см, стругана - 23 см.

Крычок рыболовный железный, с петелькой на конце (рис. II.А). Отливается из прутка, квадратного в сечении.

Шило железное, квадратное в сечении, с длинной деревянной ручкой (рис. 9.Г).

Пряслице (грузик ?) свинцовое. Диаметр отверстия 0,5, пряслица 2,0 см (рис. 6.Б).

Гвозди железные 4-х гранные со шляпками от гробовища - 9 экз. Длина колеблется от 2,5 до 7 см.

Штифт железный со шляпкой. Диаметр шляпки 1,5 см, длина штифта 2 см (рис. 3.3).

Мотыга железная с трапециевидным обухом и треугольным отверстием (проухом), с оттянутой и глубокой втулкой. Лезвие слегка расширяется книзу. Рабочий край почти ровный. Длина мотыги 19,5 см, лезвия - 12,5 см. Глубина втулки 4,5 см (рис. 2.6). Проушные мотыги

(особый вариант I типа по С.М.Иовкову (9.С.221) по форме очень схожи с деревообрабатывающими орудиями-теслами, что создает сложность их разделения (Ю.С.53-51.Рис.ХУП.7). Аналогичные изделия известны из материалов Биляра, Средней Волги, Приуралья (9.С.18).

Игральные мости (бараньи альчики и лошадиная "баска") - 10 экз. На одном из альчиков просверлено отверстие, внутрь которого залит свинец (рис.2.Д).

Керамика гончарная краснаяглиняная. Черепок в изломе черно-серого цвета. Тесто глотное, хорошо отмучено, с примесью органики и мелкозернистого песка. Поверхность отдельных фрагментов покрыта ангобом или линейным орнаментом.

Из пяти зеркал одно серебряное, три бронзовых и одно бронзовое с серебряным напылением (рис.4.Б; 5.А; 7.Д; 8.А; 9.А). По форме зеркала разделяются на два типа. I тип - зеркала с ручками: 2 экз. бронзовых с боковой ручкой (рис.8.А; 9.А) и одно серебряное с ручкой-петелькой (рис.7.Д). Диаметр зеркал 7-7,5 см. Зеркало с петелькой, имеющее вертикальный бортик по краю, украшено цветочно-растительным орнаментом. Аналогичные зеркала известны в памятниках Поволжья (Ю.С.166, № 12; II.С.106.Рис.40.1) и Северного Кавказа (12.табл.С1Х), имеющие широкий хронологический диапазон. Зеркала с боковой ручкой имеют литой рельефный узор в виде трёх concentрических кругов по краю, шесть арками на внутреннем круге и шестилепестковой розеткой в центре (рис.8.А). Другое ornamentировано двумя наложенными друг на друга широкими розетками, concentрическим кругом и сферической шишечкой в центре. По краю проходит рельефный бортик (рис.9.А). Такие зеркала встречены в золотоордынских погребениях Поволжья (13.Ф.166) и Урала (5.С.35.Рис.И,19). II тип - зеркала без ручек - 2 экз. (рис.4.Б; 5.А). Диаметр зеркал 7,5-15 см. Половинка бронзового зеркала с серебряным напылением ornamentирована двумя concentрическими кругами по краю (рис.4.Б). Другое - без орнамента с утолщенным валиком по краю и сферической выпуклостью в центре. Последний экземпляр (А II по Г.А.Федорову-Давыдову.4.С.78) известен в материалах золотоордынского времени.

Серьги бронзовые и серебряные - 6 экз.(рис.4.А; 7.И; 8.Б; 7.2). Выделяются 3 типа. I тип - в виде знака вопроса - 3 экз: две серебряные (рис.7.И) и одна бронзовая (рис.8.Б). У серебряных, к односоставному стержню, перевитому тонкой проволокой, приварена бусина. У бронзовой на конце стержня имеются 3 бусины. Аналогичные украшения (VI б тип по Г.А.Федорову-Давыдову) являются характерным признаком золотоордынской эпохи (4.С.116). II тип - массивная серебряная

серьга, с плавно расширяющимся низом и с заостренными и несомкнутыми концами (рис.7.2). Один конец обломан в древности. Аналогичные изделия (IX тип по Г.А.Федорову-Давыдову) встречены в раннесредневековых памятниках (4.С.41), и их наличие в поздних памятниках может расцениваться как анахронизм. II тип - простая серебряная проволочная серьга с несомкнутыми концами (рис.4.А).

Бусы стеклянные, костяные и сердоликовая - 144 экз. Стеклянные бусы - 141 экз., из них: - цилиндрическо-квадратная, бочонковидная с золотым напылением, каплевидная с петелькой цвета морской волны, коническая светло-зелёная, веретеновидная с выступающими волнистыми линиями. По две - биконические, цвета морской волны, круглые глазчатые черного цвета, круглые с волнистой линией. Цилиндрическо-прямоугольной формы розового цвета - 4 экз. Бисер одно-двучастный и дисковидный белого и зелёного цветов - 120 экз. Костяные бусы - 2 экз. - цилиндрическо-прямоугольной формы. Сердоликовая бипирамидальная 6-гранная бусина (рис.6.Г; 7.10; 9.Н; 5.В). Три жемчужины (рис.6.3; 9.И), две из которых имеют пару сквозных отверстий (рис. 6.3).

Костяной медальон с заполированной внешней поверхностью (рис. 2.А). Отверстий или следов крепления на нем нет.

Нашивная бляшка серебряная в виде 5-лепесткового цветка (рис. 5.В). Выполнена из тонкого листа техникой выдавливания.

Бронзовое украшение с позолотой состоит из вогнутых пластин (рис. 7.Ж). Лицевая сторона пластины выгравирована сложными линиями, образующими растительный сюжет. В центре этой пластины имеется "гнездо" для установки камня или вставки из стекла. Сверху лицевой пластины приварены две петельки. Тыльная пластина, трапециевидной формы, орнаментирована с двух сторон выгравированными линиями. Внешняя сторона тыльной пластины орнаментирована вертикальными линиями, пространство между которыми заполнено сложным растительным сюжетом. По краю пластины проходят две ломаные линии, образующие ромбы. Внутренняя сторона тыльной пластины орнаментирована аналогичным способом, но в горизонтальной проекции. На этой пластине видны сквозные отверстия.

Стремена железные, арочные, с широкой подножкой - 2 экз. (рис. 10.1). Оба в обломках. Такие стремена (тип Д II по Г.А.Федорову-Давыдову) являются хронологическим репером XIII-XIV вв. (4.С.116).

Кинжал однолезвийный с изогнутой спинкой и железным перекрестием (рис.7.9). Рукоять тонкая, сужающаяся к концу.

Сабля (палаш ?) однолезвийная без перекрестия (рис.9.К). Ширина

лезвия 4 см. Длина деревянных обкладок 9 см.

Железный фрагмент от обоюдоострого клинка в сечении линзовидного (рис.8.Д). Ширина лезвия 4,5 см.

Черешок от стрелы (?) (рис.4.4). Сечение круглое. Его длина 4,5 см.

Пластина защитная (?), железная, прямоугольная, с закругленной стороной (рис.7.1). С внутренней стороны не годится петля-втулка.

Кольцевое навершие плетки (?) (рис.3.Б). У кольца есть штырек. От него тянулись кожаные узелки, образующие собой, вероятно, плетку.

Прядки железные без специального приспособления для соединения с ремнем (рис.7.7,8). Обе в обломках, двух типов. I тип - прямоугольная; II тип - круглая. Большая прямоугольная пряжка употреблялась в конской обрube.

Кольца железные уздечные (?) - 3 экз. (рис.2.4; 7.3). Откованы из прутка круглого в сечении. Диаметр 2,5 - 3 см.

Серебряные дирхемы - 6 экз. (рис.1.А; 10.2). Целых экземпляров 5 и одна обрубленная четвертинка. Монета 7/2 ЗМР Джанибек-хана, чекан Сарая ад Махруса 749 г.х. (1348-1349)/15/. Монеты 1/2 ЗМР Джанибек-хана, чекан Сарая ад-Джедиди 745 г.х. (1344/1345); 748 г.х. (1347-1348); 750 г.х. (1349/1350); 753 г.х. (1352/1353).

Предметы неопределенного назначения - железная обкладка прямоугольная, с плавно закругленными краями. На внешней стороне видны шляпки штифтов, на внутренней - дерево (рис.3.А). Железная плоская пластина с округлыми краями (рис.4.Ж).

Земляная наполь, простая яма и со ступеньками, западная ориентировка и вытянутое положение умершего, тризна в насыпи типичны для средневековых памятников Юго-Восточной Европы. После относительно недолгого отсутствия этих признаков в Н.Новолжье они вновь появляются здесь в ордынскую эпоху. Сочетание их с локальными чертами обряда (сырцовые вымостки, подбойные ямы) и с рядом вещей (стремена типа Д П, серьги типа У1 б, гончарная керамика), являющихся хронологическим репером для XIII-XIV вв. (4.С.116), выделяет анализируемые памятники хронологически и регионально. Монеты Зауморского могильника определяют его нижнюю дату со второй половины XIV века.

Болотоордынский период в последнее время расширен и разделен на два этапа: языческий и мусульманский (5.С.35). С появлением сырцовых вымосток, резким сокращением тризн, погребального инвентаря и исчезновением захоронений коней заканчивается языческий период (5.С.52). Сложную социальную ситуацию, образовавшуюся в раннемусульманское (переходное) время отражает материал Зауморского могиль-

ника. Сосредоточение курганов с вымостками компактной группой от простых насыпей, синкретичность обряда подчеркивает постепенность смены идеологий в среде кочевого общества и сосуществование двух религий.

Проводя параллели между погребальными комплексами у сел Мирный, Кочетное, Новопривольное, Зауморье, Березовка с комплексами сопредельных территорий нельзя не отметить их типологическую близость с западной группой памятников Южного Урала, которая, в свою очередь, связывается с царевской группой нижневолжских древностей (5.С.60-62). Относить же анализируемые памятники к какой-либо из заволжских групп (Быкочская, царевская) пока преждевременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Искренне благодарю В.А.Допатина, И.И.Дремова, А.И.Юдина за предоставленный материал. Допатин В.А. Отчёт об археологических исследованиях в Саратовском Заволжье в 1982 году // Архив ИА АН СССР. Р-1; Дремов И.И. Отчет о раскопках могильников у сел Березовка, Новопривольное, Белогорское в 1988 году // Архив ИА АН СССР.Р-1; Дяхов С.В.Отчет об археологических исследованиях Ю Заволжской археологической экспедиции в Саратовской и Волгоградской областях в 1989 году // Архив ИА АН СССР.Р-1; Юдин А.И. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Заволжье в 1990 году // Архив ИА АН СССР.Р-1.
- 2 Не учитывается материал первого года раскопок Зауморского могильника - Якубовский Г.Д. Отчет об археологических работах в Саратовском Поволжье в 1988 году // Архив ИА АН СССР.Р-1.
- 3 Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Свердловск, 1975. № 13.
- 4 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью зодотоордынских ханов. М.,1966.
- 5 Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.,1988.
- 6 Ларенок П.А. Отчет о раскопках Таганрогского краеведческого музея на Нижнем Дону в 1989 году // Архив ИА АН СССР. Р-1.
- 7 Арзюттов Н. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья (из раскопок 1925 года). Саратов, 1929.
- 8 Йовков С.М. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болга-

- ржи // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- 9 Культура Биляра. М., 1985.
- 10 Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ за 1989 год // Архив ИА АН СССР. Р-1.
- 11 Чалинцев Вл. Химический анализ бронзовых зеркал из коллекции Саратовской Ученой Архивной комиссии // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып.30.
- 12 Валеев Ф.К. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья Йошкар-Ола, 1975.
- 13 МАК.М., 1900. Т.Уш. Табл.СІХ.
- 14 Искренне признателен В.И.Пырсову, определившему монету.

Примечание к таблице № I

1 колонка: Змр - Зауморье; Брзв - Березовка; Мри - Мирный; Нвпр - Ново-Привольное; Кчтн - Кочетное. В числителе - номер кургана, в знаменателе - номер погребения.

2 колонка: в числителе - размер диаметра, в знаменателе - размер высоты.

3 колонка: у - уголь; кркн - керамика; кж - кость животного; д - дерево; о - охра.

4 колонка: рис. - внутрикурганные сооружения; вмсн - вымостка; вклд - выкладка.

6 колонка: прм - прямоугольная; трп - трапециевидная; гдб - подбойная.

7 колонка: + - уровень от материка; ++ - размеры входной ямы - 1,87 x 0,7 x 0,56.

8 колонка: рис. - внутримогильное сооружение; грб - гроб; клд - колода; рм - рама; зкл - заклад; од - остатки дерева.

10 колонка: м - мужчина; ж - женщина; пдр - подросток; взр - взрослый.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА № I ПОГРЕБЕНИЙ

наименование памятника	насыпь кургана			могильная яма		
	размеры, м	находки в насыпи		ориентировка	форма и тип	размеры, м
I	2	3	4	5	6	7
Эмр 7/1	0,2-0,3 10	у кк кромк	эмстк	В-З	прм простая	2,6x0,85x0,95
7/2			вмлд	В-З	прм заплевички	2,05x0,8x0,55 ⁺
7/3				КЗ-СВ	прм простая ступенька	2,2x1,1x0,54 ⁺
8/1	0,2-0,3 12	кк кромк		КЗ-СВ	прм простая	2,55x1,22x1,1
9/1	0,05-0,1 6	мотыль		КЗ-СВ	- " -	2,5x0,8x0,82
10/1	0,1-0,18 8	у д о кромк		КЗ-СВ	- " -	1,2x0,47x0,3
10/2				КЗ-СВ	- " -	2,1x0,75x0,3 ⁺
10/3				В-З	- " -	2,35x0,65x0,45
II	0,06-0,08 4	кромк				
12/1	0,27 11x6	кк		КЗ-СВ	трп простая	1,5-1,0x2,05x1,0
12/2				КЗ-СВ	прм простая	2,8x1,1x1,0 ⁺
13/1	0,35-0,39 12	кк		В-З	прм заплевички	0,95x0,55x0,5
14/1	0,12-0,15 8	кк		КЗ-СВ	прм ниша заплевички	2,15x1,8x0,75 ⁺
14/2				КЗ-СВ	прм простая	2,7x1,2x0,8
Брзв 2/1	0,2-0,25 10		эмстк	С-Д	прм заплевички	2,2x2,2x0,9-1,1
Мрн 3/1	0,28-0,32 10			В-З	прм ниша ступенька	2,5x1,12x1,4
4/1	0,08-0,38 10			В-З	прм простая	2,3x0,65x1,45
5/1	0,03-0,17 8			СВ-ЗВ	прм простая	1,9x0,73x0,55
6/1	0,08-0,09 6			КЗЗ-СВВ	прм	1,92x0,57x0,56
Кчтн 7/2	0,11-0,16 16			В-З	пдс в сев. стенки	2,05x0,65x0,7 ++
Нвпрв п.36				В-З	прм простая	1,6x0,5x0,27 ⁺

ЗОЛОТООРДИНСКОГО ВРЕМЕНИ

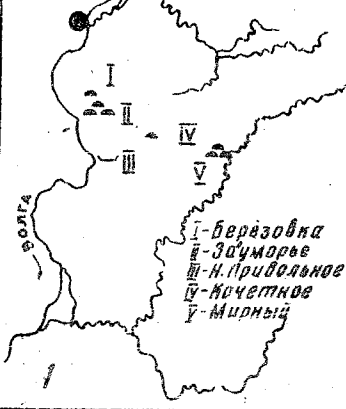
	Погребенный					Примечание
	ориенти-ровка	пол	поза	положение рук	положение ног	
8	9	10	11	12	13	14
ГР0	з	м	вытянуто на спине	вытянуты	вытянуты	органический тлен
КЛД	з	пдр	- " -	левая согнута	- " -	
	кз	взр	сжорчено на левом боку	вытянуты в сторону	согнуты	
		взр	разрушено			
	кз	м	вытянуто на спине	вытянуты	вытянуты	
	св	пдр	- " -	левая согнута	левая согнута	
рм	св	ж	- " -	согнуты	вытянуты	органический тлен
	з	взр	- " -	левая согнута	- " -	
		взр	разрушено			
рм	св	ж	вытянуто на спине	вытянуты	вытянуты	органический тлен
	кз	ж	вытянуто на спине	согнуты; кисти на тазе	вытянуты	
			разрушено			
зкл гр0	з	взр пдр	вытянуто на спине	вытянуты	вытянуты	парное
зкл од	з	ж	- " -	- " -	- " -	
кЛД	з	ж	- " -	- " -	- " -	
	з	взр	- " -	- " -	- " -	
	кзз	взр	- " -	- " -	- " -	
зЛД	з	м	- " -	- " -	- " -	
кЛД	з	пдр	- " -	правая согнута	- " -	

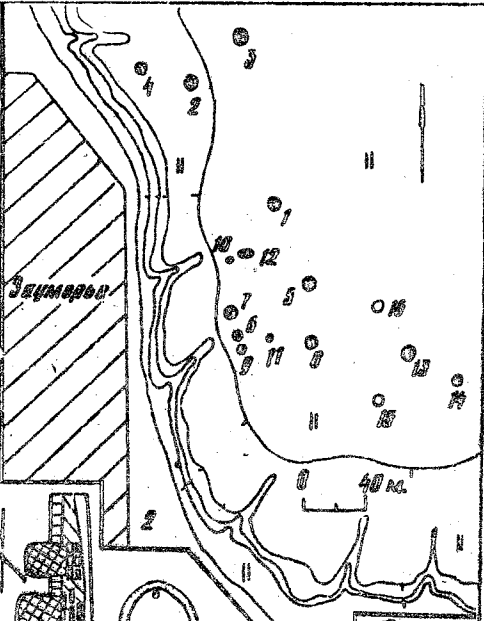
ТАБЛИЦА №2: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАХОДК В ЗОЛОТООРУДИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Наименование памятника	Вооружение, конская упряжь	Украшение	Бытовые вещи
Зауморье 7/1	Солой кинжал стрелы меч пряжка кольца	серьги бусы огнер оляшка ланья, украшения-адагет надря зеркало металлическ. кост.	ножины пробель привески шляпа сальтаны ограуны килетка привалице кольца половец. крючок бусом. алячки кожа коробочка берест
7/2			+
7/3			+
8/1	+		+
9/1			+
10/1			+
10/2			+
10/3			+
12/1	+		+
12/2			+
14/1			+
14/2	+		+
3/1	+		+
4/1	+		+
Березовка 2/1			+
Н.Привольное п.36			+

Саратов

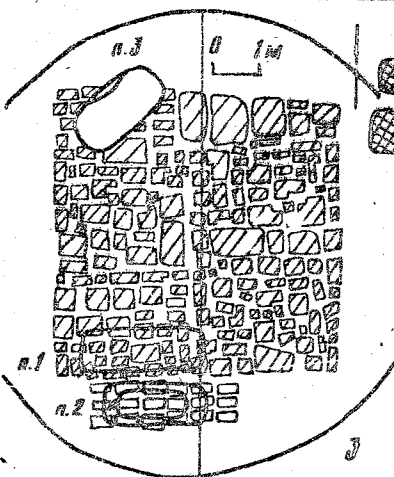

I - Березовка
 II - Заумарье
 III - Н. Придольное
 IV - Качеткое
 V - Мирный

Заумарье

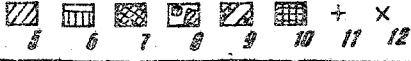
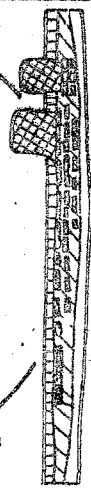
40 М.

п. 1

п. 2

1 м

4

5

6

7

8

9

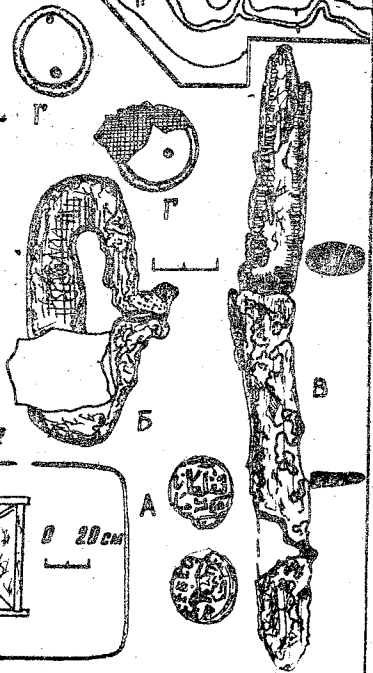
10

11

12

+

x

Г

Г

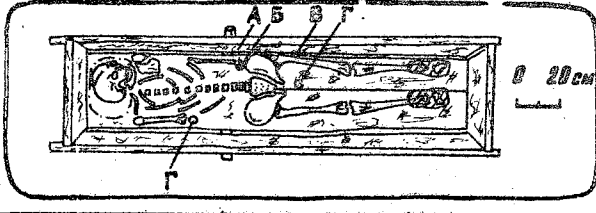
Г

А

А

Б

В

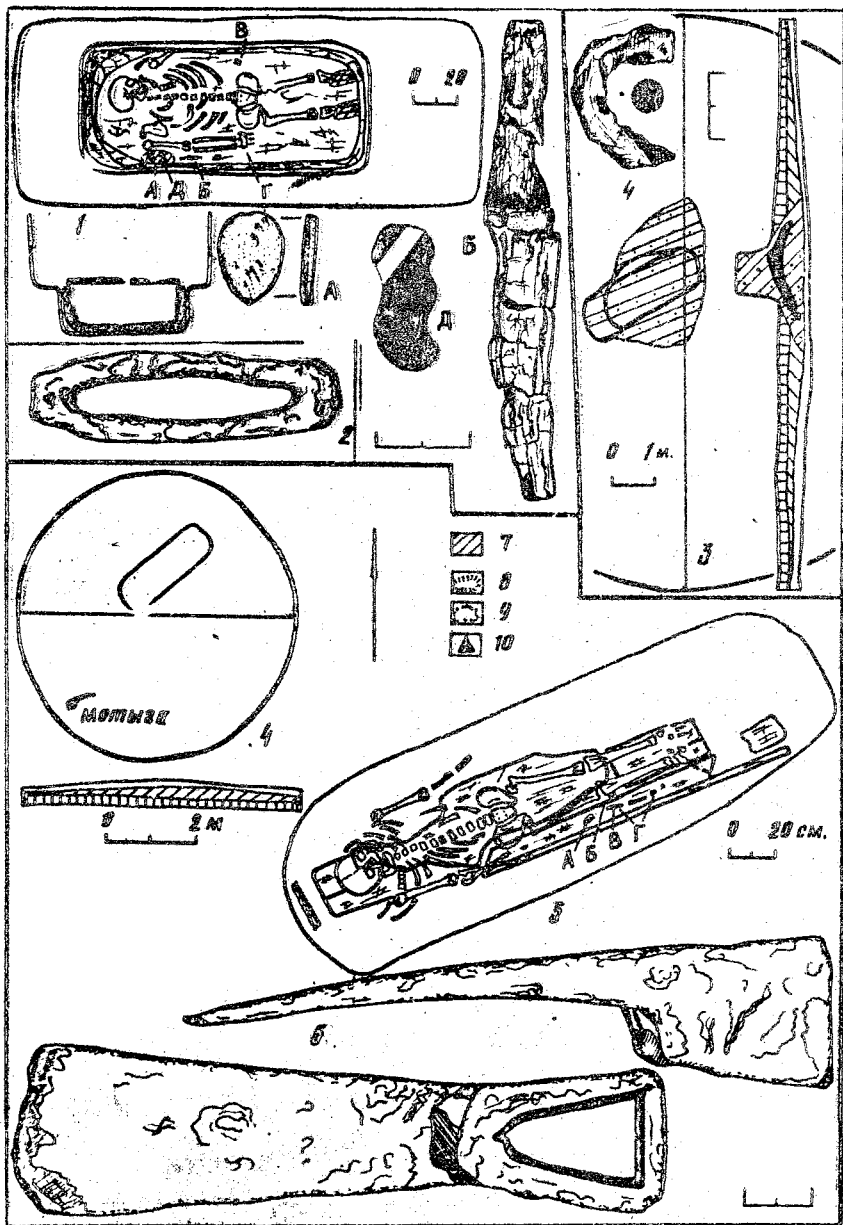
А

Б

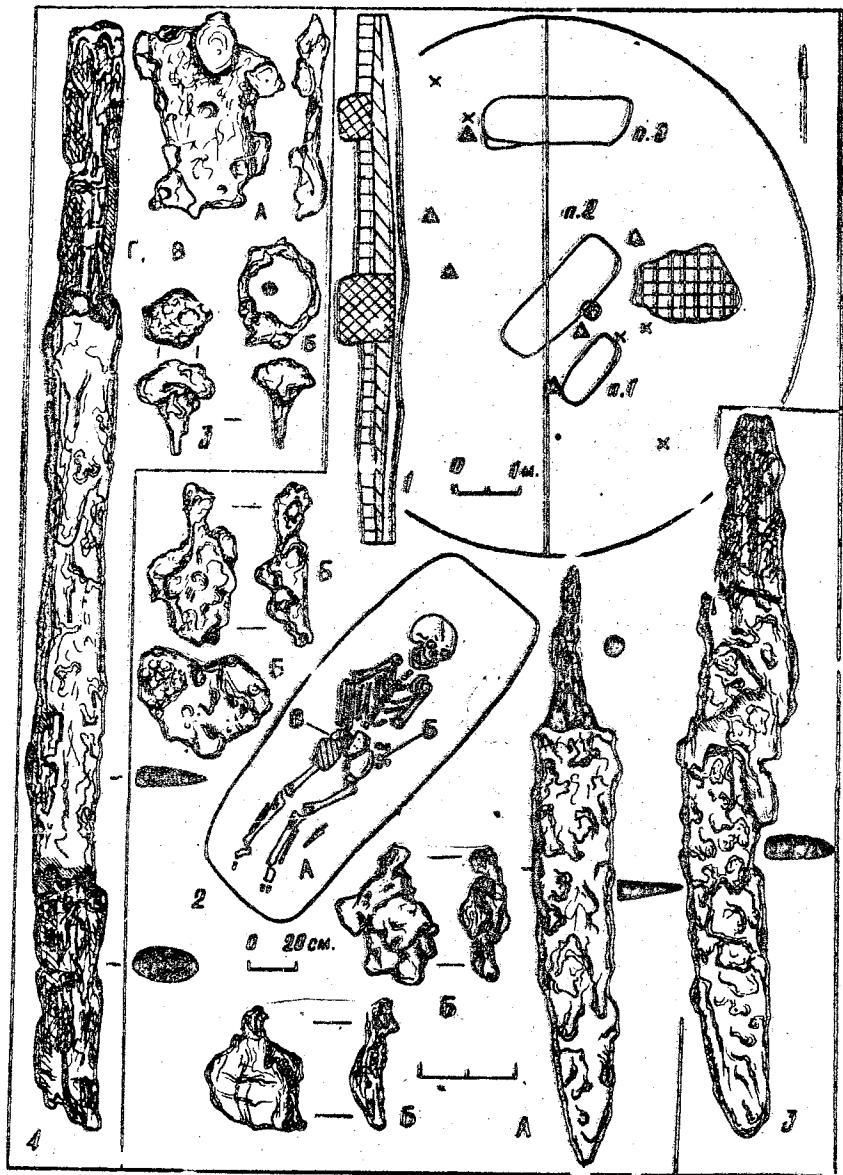
В

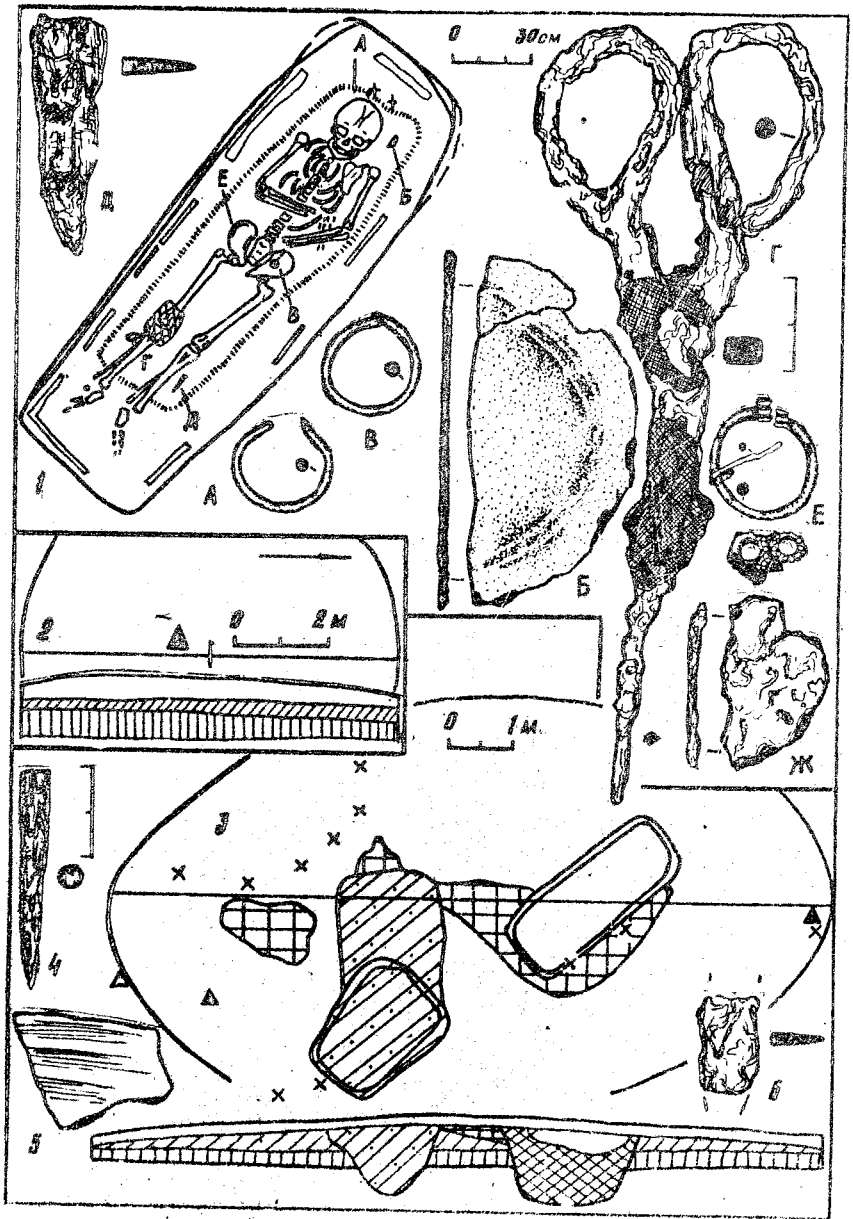
Г

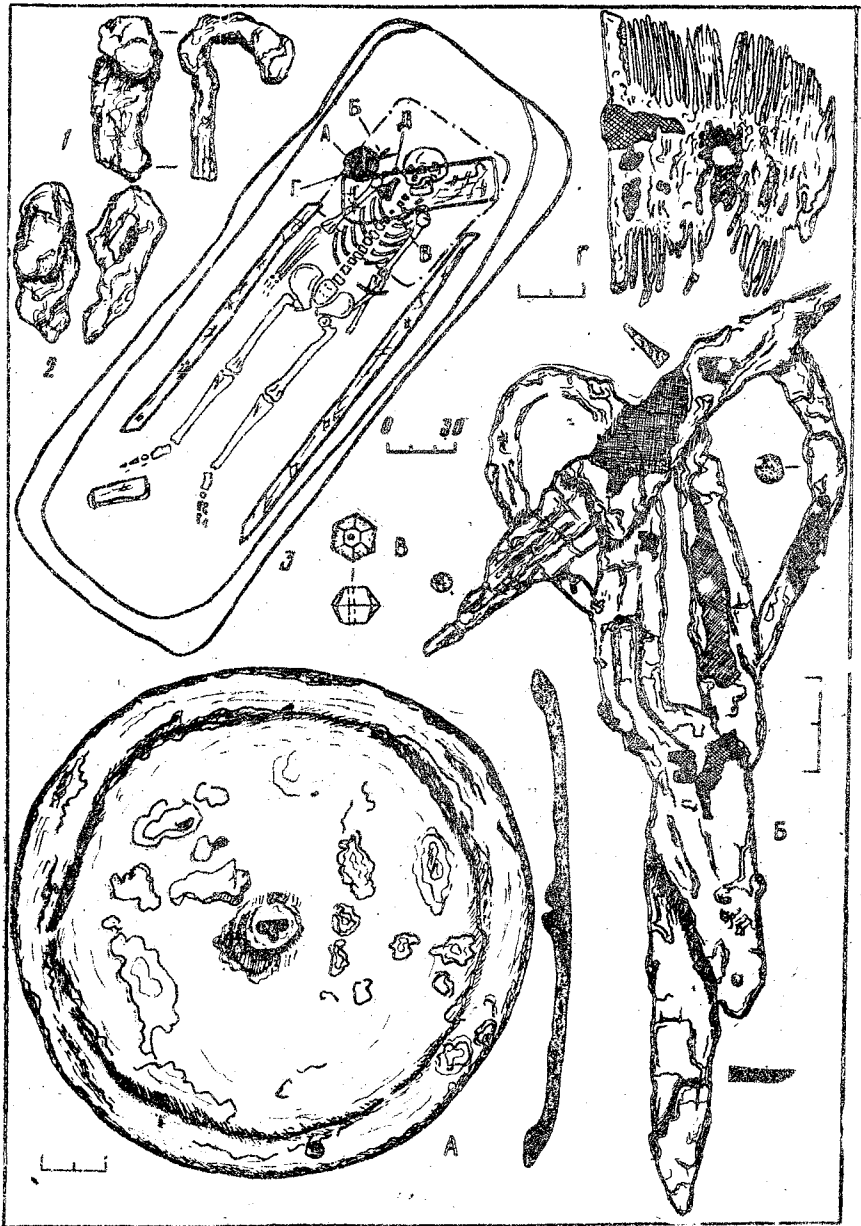
0 20 см

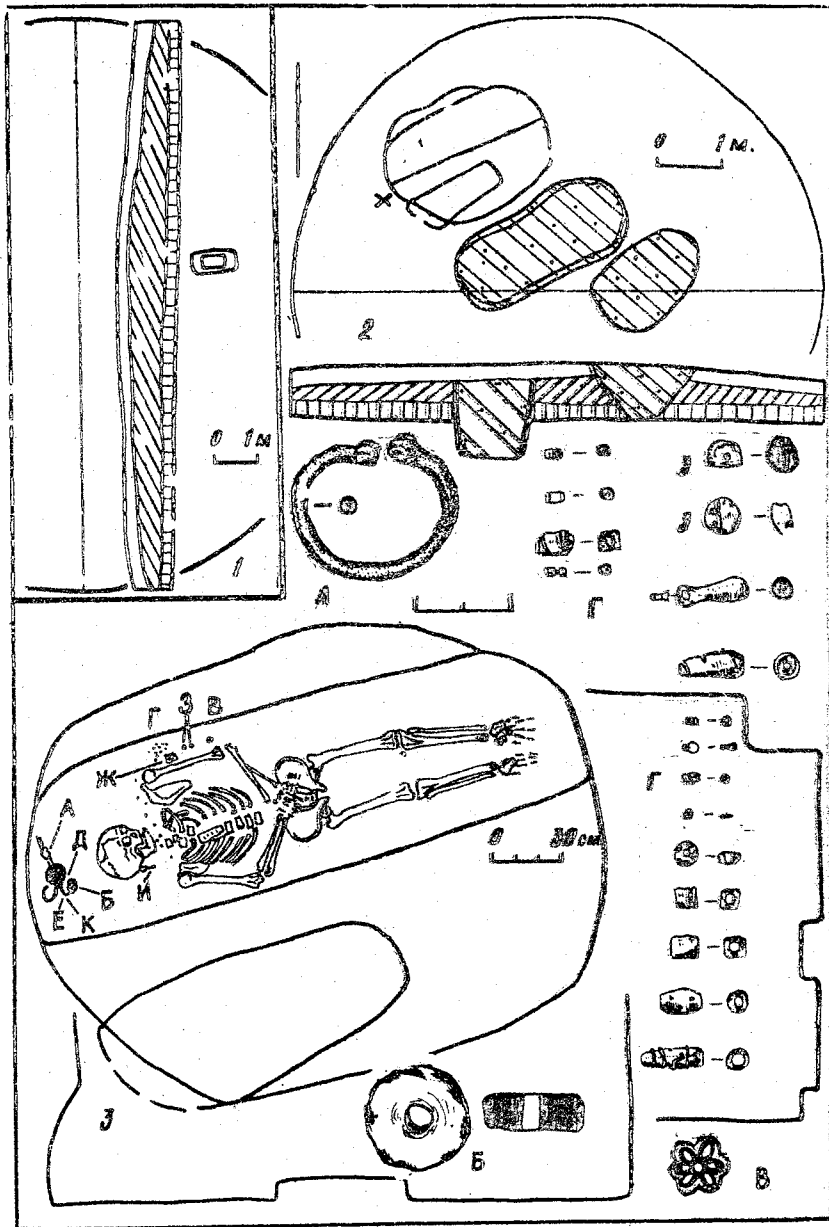

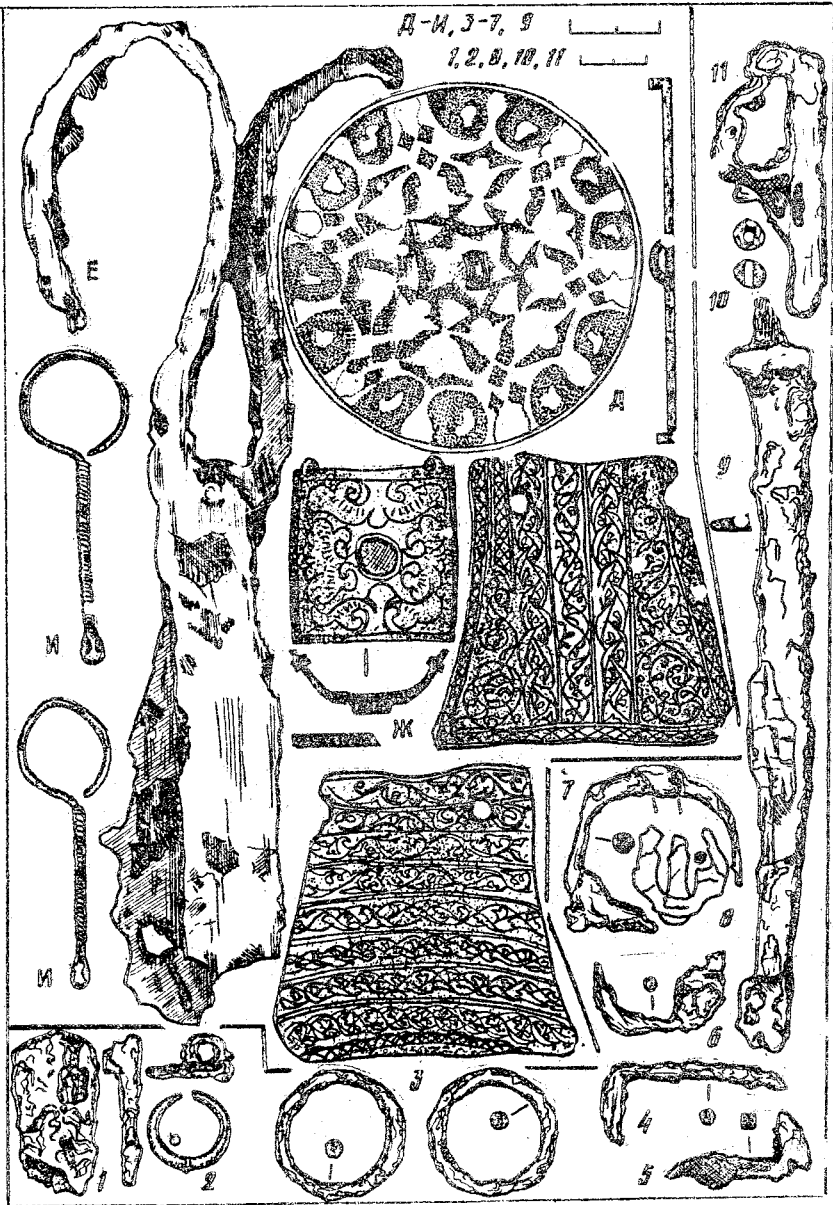

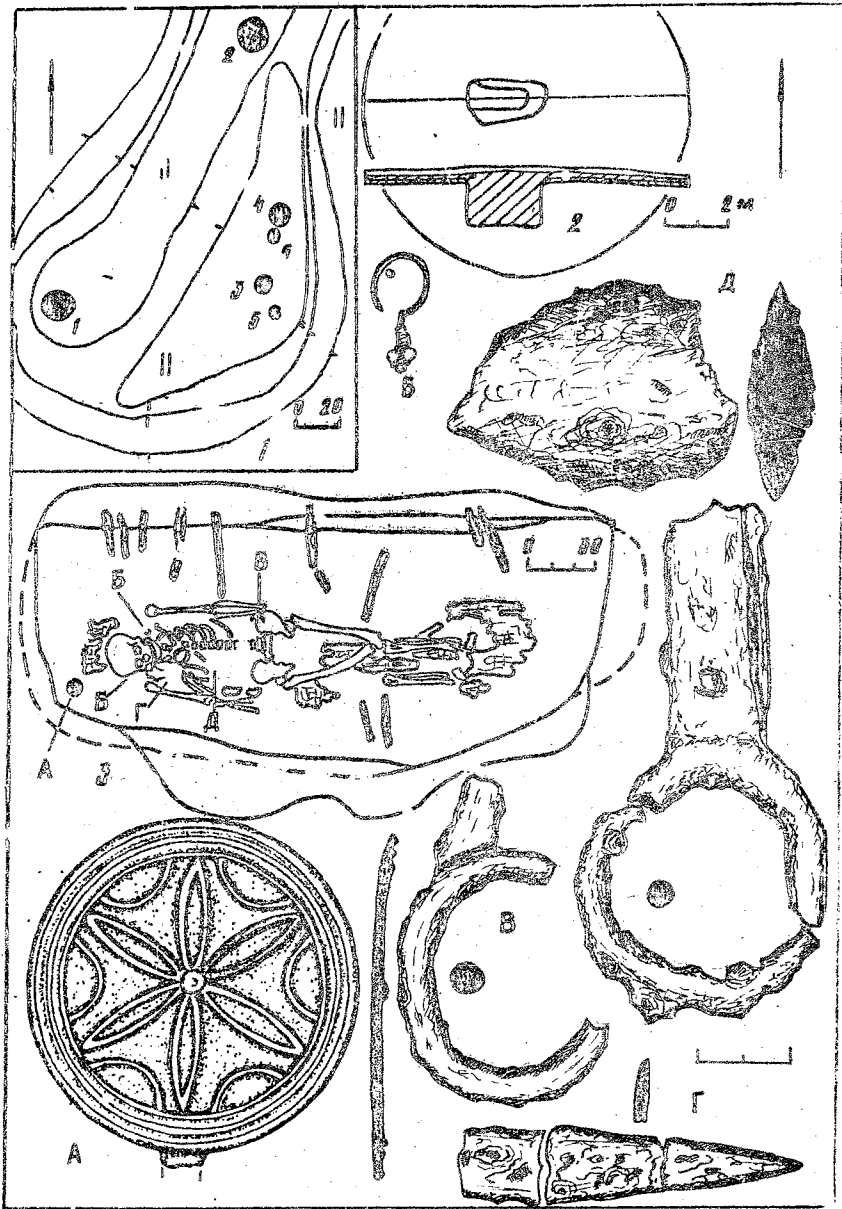

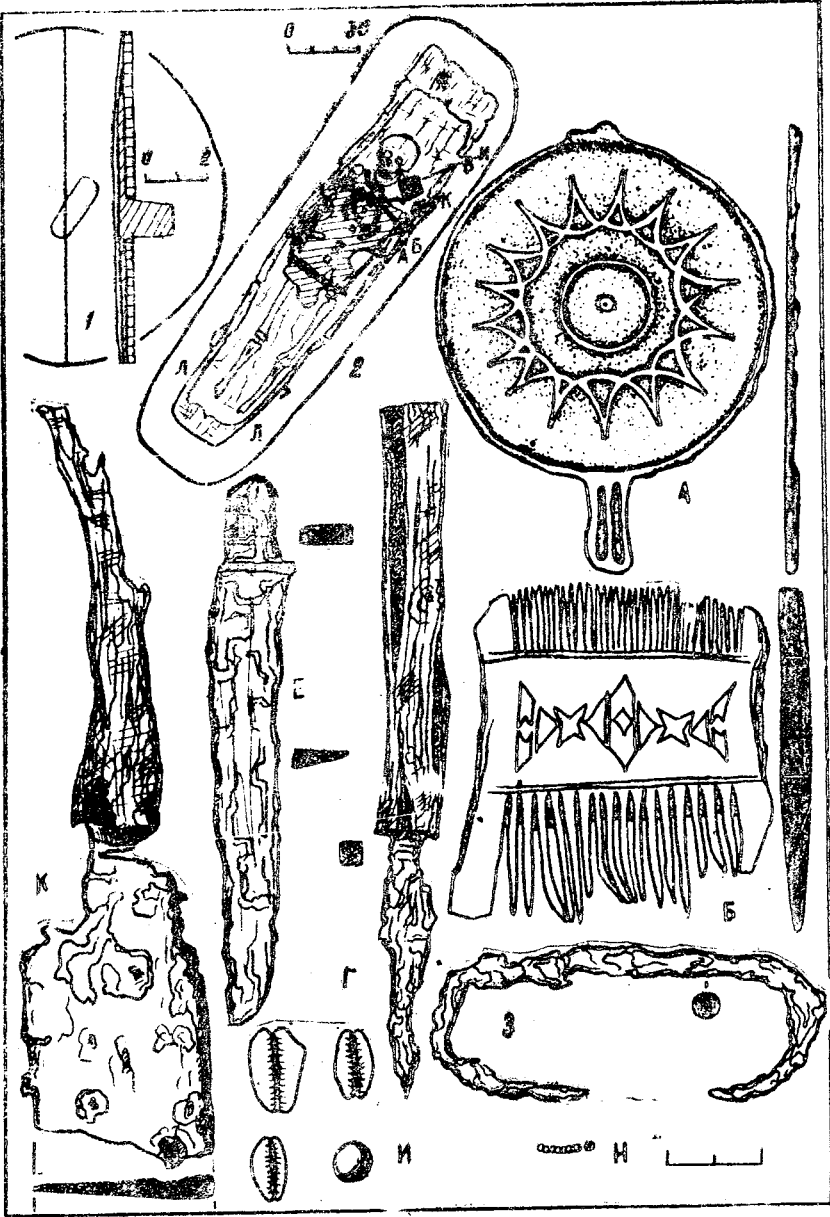

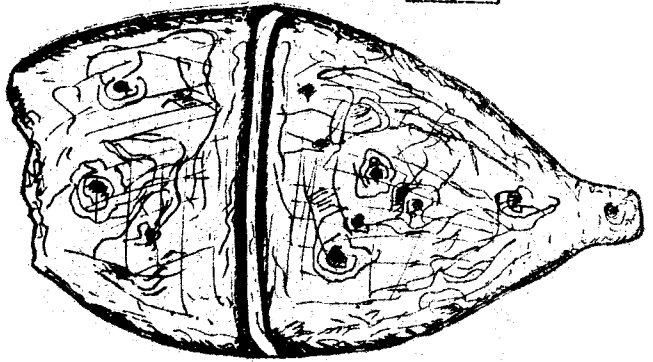
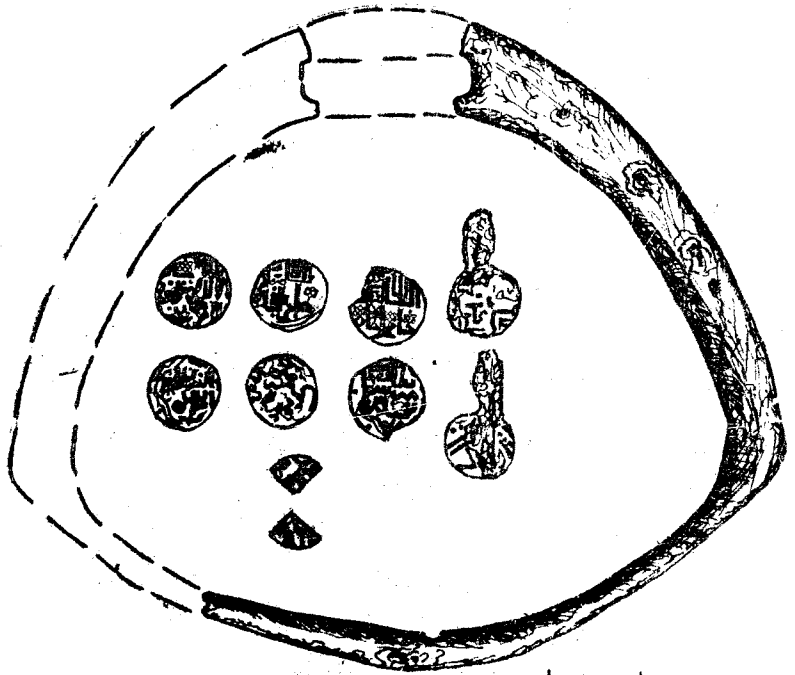
Д-И, 3-7, 9

1, 2, 8, 10, 11

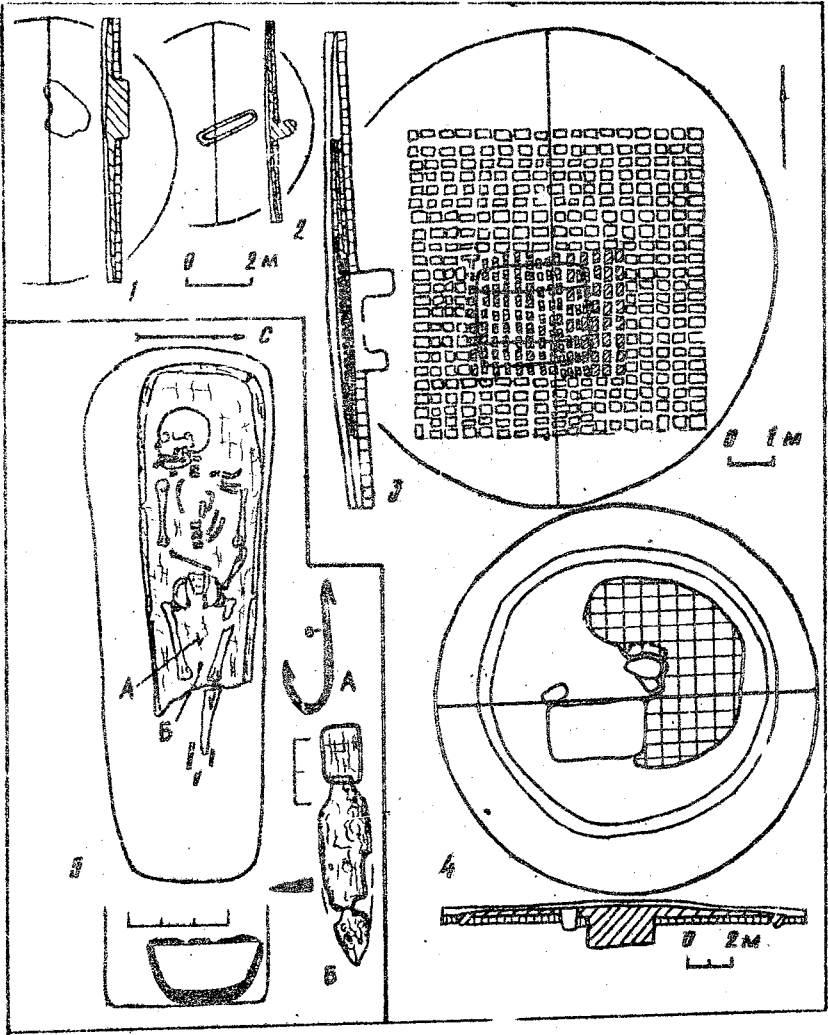

Подписуночные подписи

Рис.1. I - Схема расположения памятников; 2 - схема курганного могильника у с.Зауморье; 3 - план кургана I; 4 - план погребения I; А-Г-вещи из погребения I; 5 - насыпь; 6 - погребенная почва; 7 - засыпь могил; 8 - темно-серые кирпичи; 9 - перекоп; 10 - выкид; II - уголь; 12 - кость животного

Рис.2. I - план погребения кургана 7; А-Д - вещи из погребения 2 кургана 7 (В - обломки железа; Г - керамика); 3 - кресало из погребения 3 кургана 7; 4 - план кургана 9; 5 - план погребения I кургана 9; А-Г - вещи из погребения I; 6 - мотыга из насыпи кургана 6; 7 - остатки кожи; 9 - кошма; 10 - керамика

Рис.3. I - план кургана 10; 2 - план погребения I кургана 10; А - Б - вещи из погребения I; 3 - нож из погребения 3 кургана 10; 4 - А - Г, 8 - вещи из погребения I кургана 9

Рис.4. I - план погребения 2 кургана 10; А-А - вещи из погребения 2; 2 - план кургана II; 3 - план кургана 12; 4-6 вещи из погребения I кургана 12

Рис.5. 1,2 - вещи из засыпи могилы 2 кургана 12; 3 - план погребения 22 кургана 12; А-Г - вещи из погребения 2

Рис.6. I - план кургана 13; 2 - план кургана 14; 3 - план погребения I кургана 14; А-Г-вещи из погребения 1

Рис.7. I-II - вещи из погребения 2 кургана 14; Д-И - вещи погребения I кургана 14

Рис.8. I - план могильника у с.Мирный; 2 - план кургана 3 у с. Мирный; 3 - план погребения I кургана 3; А-Д- вещи из погребения I

Рис.9. I - план кургана 4; 2 - план погребения I кургана 4; А-Н- вещи из погребения I; В - берестяная коробочка; Д - брусочек мела; Л - стрелена

Рис.10. I - стрелена из погребения I кургана 4 у с.Мирный; 2 - монеты из погребения 2 кургана 14 у с.Зауморье

Рис.11. I - план кургана 5 у с.Мирный; 2 - план кургана 6 у с. Мирный; 3 - план кургана 2 у с.Березовка; 4 - план кургана 7 у с. Кочетное; 5 - план погребения 36 из дюны у с.Новопривольное; А - Б - вещи из погребения 36

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ	- Археология и этнография Башкирии
БСЭ	- Большая советская энциклопедия
ВАН	- Вестник АН СССР
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ВГПИ	- Волгоградский Гос. педагогический институт
ВДИ	- Вестник древней истории
ВИ	- Вопросы истории
ВРязк	- Вестник рязанских краеведов
ГАСО	- Гос. архив Саратовской области
ЗРАО	- Записки Русского археологического общества
ИА	- Институт археологии
ИАК	- Известия Гос. Российской археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИИМ РСФСР	- Известия и материалы Рязанского областного Средне-Окского музея
ИКИИУВО	- Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ
ИОИАИЭКазанГУ	- Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете
ИСаратНВИК	- Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения
ИС	- Исторический сборник
ИНВИК	- Известия Нижне-Волжского института краеведения
КГПИ	- Куйбышевский Гос. педагогический институт
КЭ	- Краеведческие записки. Куйбышев
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КФ	- Казанский филиал АН СССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР

МЭ	- Материалы по этнографии. Изд. Русского музея
Нит	- Наука и техника. Д.
НК	- Наш край. Астрахань
НП	- Глянец Поволжье. Саратов
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГАИМК	- Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГОМ	- Саратовский Гос. областной музей
СНВМК	- Сообщения нижеволжского краевого музея
СУАК	- Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ	- Советская этнография
Тр. ВладимирГОМ	- Труды Владимирского государственного областного музея
Тр. ГИМ	- Труды Государственного Исторического музея СССР
Тр. ЗарКИ	- Труды Вараиского краевого музея
Тр. КАЭ	- Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М.
Тр. марАЭ	- Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. МарНИИ	- Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
Тр. МНИИЛДИЭ	- Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
Тр. МНИИСК	- Труды Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры
Тр. НВОНОК	- Труды Нижне-Чолжского областного научного общества краеведения
Тр. ОАИЭСамарГУ	- Труды Общества археологии, истории и этнографии при Самарском гос. университете
Тр. ОИАЭСаратК	- Труды Общества истории, археологии и этнографии Саратовского края
Тр. ОИРН	- Труды Общества исследователей Рязанского края
Тр. ЯОДНИК	- Труды Пензенского Общества любителей естествознания и краеведения
Тр. РязБК	- Труды Рязанского бюро краеведения
Тр. СОМК	- Труды Саратовского областного музея краеведения
ТСА РАНИСН	- Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗ МарНИИЯЛИ	- Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗ СаратГПИ	- Ученые записки Саратовского гос. педагогического института
УЗ СаратГУ	- Ученые записки Саратовского государственного университета